

А.А. Пороховский

**ВЕКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

A.A. Porokhovsky

VECTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT

MOSCOW
TEIS
2002

А.А. Пороховский

ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2202

МОСКВА
ТЕИС
2002

Пороховский А.А. Вектор экономического развития. — М.: ТЕИС, 2002. — 304 с.

Предмет анализа монографии доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова — актуальные вопросы формирования современной экономической теории, которая вместе с другими общественными науками ищет ответы на вызовы нашего времени. Детально исследуется российская модель рыночного развития. Выявляются закономерности американского лидерства в мировом сообществе. На основе обобщения богатого современного фактического материала читатель подводится к выводу о неизбежности социальной направленности вектора экономического развития в XXI столетии.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов и студентов экономических и управленческих специальностей, а также для широкой общественности из органов государственной власти и деловых кругов, для всех, кто своей активной позицией способствует возрождению России.

ISBN 5-7218-0437-8

© Пороховский А.А., 2002
© ТЕИС, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Введение.....	9
ОТДЕЛ 1. ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
1. Функциональное значение экономики.....	12
2. Ориентиры экономической теории: российское измерение.....	17
3. Базовое значение традиций.....	23
4. Системность исследования и знания.....	31
5. Проблемы научных парадигм.....	34
6. О некоторых чертах американской науки.....	45
7. Нобелевская оценка американских экономистов.....	50
8. Страновые особенности рыночных моделей.....	67
9. Рыночные параметры глобализации.....	91
ОТДЕЛ 2. РОССИЙСКИЙ РЫНОЧНЫЙ ПУТЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ	
1. Россия и национальная экономическая безопасность.....	113
2. Мирохозяйственный потенциал страны.....	120
3. Финансовая система: общетеоретический ракурс.....	134
4. Самоопределение в координатах мирового развития.....	140
5. Оптимизация экономической роли государства.....	148
6. Национальная рыночная модель: противоречия реализации.....	156
ОТДЕЛ 3. ФЕНОМЕН АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА	
1. Особенности американской модели.....	172
2. Основополагающее значение «Нового курса» Ф.Рузвельта.....	186
3. Теоретические основы федеральной экономической политики.....	196
4. Экономически эффективное государство — решающий фактор устойчивого развития.....	204
5. Динамика мирохозяйственных процессов.....	214
6. Вызовы наступившего века.....	223
7. Роль государственной собственности.....	237
8. Акционерный капитал — опорное звено прогресса.....	247
9. «Новая экономика» как конкурентное преимущество.....	267
10. Государственный фактор «новой экономики».....	284
Заключение.....	300

CONTENTS

Preface	7
Introduction	9
Section I. Recent Challenges and Economic Theory	
1. Functional meaning of economics	12
2. Economic theory orientations: Russian approach	17
3. Fundamental significance of traditions	23
4. System research and knowledge	31
5. Problems of scientific paradigms	34
6. About some features of American science	45
7. Nobel evaluation of American economists	50
8. Countries' particularities of market models	67
9. Market parameters of globalization	91
Section II. Russian Market Way: Overcoming the Difficulties	
1. Russia and national economic security	113
2. Country's potential: world approach	120
3. Financial system: theoretical outlook	134
4. Selfdetermination in the world development axes	140
5. Optimization of government economic role	148
6. National market model: contradictions of implementation	156
Section III. Phenomenon of American Leadership	
1. American model features	172
2. Fundamental importance of F. Roosevelt «The New Deal»	186
3. Theoretical principles of federal economic policy	196
4. Economic effective government — decisive factor of sustainable growth	204
5. Dynamics of world development	214
6. 21st century challenges	223
7. Government property role	237
8. Joint — stock capital — main foothold of progress	247
9. The «New Economy» as a competitive advantage	267
10. Government factor of the «New Economy»	284
Conclusion	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богатое наследие мировой и отечественной экономической науки помогает оценить трансформационные процессы в российской экономике и новые тенденции в развитии мирового хозяйства. Однако вызовы нашего времени не всегда вмещаются в традиционные теоретические формулы существующих научных школ и парадигм. Поэтому общая экономическая теория и другие ветви экономического знания ищут адекватные подходы и решения современных социально-экономических проблем.

Выдвинутые в монографии теоретические положения, выводы, оценки и предложения неоднократно обсуждались в студенческих и аспирантских аудиториях экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, других вузов России и за рубежом, были предметом дискуссий на многочисленных научных конференциях и семинарах, а также на страницах центральных периодических изданий и в ряде коллективных монографических публикаций. Однако первыми оппонентами прозвучавших идей были и остаются мои коллеги по совместной работе на кафедре политической экономии экономического факультета и в Институте США и Канады Российской Академии наук. Именно благодаря их конструктивно-деловому отношению удалось представить широкую тематику в едином и целом монографическом анализе. Как известно, в экономической науке индивидуальное творчество имеет основополагающее значение, но без общественной апробации ему трудно претендовать на определенную социальную роль и звучание.

Понятно, что в центре внимания — Россия. Какие бы вопросы ни рассматривались, все так или иначе связано с реальными российскими проблемами. Вместе с тем довольно обстоятельному анализу подвергнут феномен американского лидерства в XX и наступившем XXI вв. Речь не идет о «погоне» за лидером и тем более о копировании «американской модели». Определяясь с «рыночной моделью», было бы вредно игнорировать опыт других стран и прежде всего таких, которые сумели подчинить рыночный механизм и демократические принципы своим национальным интересам. В условиях развивающейся глобализации пример США по отстаиванию, защите и продвижению своих национальных интересов требует пристального внимания и изучения.

Усложнение современного экономического и социального развития предполагает не только его постоянный мониторинг и изучение, но и научно обоснованное прогнозирование. Человечество не может ограничиться только реагированием на вызовы времени, оно должно быть готовым к будущим переменам и в экономике, и в обществе, и в окружающей среде. В этих быстро изменяющихся условиях возрастает значение экономической теории, без которой трудно сформировать оптимально для каждого периода развития как экономическую политику государства, так и экономическое поведение компании и индивида. Поэтому ключевая роль экономической теории в экономической науке и хозяйственной деятельности предопределила ее ведущее место в проведенном исследовании.

Особая благодарность Центру исследований постиндустриального общества, обеспечившему финансовую поддержку данного издания.

Неоценимую помощь в подготовке компьютерной верстки оказала Н.В. Чернявская.

В монографии есть немало провоцирующих вопросов, которые еще ждут должного теоретического развития и практической реализации. Заранее благодарен всем, кто готов участвовать в их обсуждении и направит свои отклики по моему электронному адресу: anapor@mail.econ.msu.ru.

Москва, июнь 2002 г.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие человеческой цивилизации — это сложный многогранный процесс, который не прекращается никогда, наращивая прогрессивные достижения и порождая непростые проблемы. Среди многих составляющих этого процесса своей определяющей значимостью выделяется экономическая составляющая. Если экономическая сторона жизни не вызывает напряжение в обществе, то и все другие ее стороны — нравственная, культурная, образовательная, национально-этническая, научно-инновационная и другие — имеют простор для своего развития и бесконфликтного сосуществования. Однако любой сбой в экономике болезненно отражается на судьбах людей.

Тенденции и закономерности экономического развития в XXI в. и тем более в третьем тысячелетии нам не найти в прошлом. Новое время рождает свои приоритеты, свои вызовы, требует адекватных теоретических обобщений и прогнозов. Однако как раз в экономической сфере есть немало явлений, которые в любое время — и в средние века, и в XX столетии, и в будущем — в значительной мере предопределяют характер и темпы развития отношения между людьми, качество жизни вообще. Это — личная свобода граждан, сочетание различных форм собственности с равнозащищенными правами на нее, свобода выбора частных благ и равнодоступность общественных благ, конкурентно-рыночный механизм хозяйственных связей, государственные институты как гарант устойчивости системы и демократические институты как выразители прав личности и общественных интересов. Поэтому рассматривать общественное развитие без исследования указанных явлений — это значит выхолащивать экономический анализ, строить абстрактные конструкции вне времени и пространства. Понятно, что ни одно явление не выступает одинаково в разных обстоятельствах и разное время. Однако его суть не может не сказываться на устойчивости своих характерных черт.

Главная тема монографии — определение вектора экономического развития в координатах третьего тысячелетия и прежде всего — XXI в. Как генеральное направление, такой вектор выражает путь всего человечества. Однако каждое государство стремится в русле общемировых тенденций найти для себя наиболее подходящее развитие — и соответствующее национальной специфике, и гармонирующее с национальными традициями и интере-

сами, и воспринимающее глобальные проблемы. В самом общем виде такой вектор должен указывать на повышение качества жизни, а потому его можно представить на плоскости, где по горизонтальной оси отсчитывается время, а по вертикальной — интегрированный уровень качества жизни. Конечно, в реальности такой вектор расположен в многомерном пространстве, где осями координат выступают самые различные параметры.

Итак, этот вектор является социальным и по направлению, и по своему содержанию. Современное развитие можно считать эффективным, если оно обеспечивает соответствующее времени качество жизни как отдельному человеку, так и обществу в целом. Вместе с тем для того, чтобы максимизировать участие каждого члена общества в достижении как индивидуальных, так и общих результатов, историческим опытом отобран рыночный механизм. И хотя внешне в рыночном хозяйстве все в той или иной степени становится предметом купли-продажи, сам по себе рынок (и его атрибуты) никогда не был и не может быть самоцелью общественного развития. Он играет подчиненную роль, является средством достижения социальных целей, методом рациональной мобилизации имеющихся ресурсов в рамках всегда существующих каких-либо ограничений.

Общая экономическая теория выработала рыночную модель экономического развития. Такая модель служит хорошим ориентиром для каждой страны, чтобы в конкретных условиях реализовать свою национальную модель экономического развития. Опыт отдельных стран свидетельствует, что только теоретически выверенная и политически поддержанная национальная рыночная модель приводит к позитивным результатам и оптимизму в обществе. В такой модели у каждого своя роль — отдельного человека, предпринимателей, государства, демократических общественных институтов. Если хотя бы одно звено выпадает или пробуксовывает, то вектор меняет свое направление и колеблется между громадной социальной дифференциацией, коррупцией, истреблением национальных ресурсов и упадком нравов. Поэтому никогда экономическая теория не должна занимать выжидательную позицию, а своевременно нацеливать общество для устранения «зигзагов движения» и возвращения на устойчивый путь развития, сочетающий экономические и неэкономические факторы достижения социального прогресса.

Все эти проблемы и являются предметом настоящего монографического исследования. Весь материал представлен в трех

отделах. Если во втором и третьем отделах экономический анализ строится на примере России и США соответственно, то первый отдел целиком посвящен общетеоретическим вопросам. Такая структура монографии позволяет рассмотреть одни и те же явления с разных сторон и на различных уровнях исследования. Порой у читателя может сложиться впечатление о повторном рассмотрении тех или иных проблем. Но если вникнуть в суть предложенного анализа, то нетрудно видеть различные ракурсы, которые в целом как раз и создают полную картину реальных событий. Сам предмет исследования потребовал детальной теоретической проработки таких явлений и категорий, как рыночная модель, смешанная экономика, роль государства, экономическая безопасность, частные и национальные интересы, мировые тенденции и глобализация, «новая экономика» и другие. Особое внимание уделено развитию экономической теории как таковой.

И хотя «вектор экономического развития» рассматривается как общемировая тенденция, все же все аспекты и стороны монографического исследования в большей или меньшей степени рассматриваются через призму отечественных проблем, которые переживает или которые предстоит решать России на пути обеспечения своим гражданам достойного качества жизни, на пути утверждения своих позиций в мировом хозяйстве и сообществе.

ОТДЕЛ 1. ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

1. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИКС

Активное освоение современной немарксистской западной экономической теории в России и странах СНГ практически началось одновременно и преподавателями, и студентами, и хозяйственниками, и государственными мужами. Немалую роль в этом процессе сыграл учебник американских профессоров К.Макконнелла и С.Брю «Экономикс: принципы, проблемы и политика», который впервые был издан на русском языке в 1992 г.¹ при нашем активном участии. О большой популярности этого учебника среди американских и российских студентов свидетельствует, в частности, тот факт, что в США по тиражам среди учебников бакалаврского уровня с ним не может сравниться ни один другой учебник, а в России в 2002 г. вышло уже третье русское издание, являющееся переводом 14-го издания оригинала. Нельзя не отметить, что различные издания этого учебника переведены на многие языки. Его используют в колледжах Европы и Америки, Азии, Африки и Австралии. Хотя сам факт популярности учебника имеет немалое значение, в данном случае он нам необходим для уточнения как научных парадигм, так и отдельных понятий и определений.

В преддверии XXI в. наша страна начала переход к рыночной экономике, рыночному хозяйственному механизму. Прощаясь с плановой системой в экономике и обществе, мы тем самым лишь создаем предпосылки для рыночного хозяйства, становление которого не может произойти в одночасье. Дело в том, что исторически развитие рыночного хозяйства происходило как естественный процесс, предопределяющий во многом экономический и социальный прогресс человечества. Известно, что зарождение рыночных отношений началось еще при разложении первобытно-общинного строя. Но своего расцвета товарно-денежные отношения достигли при капитализме. В капиталистическом обществе «рыночное» воспитание человека начинается, можно сказать, с момента его рождения. Вся жизнь настраивает человека на предприимчивость и предпринимательство.

¹ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономика: принципы, проблемы и политика. В 2 т. Пер. с англ. 11-го изд. М.: Республика, 1992.

Конечно, нам не надо повторять все этапы и перипетии, которыми богата история рынка. Мы можем воспользоваться опытом других. Но сложность задачи состоит в том, что до сих пор никто в мире не переводил на рыночные рельсы столь громадный хозяйственный комплекс, каким является наша экономика. Нет исторических аналогов этому процессу, хотя свой путь демонстрирует КНР. Но есть гибко реагирующий на требования времени рыночный механизм современного западного общества.

В представленном учебнике раскрывается не только картина рыночной экономики, которая сложилась к концу XX в., но и динамизм всех взаимоотношений в обществе, обусловленных или связанных с рынком. Иными словами, изучая эту картину, можно представить и ту цель, к которой движемся в своих экономических и социальных преобразованиях.

В советской системе экономического образования сложилось два вида учебников или учебных пособий — по политической экономии и по экономике отдельных отраслей. Как правило, наименование науки и соответствующей учебной дисциплины совпадало.

За 10 лет стало уже привычным, что ключевым словом в названии учебника является «экономикс». Это — не иное выражение политэкономии или просто известной для нас экономики.

Дело в том, что как в США, так и в других западных странах среди экономических наук по-прежнему есть и экономическая теория, и политическая экономия, и отраслевые экономики. Но в качестве названия учебной дисциплины, раскрывающей законы бизнеса и механизм их реализации, методы хозяйствования, проблемы и противоречия предпринимательской деятельности в любой сфере экономики, повсеместное распространение получил термин «экономикс». Учитывая многозначность этого слова и ограниченность любого из возможных переводов, оно сохранено в названии и русского издания. Внимательный читатель наверняка отметит, что уже в первых параграфах книги авторы различают термины «экономикс» и «экономика».

Действительно, в английском языке, включая его американский вариант, для обозначения термина «экономика» используется слово «economy». Поскольку в русском языке отсутствует аналог слова «экономикс», постольку его переводили и как «политическая экономия», и как «экономическая наука», и как «экономика». В каждом из таких переводов имеется как смещение, так и искажение в разной степени смысла выражения «экономикс».

Вместе с тем различная трактовка и перевод «экономикс» на русский язык имеют свое объяснение.

Исторически с 1615 г. экономическая теория именовалась «политической экономией». Поэтому не случайно А.Маршалл начинает первую главу своей известной работы «Принципы экономикс» словами: «Политическая экономия или экономикс, занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества...»¹. Как известно, эта книга впервые была опубликована в 1890 г. Но еще раньше, в 1879 г., А.Маршалл вместе со своей супругой Мэри издали для начинающих изучение экономической теории учебник «Экономикс промышленности». Так постепенно термин «экономикс» стал применяться не только для наименования учебников, но и для (что более существенно) обобщенного выражения неоклассического направления экономической теории, построенной на предельных величинах, графическом и математическом аппарате. Вот почему на вопрос о том, чем отличается политическая экономия от экономикс, известный американский экономист и социолог Дж.К. Гэлбрейт лаконично ответил: «Экономикс был политической экономией, очищенной от политики»². Появление и широкое использование термина «экономикс» и соответствующего направления экономической теории не означает, что политическая экономия исчезает. Как отмечается в фундаментальном труде «Мир экономикс», «на рубеже XXI столетия оба термина — «политическая экономия» и «экономикс» — выжили»³. Правда, при этом определение «политическая экономия», как правило, используется для характеристики теории деятельности государственных институтов в экономике, включая экономическую политику. Тем самым становится очевидным, что «экономикс» отличается не только от классической политической экономии А.Смита, Д.Рикардо, К.Маркса, но и от ее современного толкования. Все это предопределило заимствование русским языком английского слова «экономикс» для адекватного выражения соответствующего направления экономической теории. Содержательная сторона экономикс становится понятной каждому, кто прочтет уже первую главу любого учебника по этой дисциплине.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. С. 56.

² Galbraith J.K., Salinger N. Almost Everyone's Guide to Economics. Boston, 1978. P. 5.

³ The World of Economics. N.Y., London, 1991. P. 560.

На Западе существует много различных учебников по экономикс. Их число продолжает расти. Наиболее распространенными являются учебники, написанные профессорами университетов США. При выборе учебника для перевода руководствовались следующими обстоятельствами. Во-первых, ясностью изложения и доступностью для всех желающих познать современное рыночное хозяйство. На Западе есть немало изданий, которые рассчитаны на специалистов. В них активно используются соответствующий математический аппарат и другие специальные методы анализа. Для нас же необходимо было, чтобы любой человек смог осмыслить текст независимо от уровня образования, профессии и степени квалификации. В то же время важно было, чтобы доступность и простота изложения материала сочетались с глубиной и полнотой экономического анализа. Именно таким требованиям и отвечал учебник профессоров К.Макконелла и С.Брю. Он достаточно хорошо апробирован и известен как в студенческой аудитории, так и в академических кругах. Его можно увидеть и среди настольных книг бизнесменов.

Во-вторых, предполагалось, что фактический материал, использованный в учебнике, должен в известной мере соответствовать проблемам и масштабам российской экономики. Действительно, природа капиталистического общества одинакова и не зависит от «национальных мундиров». Однако каждая страна имеет свою существенную специфику в экономическом и социальном развитии. Иными словами, можно говорить о разных моделях современного развития — японской, шведской, французской, немецкой, американской и т.п. Но ни одна из существующих моделей не годится для стопроцентного копирования в российских условиях. Вместе с тем по многим параметрам наиболее подходящей для изучения нами является американская модель.

Это не означает, конечно, что экономика США — идеал для подражания. Но, разобравшись с закономерностями рыночного развития на американской модели, мы расширяем возможность для использования у нас опыта и других стран в отдельных сферах хозяйства.

В-третьих, выбранный учебник по экономиксу позволяет читателю получить общие представления по многим проблемам экономического и социального развития, что обеспечивает хорошую базу для углубления знаний по отдельным вопросам экономической теории и хозяйственной практики, но уже с использованием других монографических и специальных изданий. Авторы

учебника часто отсылают читателя к специальной литературе на английском языке. К счастью, все больше таких книг уже переведено на русский язык, и они становятся доступными широкой аудитории.

Категории экономикса во многом отличаются от привычных для нас терминов. Но было бы, наверное, неправильно сводить их к известной для нас терминологии. Дело в том, что сама по себе рыночная система имеет целый ряд таких черт, которые до сих пор были просто незнакомы нашему читателю. Поэтому не всегда можно найти в русском языке аналогии тех или иных английских выражений, характеризующих рыночное хозяйство.

Возьмем, к примеру, кредитно-финансовую сферу, деятельность акционерных обществ и т.п. Здесь знания большинства наших читателей ограничивались, как правило, соответствующими главами «Капитала» К.Маркса. Между тем отношения данного вида составляют нервную систему рыночной экономики. Без знаний о финансах, банках, ценных бумагах невозможно представить в наши дни не только бизнесмена, но и любого человека, живущего в современном обществе. За последние десятилетия теория и практика кредитно-финансовых отношений шагнули далеко вперед. А нам, по существу, необходимо изучать их чуть ли не с нуля.

Как и всякий учебник, переведенная книга предназначалась прежде всего для преподавания и изучения. Так как программы по экономиксу в разных колледжах и университетах США имеют различия и по объему учебных часов, и по перечню тем, то предлагается несколько вариантов использования учебника. Для повышения эффективности учебного процесса в дополнение к учебнику у них издаются минимум дополнительно два методических пособия: одно — для преподавателей, другое — для студентов. Отдельно изготавливаются также типографским способом все схемы, графики, таблицы для демонстрации во время лекций и семинаров. В зарубежных университетах над текстом учебника работают и с помощью персональных компьютеров. Возможно, в будущем все дополнительные материалы для преподавания по учебнику К.Макконнелла и С.Брю и другим учебникам будут доступны и нашим студентам и преподавателям. Пока же, опираясь лишь на предложенный перевод, студенты и преподаватели получили возможность по собственному усмотрению определять оптимальный вариант использования этого учебника для изучения современной экономики.

Выполняя свою стартовую роль, экономикс не поглощает все многообразие экономических явлений. Более того, сосредоточившись на изучении механизма функционирования «идеальной рыночной системы», он оставляет без внимания немало других проблем экономического развития, без анализа и понимания которых невозможно прогнозировать даже ближайшую перспективу. Особенно ограниченность экономикса обнаружилась в последнее время, когда и в России, и в мире все больше возникает явлений, не поддающихся неоклассическому моделированию и абстрагированию. Профессор Я.Корнай приходит к выводу: «Все, что требуется сейчас после обретения того огромного опыта, который дала нам постсоциалистическая трансформация, так это более четкое признание нормальной наукой «мэйнстрима» своих ограничений. Ее последователи должны лучше понимать, что они могут делать, а что нет»¹.

Все эти обстоятельства не могут не учитываться как в процессе преподавания экономической теории, так и при проведении научных исследований и реализации экономической политики.

2. ОРИЕНТИРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

О предмете и объекте экономического анализа

Современный мир ставит перед исследователями немало вопросов, ответы на которые должны как минимум раскрыть растущую сложность жизнедеятельности вступившего в XXI в. человечества и идентифицировать предмет и объект изучения экономической теории. В этой связи важно, прежде всего, отметить следующее.

В истории цивилизации еще не было периода, когда почти все население Земли проживало бы в странах рыночной экономики, а сегодня это, по сути, именно так. И хотя степень развития последней в страновом и региональном аспектах серьезно дифференцируется, рыночные принципы превратились в господствующий механизм экономической деятельности во всем мире. Данное обстоятельство одновременно свидетельствует и об историческом накоплении многообразия национальных моделей, и об усилении тенденции к единообразию на страновом и международном уровнях.

¹ Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. № 4. 2002. С. 16.

Известно, что мировое хозяйство начало формироваться более века назад. Однако только в настоящее время разворачивается реальный процесс глобализации экономики, в основе которого лежит всемирное утверждение рыночного механизма экономического развития. Можно сказать, что наступление XXI столетия совпадает с завершением образования мирового хозяйства: мирохозяйственные тенденции становятся «законодателями мод» для национальных экономик. Однако рыночная основа мирового хозяйства не снимает с повестки дня альтернативный вопрос о многовекторности или преобладающей одновекторности движения разных народов к общественному идеалу.

Ответ на этот вопрос требует теоретического осмысления роли во всемирном масштабе «рыночного равновесия»: достигим ли этот оптимум сочетания общественных и частных интересов для всех шести миллиардов человек, проживающих на нашей планете? Факты свидетельствуют о том, что сложившаяся ситуация благоприятна пока лишь для «золотого миллиарда», а остальное население Земли склонно рассматривать рыночный путь как ведущий, но — с учетом растущей ограниченности мировых ресурсов — вовсе не единственно возможный.

Уже на школьной скамье ученики, с одной стороны, усваивают простую истину: в рыночной системе бесплатным бывает только «сыр в мышеловке». С другой стороны, они проникаются весьма привлекательной идеей свободы выбора, которая корреспондирует в их сознании с экономическим индивидуализмом. Но чтобы обеспечить эти свободу и индивидуализм, необходимо демократическое общество, опирающееся на сильное государство, т.е. общечеловеческие рыночные ценности в своем осуществлении требуют своеобразной «иены» и твердых гарантий — текущих и перспективных. Эта сторона современного развития не может остаться за рамками экономической теории.

Многие считают, что XX в. стал столетием американского лидерства в мировом хозяйстве. Немало людей в мире воспринимают «американскую мечту» как свою заветную личную мечту, а экономику США прочат на роль идеала для других стран. Сохранится ли подобная постановка в XXI столетии? Пока американский «локомотив» никому не уступает своего места в мировой экономике — притом, что на мировых рынках гигантскими темпами усиливается конкуренция, а решающим фактором конкурентоспособности на региональном уровне становится «интеграционный коллективизм». Стоит ли прогнозировать и выстраивать

конкурентные модели мирового развития, если «весовые категории» стран весьма различаются? Налицо не просто лидерство, а монопольное положение американской экономики в мировом хозяйстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Существует ли механизм противостояния мирохозяйственному монополизму? На эти вопросы тоже должны ответить экономисты-теоретики.

Как в научных, так и в политических кругах не стихают дискуссии об экономической роли государства в рыночной системе. Вот лишь некоторые из факторов, обуславливающих растущее влияние государства в рыночном хозяйстве: 1) умножение «провалов рынка»; 2) рост значимости и объема общественных благ; 3) необходимость защиты и «штурманской проводки» национального бизнеса в мирохозяйственном «океане»; 4) объективная приоритетность общественных интересов в глобальном контексте; 5) обязательность согласования «правил игры» в национальных и мировых экономиках. Между тем известный либеральный постулат «чем меньше государства, тем лучше» фактически инициирует сюжет об отмирании государства по мере роста эффективности рыночного развития. Но ведь эффективность рыночного механизма напрямую зависит от того, в какой мере государство справляется хотя бы с задачами поддержки конкуренции и сохранения необходимого и обществе «социального климата»! Сам по себе рынок в принципе не в состоянии решать подобные задачи. Конечно, нельзя уходить от проблемы оптимизации роли государственной чиновничьей бюрократии, которая призвана стать истинно «равновеликим» партнером всех участников рыночного процесса. Однако борьба с бюрократизацией не может заслонить очевидное: государство прочно интегрировалось в современную рыночную экономическую систему.

Практический опыт России и других стран наглядно свидетельствует: эффективность предпринимательской деятельности вовсе не гарантируется стопроцентно той или иной формой собственности. Именно многообразие форм собственности и хозяйствования составляет «многоцветную палитру» современной экономики любой страны; именно различные их формы лежат в основе того, что (конечно, в единстве с другими факторами и индикаторами) предопределяет смешанный характер национальных рыночных моделей. Настало время четко теоретически «вписать» смешанную экономику в систему рыночных координат и мотивации третьего тысячелетия.

Далее. Статистика констатирует неуклонное сокращение доли материального производства в валовом продукте развитых стран. Конечно, оно не беспредельно и само по себе не отменяет ведущей роли реальной экономики в жизни общества: как известно, все развитые страны располагают мощной индустриальной и технологической базой. Однако указанное сокращение, дающее некоторым ученым повод для рассуждений о переходе «от экономики к постэкономике», очевидно, отражает не просто структурные изменения национальных хозяйств, а процесс формирования качественно новых общественных связей системного характера.

И исторически, и логически сложность современного мира и современной экономики не является константой, чем-то застывшим. Даже в рамках уходящего века отчетливо проступают различные периоды, этапы, стадии, фазы в рыночной эволюции как отдельных стран, так и мирового хозяйства в целом. Такие, к примеру, явления, как глобализация или изменение соотношения и роли частных и общественных благ, не могут не относиться к существенным чертам принципиально нового состояния рыночной системы¹, которое еще ожидает своей политэкономической идентификации.

Современный мир и экономическая теория: адекватность взаимосвязи

В свете системной и междисциплинарной характеристики усложняющейся на рубеже тысячелетий экономики неизбежно возникает вопрос об адекватности современной экономической теории современному миру. Да и сама содержательная сторона этой теории не имеет однозначной оценки в зарубежной и отечественной литературе.

Мы являемся свидетелями бурного процесса формирования различных новых направлений, школ, программ в рамках экономических исследований. Это находит выражение в обилии соответствующих учебников и учебных пособий, появившихся в последние годы в России. Тут важно, думается, сохранить некий теоретический стержень — при неизбежном дальнейшем разветвлении плюрализма позиций, подходов, точек зрения. Полезно, прежде всего, определиться с критериями отбора, образно говоря,

¹ См. об этом, например: Герасименко В. Современная рыночная экономика и общественные блага (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. 1999. № 9—10.

ветвей экономической теории, чтобы, сохраняя ее вечнозеленое древо, освобождаться от сухостоя или вовремя прививать молодые побеги, обогащая крону. В качестве подобных критериев можно назвать ряд существенных признаков, вне учета которых теоретизирование теряет конструктивный характер: 1) целостность и определенность предмета; 2) соответствие метода; 3) системность; 4) динамизм; 5) обоснованность предпосылок.

Нельзя не видеть: экономическая теория все в большей мере становится частью общего гуманитарного поля исследований, что, разумеется, способствует дальнейшему распространению междисциплинарного анализа и синтеза. При этом междисциплинарный подход получает развитие в трех ипостасях: 1) в системе экономических наук; 2) в рамках гуманитарных исследований; 3) на общенаучном поле. Развитие междисциплинарности включает, однако, немало опасностей. Во-первых, оно резко обостряет проблему соответствия метода исследования его предмету, ибо подчас происходит «конгломерация» методологических подходов к анализу, далеко не всегда способствующая «стабильности» изучаемого объекта. Во-вторых, налицо «размывание» категории «экономика» и тех ее сторон, которые непосредственно рассматриваются экономической теорией. В-третьих, математический язык экономической теории, с одной стороны, придает последней универсальность и «понимаемость», а с другой — провоцирует исследовательский акцент на формализацию реальных процессов, а не на выявление их глубинных взаимосвязей. Язык математики — язык предельных абстракций, тогда как предмет экономической теории — совокупность реальных общественных отношений. Абстракции здесь должны применяться при одном непереносимом условии — если они не теряют связь с самим предметом анализа. В некоторых же исследованиях современная человеческая цивилизация в лучшем случае напоминает «живую природу», полностью «освобожденную» от социальных составляющих развития; «законы природы» трактуются как довлеющие над объективными общественными законами, подчас просто игнорируемыми.

Задействование терминов микро- и макромира в анализе экономики (ее деление на «микро»- и «макроэкономику») во многом механистично («двухэтажно») представляет органически целостный объект. Между тем все экономические явления тесно переплетены и взаимосвязаны, что не позволяет проводить «поэтажные» исследования вполне последовательно и без потери существенных моментов. Наверное, более правильно ставить вопрос о микро- и макроанализе единого предмета.

До сих пор ожидает своего комплексного анализа в категориях экономической теории «китайская модель» экономического развития. Специфика экономики КНР выражается во многих параметрах, причем некоторые исследователи выражают сомнение в том, что этот восточный феномен может быть подведен «под крышу» какой-либо чисто рыночной теории. Не имеем ли мы дело с современной вариацией «азиатского способа производства»?

Бурное развитие в течение XX в. разделения труда всех видов и уровней (конкретнее говоря, — рост специализации и диверсификации в национальных и мировом хозяйствах при качественно новом информационном обеспечении как воспроизводственного процесса, так и жизни общества в целом) применительно к содержанию, логике и структуре современной экономической теории выражается, по меньшей мере, в том, что: 1) в системе экономических наук растет число отраслевых (конкретных) дисциплин; 2) сама экономическая теория как система качественно усложняется, что в определенном смысле «затушевывает» ее предмет; 3) эти две тенденции переплетаются, имеет место их комбинирование, сочетание.

Наконец, экономическая теория обязана, как представляется, адекватно отреагировать на следующий процесс: при одновременном росте взаимозависимости, с одной стороны, между отраслями в отдельных странах, а с другой — между национальными экономиками в мировом хозяйстве налицо несовпадение темпов развития различных рынков и разных сегментов мировой экономики, что формирует «точки возбуждения» кризисных и циклических процессов на общем фоне усиления конкурентной борьбы.

От экономической теории — к экономическому образованию

Для вузовских ученых «сверка часов» в экономической теории, наряду с другими целями, преследует особую — подготовить выпускников-экономистов к адекватному реагированию на вызовы времени, едва ли не главный из коих состоит в необходимости рационального использования всех ресурсов страны на благо ее достойного развития в составе мирового сообщества¹. Конечно, глубокая экономическая подготовка необходима не только профессиональным экономистам, но и всем специалистам, для которых экономические знания — словно компас в турбулентном «рыночном мире». После того, как Россия прошла десятилетний реформационный путь, по-новому высвечивается вопрос о том,

что должен знать и уметь выпускник экономического факультета МГУ (уже не первый год готовящего и бакалавров, и магистров, и аспирантов).

Представляется, что наш выпускник любого уровня прежде всего обязан научиться *экономически мыслить* и *экономически действовать*, избегая штампов, шаблонов и бездумного подражания. Он должен быть в состоянии ответить минимум на следующие вопросы: какова природа экономических явлений и каким образом она отражается в экономической теории и экономических науках; почему экономическая теория по праву считается «королевой» в системе этих наук; как экономика «устроена», как она функционирует и что служит «двигателем» экономической системы; почему интернациональный характер экономической теории не исключает многообразия национальных моделей экономического развития?

Помочь выпускнику добиться ответов на эти вопросы и окатиться «во всеоружии» перед лицом неизбежных будущих перемен — такова сверхзадача всего учебного процесса, обеспечиваемого кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ, которая готовит сегодня классический университетский учебник по общей экономической теории.

В истории мировой науки и образования Московский университет занимает выдающееся место, что в немалой степени относится также к развитию и преподаванию экономических дисциплин в целом, политической экономии в частности. Как известно, кафедра политической экономии создана в МГУ 5 ноября 1804 г. Соответствующий двухвековой опыт, думается, дает достаточно теоретического и фактического материала для обоснования как оригинального курса современной экономической теории, так и формирования отечественной национальной модели экономического развития, призванной стать основой эффективной экономической политики и созидания оптимальной рыночной системы.

3. БАЗОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Современная экономическая наука — явление интернациональное. Международный характер экономической науки в наше время усиливается в связи с тем фактом, что глобальные тенденции развития мирового сообщества становятся ведущими для подавляющего числа государств планеты. Глобализация экономики

¹ Подробнее об этом см.: отдел 2, п. 2.

лежит в основе глобализации экономического знания. Однако этот процесс не означает, что в развитии отдельных стран полностью стираются национальные особенности, которые обусловлены историческими и иными факторами. Подобные особенности ярко проявились в России. Поэтому российская экономическая наука не могла не учитывать специфические обстоятельства своей страны подобно тому, как и в других государствах и регионах не игнорировались национальные особенности развития.

Понятно, что интернациональный характер экономической науки первоначально сформировался на базе обобщения и выявления экономических законов развития человеческого общества, не признающих никаких «национальных мундиров». Эти объективные закономерности и создали интернациональный стержень экономической науки. И в русле такой тенденции на рубеже XXI в. стала активно развиваться новая тенденция — глобализация экономики и общества, — которая, с одной стороны, сама по себе носит объективный характер, а с другой — по своим масштабам и значению не имеет себе равных, ибо впервые в истории человеческой цивилизации на первое место в развитии как отдельных стран, так и всего мирового хозяйства выдвигает глобальные факторы. В этих условиях можно сказать, что экономическая наука вообще — это экономическая наука в широком смысле, а экономическая наука в отдельной стране, в частности российская экономическая наука, — это экономическая наука в узком смысле. По формальным признакам отличие между ними состоит в том, что наука в узком смысле изучает объективные закономерности экономического развития в специфической национальной среде, в то время как наука в широком смысле фиксирует чисто экономические взаимосвязи. Разумеется, есть и другие различия между интернациональной и национальной экономической наукой. К примеру, это касается масштабов объекта изучения, учета фактора времени, влияния на экономическую политику и т.д.

Если обратиться к структуре экономической науки, то необходимо подчеркнуть, что ее структурообразующим элементом, безусловно, является экономическая теория. Именно экономическая теория формирует интернациональное ядро экономической науки. Именно экономическая теория изучает всеобщие объективные закономерности и связи. Что же касается отраслевых экономических наук, то они, во-первых, составляют остальные элементы структуры экономического знания, во-вторых, наиболее

чутко реагируют на развитие деления труда и соответствующего усложнения народного хозяйства и, в-третьих, впитывают национальную специфику экономики той или иной страны.

Поскольку отраслевая структура экономики отдельных стран немало отличается друг от друга, постольку национальная экономическая наука всегда имеет уникальную структуру, а значит — и свои специфические отличия. Общая экономическая теория минимальным образом «откликается» на климатические и иные особенности отдельных стран, зато отраслевые науки в своем абсолютном большинстве не мыслят себя без национальных одежек. Известно, что и среди отраслевых наук есть и такие, которые все больше приобретают универсальный, общемировой характер. Например, теория управления, теория статистики, бухгалтерский и финансовый учет, анализ и аудит. Как видно, последние как раз и свидетельствуют о проявлении глобальных тенденций в национальном развитии.

Вместе с тем мировое развитие в последние десятилетия убедительно показывает, что рыночные принципы приобретают глобальное распространение, а потому можно говорить об универсальной экономической теории рыночной экономики. Но отсюда не следует, что существует универсальная, общая для всех модель рыночной экономики. Каждая страна имеет свою национальную модель. Должна иметь свою рыночную модель и Россия. Уникальность страновой рыночной модели выражают не экономическая теория, не рыночные принципы и мотивы как таковые, а отраслевые экономические науки и их сочетание. Это хорошо видно на примере развитых индустриальных стран. Даже в рамках ЕС до сих пор сохраняются особенности структуры экономики государств — членов союза. Учитывая специфику истории России, легко видеть, что древо российской экономической науки не похоже ни на одно другое национальное древо.

Сила и слабость традиций

История российской экономической науки неразрывно связана с историей России. Анализ истории российской экономической науки посвящено немало исследований¹. В данном случае наша задача сравнительно скромная. Попробуем выявить те тра-

¹ Значительное внимание всем аспектам российской экономической науки уделено в многотомном издании «Всемирная история экономической мысли» / Гл. ред. В.Н. Черковец. М.: Мысль, 1987—1997.

диции российской экономической науки, которые доказали ее значимость в истории страны и общества. Предварительно необходимо отметить, что последующая характеристика часто относится как к экономической теории, так и к отраслевым или межотраслевым экономическим наукам.

Нельзя не начать с метода исследования. Системность как черта метода позволяет исследователю, во-первых, относиться к объекту анализа всесторонне, комплексно и, во-вторых, представлять результаты изучения в системном виде. Системный подход уменьшает вероятность потери того или иного звена и дает шанс исследователям или просто изучающим экономическую теорию получить «объемное» представление о реальных взаимосвязях в экономике. Несмотря на всю условность и ограниченность сравнений можно все же сказать, что системный подход рано или поздно выстраивает своеобразную «менделеевскую таблицу» в хозяйственной сфере, где пустых клеточек не должно быть, как нет пустот в реальных экономических отношениях, а все взаимосвязи так или иначе субординированы. Учет фактора времени при этом придает динамизм и снимает статику в предмете и методе исследования.

Здесь есть опасность построить искусственную систему, использовать системный подход как некий шаблон, загнать предмет изучения в какие-то рамки. Чтобы этого не случилось, в процессе исследования постоянно должна сохраняться связь с реальным предметом анализа. А это возможно только тогда, когда категории или понятия будут представлять собой такие абстракции, которые на самом деле выражают те или иные стороны реального предмета анализа, а не заданы аксиоматически, не являются порой плодом воображения.

В этой связи особую остроту приобретает задача выразить и определить количественные взаимосвязи в экономике. Безусловным монополистом в этой области являются математические методы. Использование элементарной математики всегда присутствовало в экономическом анализе. Однако с середины XX в. и в особенности в связи с широким внедрением ЭВМ и математического моделирования без высшей математики в экономической теории оказалось не обойтись. В самой экономике настолько усложнились взаимосвязи, что широкое внедрение математического аппарата в экономические исследования объективно стало необходимо. Это привело в ряде случаев к абсолютизации математических методов, чрезмерной формализации анализа и вытеснению системного подхода.

Дело в том, что элементы математического метода представляют собой как раз те самые абстракции, которые сами по себе никакого отношения к предмету экономического исследования не имеют. Происходит как бы наложение математического «шаблона» на какую-то часть экономических взаимосвязей, а все многообразие связанных с этим отношений игнорируется. Известно, что в реальной жизни все процессы многофакторны. А любая математическая формула, модель, функция «работают» при заранее оговоренных ограничениях. И если этого не понимать, то вместо помощи благодаря математике можно получить, во-первых, искаженную картину экономических процессов и, во-вторых, подготовить специалистов, умеющих оперировать математическим аппаратом без должного понимания сути экономических явлений.

Так вместе с позитивом математика привнесла в экономический анализ угрозу сугубо абстрактного восприятия реальных процессов. А ведь наступивший XXI в. добавляет все больше многообразия в хозяйственную жизнь и тут без системного, аналитического подхода никак не обойтись. Одни и те же математические методы могут служить разным наукам. Важно, чтобы математический инструментарий экономического исследования был важной, но не единственной составляющей системного анализа постоянно изменяющейся экономики. *Достоинства математики не должны превращаться в свою противоположность в руках экономистов. В равной мере это относится как к экономической теории вообще, так и к отраслевым экономическим наукам.*

Экономическая теория и экономическая политика

Наверное, экономическая политика по сравнению с экономической теорией отличается еще большим многообразием красок. Если бы можно было свести экономическую политику к какой-либо математической формуле и вооружить ею любое правительство, то, возможно, политики потеряли бы работу. Но этого не происходит не потому, что политики сопротивляются и хотят сохранить себя, а потому, что в каждой стране в сфере экономической политики столько одновременно действующих факторов, да еще плюс вибрирующий социальный фон, которые не позволяют применить здесь никакой математический шаблон¹.

¹ Рыночная концепция экономической политики представлена, в частности, в книге Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. М.: «Прогресс», 1995.

В целом же экономическая политика государства не может не учитывать уровень развития экономической теории и рекомендации отраслевых экономических наук. Как свидетельствует история России, неоднократно конкретные научные разработки становились инструментом реальной государственной политики. Вместе с тем между наукой и политикой нет прямолинейной связи, ибо если наука в своем развитии стремится минимизировать влияние субъективного фактора, то политике это удастся редко. Более того, если ученый-экономист становится политиком, занимает какой-либо государственный пост, то это вовсе не означает, что он сможет реализовать выводы экономической науки, поскольку объективные тенденции в экономике не всегда совпадают с интересами государственных мужей, с одной стороны, и раскладом политических сил вообще — с другой. Рыночная эффективность экономических решений автоматически не обеспечивает эффективность политических решений, ибо политика нередко строится на тактических шагах, а экономическая наука базируется на долговременных тенденциях. Однако бесспорным является факт провала экономической политики, идущей вразрез с раскрытыми наукой реалиями хозяйственного развития. Подобная политика приносит не только терновый венчик горе-политикам, но и тормозит необходимые преобразования в обществе.

В современных условиях развитие России во многом зависит от экономической стратегии, избранной политическим руководством. По-видимому, завершился период, когда хорошим тоном считалось подражание западным моделям и реализация во что бы то ни стало предложений западных советников¹. В конечном счете, как и прежде в российской истории, ни то, ни другое не прижилось на отечественной ниве. Да иначе и не могло быть. Ведь механическое перенесение опыта одной страны на землю другой еще никогда не приводило к успеху. А Россия имеет такие обстоятельства, которых не было и нет ни у одной другой страны в мире.

И здесь стране может помочь именно российская экономическая наука. Несмотря на интернациональный характер современной экономической теории, в кабинетах зарубежных ученых не может родиться концепция российской рыночной модели. Дело в

¹ Здесь нельзя не вспомнить, как характеризует западных советников известный экономист Я. Корнай: «...мы их называем «приглашенными звездами». Они напоминали артистов, временно оставляющих свои труппы, чтобы выступить с другой» // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 14.

том, что национальные особенности российской модели вытекают не из общей экономической теории, а из специфики проявления общемировых тенденций в условиях России. В формировании российской рыночной модели необходимо участие и экономической теории, и всех остальных отраслевых элементов экономической науки в целом. Иными словами, именно российская экономическая наука способна предложить концепцию рыночного развития страны. Понятно, что рыночная модель — это не только результат определенной экономической политики. Это также вся совокупность общественных отношений, благоприятствующих подобному развитию.

Наука и образование

Развитие российской экономической науки традиционно способствовало углублению экономического образования в стране. Особенно это касается университетского образования. Именно в университетах рождались и крепились научные школы, именно в университетах выпускники имеют возможность получить всестороннее в избранной области образование, а не оказаться узкопрофилированными специалистами. Это хорошо видно и на опыте зарубежных университетов, и на опыте университетов России, особенно МГУ им. М.В. Ломоносова.

Хотя в начале XIX в. в России еще очень смутно просматривались ростки рыночной экономики, и было еще несколько десятилетий до отмены крепостного права, но уже в 1803 г. в МГУ началось преподавание политической экономии. Наряду с собственными исследованиями российские ученые оперативно переводили на русский язык фундаментальные экономические труды зарубежных коллег. Увлечение экономическими познаниями носило повсеместный характер. Невежество в этой области считалось чуть ли не признаком дурного тона или, во всяком случае, большим пробелом в образовании. Не случайно поэтому и гениальные поэтические произведения не обходились без ссылок на экономические вопросы¹.

На рубеже XXI в., когда Россия вплотную занялась созданием рыночной экономики, в реальной жизни появилось немало возможностей «делать деньги» лишь при наличии природной смекалки и предприимчивости. Но не прошло и нескольких лет, как

¹ Об этом см., например: Аникин А. Пушкин и экономическая наука его времени // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 124—136.

вдруг обнаружилось, что долговременное предпринимательство и не менее долговременное тесное взаимодействие государства и негосударственных структур в рыночном хозяйстве требуют глубоких фундаментальных экономических знаний. Специализированное бизнес-образование решает только часть образовательных проблем и не может заменить собой фундаментальную экономическую подготовку. И здесь вновь оказалось, что роль университетского экономического образования несколько не уменьшилась, а наоборот многократно возросла.

Чтобы экономический факультет сумел сохранить все славные университетские традиции фундаментальной подготовки своих выпускников, необходимо в новых условиях реализовать полностью комплексный и системный подход как в научных исследованиях, так и в преподавании. Фундаментальность, комплексность, системность — это те традиции российской экономической науки, которые проявили себя и в университетском образовании. Получив образование на основе таких принципов, выпускник университета может найти себе применение в любой сфере экономической науки или хозяйственной практики. Эти традиции не устаревают, а со временем укрепляются. В них как никогда нуждается наше общество, наша страна.

В последнее время одной из главных проблем в преподавании экономической теории стало обеспечение системного усвоения студентами экономики, ее взаимосвязей и закономерностей. Разделение учебного процесса на две основные части — микроэкономику и макроэкономику — позволило активизировать использование студентами различных количественных методов познания, но в то же время привело к фрагментарному усвоению предмета. Само по себе раздвоение предмета изучения не может привести к получению системного представления о нем. И, наверное, дело здесь не столько в структуре учебного курса экономической теории, сколько в системности самой экономической теории как науки.

Вполне очевидно, что университетские ученые ныне стоят на пороге синтезирования экономического знания и его системного изложения. Порой бывает так, что «чистый», академический исследователь, занимающийся каким-либо направлением, может обойтись отсутствием завершенности и комплексности всей теории. Однако в университетской аудитории прорехи и разрывы, двусмысленность и излишняя формализация экономической теории не позволяют сформировать у студентов завершенного пред-

ставления как о самой теории, так и об экономической науке в целом. Микроэкономика и макроэкономика, как части учебного курса, решают свои собственные задачи, но они оставляют без решения задачу преподавания экономической теории как целого, как фундаментального знания.

За плечами экономической науки долгий исторический путь. Но, пожалуй, никогда раньше перед российской экономической наукой не вставала задача такой остроты и сложности. Во-первых, учесть все накопленное в мире в сфере экономической теории. Во-вторых, сохранить выдержавшие испытания временем свои традиции — системность, комплексность и др. В-третьих, в условиях глобализации рыночных отношений, с одной стороны, раскрыть суть и основные черты российской рыночной модели, а с другой — показать возможные изменения проявления объективных экономических закономерностей под воздействием глобальных факторов, в том числе мировой информационной системы Интернет. Видимо, существенные изменения в объекте исследования не могут не привести к важным подвижкам в экономической теории, к ее дальнейшей универсализации.

Наука и образование, образование и наука — это столь взаимосвязано, взаимообусловлено и столь важно особенно в социальной сфере. А кто поддерживает и развивает экономическую науку, тот не может не стимулировать развитие экономического образования, которое должно быть эффективным и в наше время, и в будущем.

4. СИСТЕМНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЗНАНИЯ

Совсем недавно в стенах Московского университета боготворили К.Маркса, отвергали даже само сомнение в уязвимости его учения. Сегодня окружающая действительность как в России, так и в мире в целом требует от нас переосмысления всего научного наследия, которое оставили нам и К.Маркс, и другие исследователи. На повестку дня жизнь поставила вопрос об экономической теории современности, можно даже сказать, об экономической теории XXI в.

Актуальность этой постановки особенно ощущается в студенческой аудитории, ибо сегодняшние студенты — это уже специалисты будущего столетия. Они должны сегодня получить такие экономические знания, которые позволят им не спастись перед проблемами будущего. В условиях, когда хозяйственная практика

переполнена порой неожиданными изменениями и неопределенностями, когда экономика испытывает «политические перегрузки» и очевидцам текущих событий кажется, что главное — выжить, еще более становится ясным, что без глубокого системного образования трудно кому-либо рассчитывать на устойчивость своего места где бы то ни было — в науке, в бизнесе, на государственной службе. А для нас, экономистов, безусловно, бесспорным является факт обеспечения системности именно экономического образования.

Системность экономического образования зависит от множества факторов и определяется целым рядом обстоятельств. Но прежде всего она опирается на системность экономической науки, стержнем которой является системность экономической теории. И здесь нельзя не отдать должное экономической теории К.Маркса, ибо его «Капитал» фактически стал примером всесторонней реализации системного подхода в экономических исследованиях. Можно спорить по различным аспектам марксистской теории, но факт остается фактом — система «Капитала» остается примером цельности и завершенности.

Как известно, и при жизни К.Маркса, и в последующие годы появилось немало крупных работ, в которых развивались иные теоретические взгляды и которые даже стали основой целых школ в экономической науке. Однако до системного представления всей совокупности категорий и законов хозяйственной жизни дело так и не дошло. В середине XX в. начали появляться учебники и учебные пособия по экономиксу, в которых была предпринята попытка различным образом представить всю экономику в целом. Несмотря на определенную структуризацию и различную глубину раскрытия, до сих пор еще трудно говорить, что в учебниках по экономиксу реализован принцип системности. Экономикс как учебная дисциплина оставляет немало резервов для формирования как системности самой экономической теории, так и системности экономического образования при ее участии.

Во всех науках фактор времени играет важную роль. Особую значимость фактор времени имеет в экономической науке вообще и экономической теории в частности. Тенденции и вызовы нового времени не всегда могут получить адекватное объяснение в старой системе экономических координат. Так, никогда прежде в такой степени мир не ощущал таких событий, как глобализация, регионализация и дифференциация экономики в одно и то же время. Усиление конкуренции в мировом хозяйстве сопровожда-

ется ростом взаимозависимости национальных экономик. В самом западном обществе происходят такие изменения, которые дают основание для выводов зарубежных исследователей о наступлении эры посткапитализма. В свою очередь, в бывших социалистических странах идет процесс создания рыночной системы хозяйствования. В целом можно сказать, что весь мир в третьем тысячелетии оказался в переходном состоянии. Но эта переходность мира, во-первых, таит в себе много неопределенности, во-вторых, ставит перед экономической теорией совершенно новые проблемы, в-третьих, требует подготовки таких экономистов, которые бы смогли анализировать реалии будущего без шаблонов, но на базе глубоких системных знаний.

Многообразие сегодняшнего и будущего мира ведет к дальнейшей специализации в системе экономических наук. Продолжают возникать новые отрасли экономического знания, тем самым усиливается значение отраслевых экономических наук. Вместе с тем целый ряд явлений становится предметом междисциплинарного изучения, что дает путевку в жизнь новым научным смежным направлениям — философии хозяйства, экономической социологии, институциональной экономике и т.п. Тем самым многие черты и тенденции современной жизни получают научное понимание не в рамках предмета экономической теории, а на значительно масштабном поле исследований. Более того, в качестве инструмента анализа экономических и общественных явлений все чаще и активнее привлекаются естественные науки — математика, биология, физика и др. В результате происходит дальнейшая формализация социально-экономических процессов в их научном отображении, что, с одной стороны, облегчает их количественную оценку, а с другой — нередко обедняет и унифицирует их качественную характеристику. Поэтому и развитие междисциплинарных исследований, и расширение инструментария экономического анализа как такового не снимают проблему развития экономической теории самой по себе в соответствии с бурно изменяющимся предметом изучения.

Эту проблему приходится решать одновременно с вопросом повышения эффективности современного экономического образования. Пока в нашей стране не получило четкого разграничения экономическое и деловое (бизнес) образование. Довольно часто экономические факультеты на пути актуализации своей деятельности перенасыщают свои программы прикладными, отраслевыми дисциплинами, что приводит нередко к отрицательному

результату. Выпускники не овладевают ни экономической теорией, ни хозяйственной практикой в нужном объеме. Видимо, здесь есть лишь один путь — развивать экономическое и деловое образование как самостоятельные ветви образовательного процесса. Такой путь уже доказал свою эффективность в развитых странах.

Экономическая теория как целое, как система научных знаний предопределяет системность экономического образования. Специалист-аналитик, получивший образование на экономическом факультете МГУ, должен быть практически в равной мере способным как к работе в области экономической теории, так и в сфере практической деятельности в государственных или коммерческих структурах. В этом и особенность, и преимущество экономического образования.

5. ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Анализ экономической теории вне ее взаимосвязи с реальным экономическим развитием возможен и имеет самостоятельное значение, но представляется малопродуктивным, поскольку сводит экономическую теорию к ее собственным проблемам и не всегда указывает на ее перспективы. Между тем все основные направления и школы экономической теории сформировались в XIX в., и лишь немногие из них восприняли изменения экономического и социального развития XX в. Если даже находиться только в рамках развития рыночного хозяйства и не рассматривать опыт СССР и его отражение в теории, то и при таком подходе вполне очевидны трудности всего спектра экономических учений перед лицом явлений хозяйственной жизни.

Остановимся на некоторых из таких явлений.

1. Прежде всего, речь идет о труде как решающем факторе любого бизнеса и любого общества. С этой точки зрения XX в. вошел в историю человеческой цивилизации повсеместным распространением наемного труда. Несмотря на важность малого и среднего предпринимательства и абсолютное господство частной собственности, в развитых странах среди трудоспособного населения доля лиц наемного труда превышает 80%. Все очевиднее тенденция роста вложений в человеческий капитал, важнейшей составляющей которого выступает уровень образования и профессиональной квалификации. Динамика стоимости рабочего места явно положительна. Это заметно и в отраслях высоких технологий, где, к примеру, в компьютерном и программном произ-

водстве имеет место резкое снижение цен на условную единицу продукции, но растут затраты на наемный персонал. Не случайно поэтому стоимость рабочей силы остается одним из существенных индикаторов для перелива капитала как между отраслями, так и между странами в рамках одних и тех же отраслей. Поддержание конкурентоспособности страны сегодня невозможно без интенсивного развития системы образования и науки, что напрямую влияет как на уровень рабочей силы, так и на технологическую базу экономики. Независимо от теоретических предпочтений и идеологических воззрений лидеры развитых стран исходят из объективной реальности: **люди — это главный ресурс экономики, а образование и наука — это приоритеты национального развития в XXI в.** Вот почему как бы ни относиться к равнозначности всех факторов производства, современная эпоха воочию выделила труд на первое рейтинговое место. Находясь в системе координат современной эпохи, именно человек предопределяет успех бизнеса как на старте, так и на финише, ибо конечное потребление — это в основном личное потребление. При этом концепция «экономического человека» сохраняет свой смысл лишь в той степени, в какой ей удастся адаптироваться к изменяющимся общественным условиям.

2. Немало событий свидетельствует об изменении роли и значения фактора времени в экономических процессах. Это связано прежде всего с быстрой модернизацией информационной базы бизнеса и информационной инфраструктуры экономики и общества. В известном смысле можно говорить о том, что сегодня информационная составляющая формирует *особую стадию рыночного развития*. Это происходит по нескольким направлениям. Назовем лишь некоторые:

— минимизация производственных и транзакционных издержек происходит путем максимизации сокращения времени прямой и обратной связи по линии «предложение — спрос», «производитель — потребитель», «производство — обращение», «затраты — выпуск» и т.п.;

— информационная отрасль становится важнейшей составной частью рыночной инфраструктуры вообще;

— переход функционирования экономики в режим реального времени, что означает, как минимум, равную взаимную доступность всех рынков независимо от их территориального и временного размещения;

— становление прозрачности сферы обращения, которая способствует укреплению основ конкуренции и ослаблению проявлений монополизма;

— открытое формирование *общественных* ценностных ориентаций и их непосредственное влияние на поведение производителей и потребителей;

— обострение проблемы защиты частных интересов, частной собственности и коммерческой тайны в условиях «электронной прозрачности» поведения личности, бизнеса и государства.

Электронные информационные и коммуникационные технологии особенно сильно повлияли на те сферы экономики, где взаимодействие агентов рыночного хозяйства не всегда требует непосредственного перемещения товаров. Прежде всего это относится к финансовой сфере вообще и фондовому рынку в частности. Виртуальный мир финансовых ресурсов в значительной мере стал функционировать обособленно от развития воспроизводственных процессов в остальной экономике. На фондовом рынке проявились имманентные только ему закономерности и тенденции, которые послужили основанием для выделения в рамках экономической теории современных теорий акционерного и банковского капитала, движение которых существенным образом отличается от того, каким оно было даже в середине XX в., тем более в XIX в. Появились особые инструменты финансового рынка, который благодаря своей мобильности и влиянию на движение капитала резко выделился среди других видов рынка. При этом общее равновесие и поддержание пропорциональности и структурной устойчивости стало находиться под угрозой прежде всего состояния финансовой сферы. Динамика финансового рынка нередко стала предпочитать собственный вектор развития. Если же учесть, что в развитых странах капитализация активов корпораций на фондовом рынке порой превышает объем ВВП страны, то виртуальность экономики определяется не только электронной основой взаимосвязей, но и господством *иррациональных и превращенных* экономических форм в обществе с точки зрения их стоимостного происхождения. Эта же виртуальность не снимается и с позиций «экономического человека», поскольку над индивидуальным выбором довлеют групповые интересы, а нередко и общенациональные, так как именно через финансовый рынок происходит международная миграция капитала. Можно сказать, что своеобразное *саморазвитие* финансовой сферы не укладывается целиком ни в одну теоретическую парадигму и требует своего

научного осмысления. Отсюда, конечно, не следует, что финансовая сфера оказалась вне экономической системы и не подчиняется общим экономическим законам.

3. В XIX в. экономические исследования строились в основном на базе процессов, которые прямо или косвенно вытекали из производства товаров, а непрямые взаимосвязи касались таких отраслей, как образование, культура и т.п. Сфера обращения оставалась важной составной частью воспроизводственного цикла и не требовала к себе особого отношения. Положение начинает сильно меняться в XX в. Все активнее развивается сфера услуг, где производство и потребление услуги неразрывно по времени, но оно не имеет физического носителя. Товар-услуга и физический товар *различным* образом опосредуют связи между производителем и потребителем и различным образом влияют как на функционирование экономики, так и на ее развитие. Рынок услуг, с одной стороны, довольно многообразен и подвижен, а с другой — сильно выражен территориально и по некоторым параметрам зависит от размещения населения и бизнеса. Развитие электронных коммуникаций в определенном смысле сняло проблему привязки данного вида услуги к территории и тем самым еще больше ускорило как развитие сферы услуг вообще, так и влияние этой сферы на национальное и мировое развитие. В денежном выражении практически во всех развитых странах в последние десятилетия объем сферы услуг превышает объем реализованных *всех* видов физических товаров в структуре ВВП. К примеру, в США, по официальным данным Бюро экономического анализа, в 1990 г. доля услуг в ВВП страны в текущих ценах равнялась почти 53%, а в 1998 г. — свыше 57%. Известно, что сфера услуг неоднородна и дробится на множество секторов. Есть услуги, которые жестко привязаны и к территории, и к адресным потребителям. Но есть такие услуги, которые доступны всем. Однако главное в этом феномене для анализа состоит в том, как экономическая теория определяет, с одной стороны, роль растущей сферы услуг в экономическом развитии и, с другой — как вписываются или выпадают явления данной сферы из координат той или иной теоретической парадигмы, возникшей в прошлом. Бесспорно, имея в виду всю сложность сферы услуг, она, как и финансовая сфера, нуждается в собственной теории, которая в то же время является частью общей экономической теории.

Наверное, было бы проще все изменения в экономике развитых стран свести к определению постиндустриального общества и

рассматривать новые явления на новой теоретической базе, вне связи с прежними теоретическими подходами. Формирование самостоятельной теории постиндустриального общества возможно и необходимо, но это не исключает проверки на прочность и устойчивость существующих экономических школ и направлений в свете реальностей современного развития. Более того, сам процесс сохранения рыночных основ экономики обеспечивает преемственность как в теории, так и на практике. Однако преемственность не означает простое возобновление прежних теоретических подходов. Поскольку развивается предмет исследования, постольку не может оставаться в застывшем состоянии и метод исследования, что во взаимосвязи и развивает экономическую теорию. Сохранение рынка само по себе означает сохранение взаимосвязи спроса и предложения и его влияния на вектор экономического развития. Вместе с тем совокупность факторов, влияющих как на предложение, так и на спрос, не находится в неизменном состоянии. Как раз наоборот — именно характер подобных факторов и свидетельствует о развитии экономики, формирует ее индикаторы. Эти же факторы связаны с технологическими, структурными, социальными, конкурентными и многими другими процессами, не всегда сводимыми к количественному или модельному выражению, но составляющие ключевые элементы системы национальной или мировой экономики. «Вес» факторов различен и их изменения не являются пропорциональными, что обуславливает изменяющуюся субординацию факторов. XX в. стал свидетелем того, как оптимизация экономической роли государства происходила не в отрицательной, а в положительной динамике.

4. И дело здесь не в «провалах» рынка. Общественное развитие не упрощается, а усложняется. Все больше в обществе возникает сфер, где рыночная мотивация либо ограничена, либо невозможна. Нет прямой зависимости между общественным прогрессом и «провалами» рынка. По мере общественного прогресса в XX в. и в наступившем XXI в. растут «обязанности» государства и требования к нему со стороны индивида, бизнеса и общества. Поддержание свободы выбора для индивида и бизнеса все больше зависит от активной позиции государства, которое не только отвечает за соблюдение всеми общих «правил игры», но и обязано представлять и защищать интересы всего общества, национальные или государственные интересы. Мы являемся свидетелями, на первый взгляд, парадоксальной ситуации: **абсолютный рост**

объема рыночных операций в мире не ослабляет, а усиливает экономическую роль государства. Во многом это объясняется растущей интернационализацией экономики, когда внешние факторы вынуждают защищать национальные интересы и приоритеты не только в мировом хозяйстве, но и внутри страны. Экономическая роль государства все больше проявляет себя как выражение общественных интересов, а потому дальнейшее развитие рыночной экономики в значительной мере становится зависимым не столько от удовлетворения частных интересов, сколько от оптимального для каждого периода времени сочетания общественных и частных интересов. Характерно, что и современные технологии, и информационно-коммуникационные системы возлагают на государство дополнительные обязанности и в сфере защиты прав собственности, и в сфере предотвращения различных злоупотреблений в электронном и сопутствующем бизнесе, и в сфере повышения национальной конкурентоспособности в мировом хозяйстве.

Выше уже было подчеркнуто, что на волне современной информационно-коммуникационной инфраструктуры рыночное развитие фактически вступило в свою *особую стадию*. Не умаляя значения информационной составляющей, все же нельзя не отметить, что главным признаком этой стадии является наличие *смешанной экономики*, которая по-прежнему, образно выражаясь, имеет рыночный двигатель, но ее руль находится в объятиях государственной экономической политики. Да и другие рычаги воздействия на рыночный механизм государство не игнорирует. Если к этому добавить многообразие форм собственности и ведущее значение акционерной собственности, сложную комбинацию регулирующих механизмов — рыночного, корпоративного, государственного, международного, то даже по этим признакам становится вполне очевидным, что в развитых странах сформировалась *смешанная экономика*. Это не умаляет значения рыночной мотивации, не умаляет роль «экономического человека», но тем самым подчеркивается — наличие только их является *необходимым, но недостаточным* условием для решения современных экономических и социальных проблем. Современную стадию рыночного развития можно назвать *особой* и потому, что впервые в истории существования рыночных институтов они получили действительно глобальное распространение и стали основой мирового хозяйства. А в международной сфере происходит своеобразное «преломление» рыночных традиций, сложившихся в национальной экономике. И дело здесь не столько в мировом масштабе рынка,

сколько в «масштабе» агентов рыночных отношений — транснациональных компаний, государств, интеграционных объединений и т.п. До сих пор мир еще не «согласовал» все вопросы глобального рыночного развития. С одной стороны, всемирная информационная сеть Интернет снимает проблемы часовых поясов и континентов, а с другой — еще более усиливает конкурентные преимущества передовых стран, обостряя международную конкуренцию в целом. Ответственность государства в международных экономических отношениях иная, чем внутри национальной экономики. Так, в национальном хозяйстве государство борется с монополизмом, за простор для конкуренции, а в мировом хозяйстве оно «симпатизирует» упрочению монопольного положения «национального мундира» — своих компаний, технологий и т.п. Значит, отстоять конкуренцию на мировом рынке может быть под силу только международному сообществу в целом, его институтам. Интересы отдельных государств здесь не совпадают.

Если суммировать предварительные рассуждения об *особой стадии рыночного развития*, то можно отметить, что она накопила как национальные, так и международные индикаторы, атрибуты и параметры. И все это нуждается в соответствующем теоретическом обобщении и отражении. Прогнозирование дальнейшего экономического развития на базе прежних тенденций даже самой развитой национальной экономики не позволит дать достоверной картины будущего, если при этом не будут учтены современные закономерности *смешанной экономики* в национальном и мировом масштабах.

5. Исторически сложилось так, что тон в развитии политической экономики и экономической теории вообще задавали исследователи передовых для своего времени стран. Все закономерности и тенденции выводились на основании реальных процессов развитых стран, а остальной мир подвергался самостоятельному изучению в рамках различных отдельных частей экономического знания. Так же исторически разрушение колониальной системы, в значительной мере доставшейся капитализму от прошлых времен, произошло в большей своей части не вследствие развития капитализма и рыночной экономики как таковой, а благодаря воздействию иной общественной системы — социалистической. И теперь, когда рыночные принципы проложили себе дорогу практически во всех странах мира, встает вопрос — достаточен ли потенциал рыночной организации экономики для подъема отсталых и развивающихся стран или в XXI в. реализация *принципа*

ограниченности ресурсов и практически и теоретически сохранит громадную разницу между развитой и остальной частью мира. Дело в том, что сам факт наличия «золотого миллиарда» и остального прозябающего населения имеет для мира угрожающее, дестабилизирующее значение, которое касается уже не столько экономической, сколько политической, военной и других сфер. В условиях прозрачности достижений и демократического устройства передовых стран сформировать и надолго сохранить «резервацию» для отставших стран становится практически невозможно. Значит, откладывать и дальше решения проблем развивающегося мира для ведущих государств и экономически, и политически невыгодно, а практически — небезопасно. Не случайно в последние годы и ООН, и Всемирный банк, и МВФ, и страны, входящие в «группу 8», выпустили обзоры, доклады, коммюнике и другие документы, в которых констатируется углубление разрыва между странами мира и содержатся призывы и даже предложения, как решать эту проблему. Но все решения, так или иначе, находятся в рамках рыночной парадигмы. Между тем известно, что прежние рыночные подходы привели к тому, что мир имеет и сегодня. Каковы же должны быть современные рыночные подходы, чтобы получить желаемый результат? Объективный процесс таков, что современные теоретические построения должны исходить не из «чистой» рыночной модели, а из реалий *современной стадии рыночного развития*, т.е. *смешанной экономики* и других атрибутов этой стадии.

Подобно тому, как существуют различные национальные модели экономического развития, сохраняются различные национальные модели *смешанной экономики*. Это имеет место, как известно, среди развитых стран, но аналогичные явления характерны и для развивающегося мира. Однако при наличии общих критериев для модели *смешанной экономики* вообще ее реализация в развитых и развивающихся странах разнится существенным образом. Получается, что на древе современной экономической теории должны быть как минимум ветви, олицетворяющие развитой и развивающийся мир и мировое хозяйство в целом.

6. Но пока существуют страны, переходящие от плановых к рыночным началам своего экономического развития, своя ветвь на древе экономической теории должна принадлежать и им. Особенность трансформационного процесса в этих странах, и прежде всего в России, состоит в том, что все изменения осуществляются в общих границах смешанной экономики. Только одновременно с

усилением роли рыночной мотивации и формированием рыночной инфраструктуры здесь происходит переход от так называемой *государственной к рыночной форме смешанной экономики*. Получается, что теория трансформационных процессов, или теория переходной экономики (как она возникла первоначально), формируется как минимум на четырех предпосылках. *Во-первых*, она строится на той реальной экономической базе, которую имели социалистические страны. *Во-вторых*, она опирается на сложившиеся в мире традиции и закономерности рыночного развития. *В-третьих*, она исходит из задачи формирования смешанной экономики по «стандартам», отвечающим вызовам времени. И, *в-четвертых*, она не может игнорировать национальную специфику каждой страны. Последнее особенно относится к России.

Если даже не брать во внимание политические аспекты трансформационного перехода, то уникальность экономических факторов развития России преломляет общемировые тенденции формирования рыночной модели в российский вариант не из-за особенностей «русской души», а хотя бы из-за масштабов и климатических условий ее территории. Независимо от эффективности транспортной системы и характера энергообеспечения экономики и населения издержки на эти составляющие часто резко отличаются от подобных затрат в других странах. Могут сказать, что это лишь количественные параметры, которые не влияют на суть модели. Однако и эти обстоятельства не только модифицируют инфраструктурную составляющую российской модели, но и в значительной мере формируют пути включения экономики страны в мировое рыночное хозяйство. При этом не следует забывать, что и развитые страны, и мировая экономика в целом не застыли, а двигаются вперед, в известном смысле находясь в состоянии перехода к *современной стадии рыночного развития*. Поэтому и Россия должна ориентироваться не на промежуточную, середины прошлого века, а на формирующуюся в XXI в. *стадию рыночного развития* мирового сообщества.

7. Иметь свою модель — это не российская блажь и специфика, это общемировая практика. Однако отсюда не следует, что специфика «убивает» общие закономерности, которые рассматриваются на основе общепризнанных теоретических подходов. Вместе с тем, скажем, применение методов и моделей микро- и макроанализа не должно приводить к «отбрасыванию» всего того, что не вмещается в этот выверенный «шаблон», а обязано дополняться исследованием всех реальных факторов текущей и будущей

динамики экономических и социальных процессов. Поскольку в трансформационном переходе индивидуальная мотивация «экономического человека» должна также выражаться общественным вектором рыночных преобразований (в «общей национальной лодке» все гребцы достигнут цели, если лодка будет двигаться в намеченном направлении), постольку формирование и поддержка общенациональных интересов и приоритетов является решающим фактором как общего успеха, так и скорости его достижения. Опыт показывает, что ни арифметическая, ни алгебраическая сумма интересов «экономических человек» в условиях переходного состояния экономики не может сформировать *общественный вектор движения*, но вполне успешно образует микросреду. Штурвал же макросреды и экономики в целом в современном конкурентном море обязаны не выпускать из своих рук демократические институты, наделенные обществом представлять его интересы. Формирование рыночной атмосферы должно происходить одновременно *на всех уровнях* экономики и опаздывание этого процесса на любом из них ведет к замедлению или порой даже к приостановке всего движения. Точно так же *системно* следует изучать и излагать трансформационный процесс. Последнее десятилетие российской экономики и отечественной экономической науки наглядно продемонстрировало неэффективность крайностей как в практике рыночных преобразований, так и в их теоретическом обосновании и исследовании. Наступила пора и практически, и теоретически установить не только оптимальную цену для граждан, бизнеса и общества за ход дальнейшего развития, но и без предвзятости и предубеждений применить *все мировое наследие экономической теории и науки* для оценки настоящего и будущего экономики России. Хотя сторонники такого подхода всегда были в нашей стране, но сегодня даже представители «официальной» теоретической школы публично признали (правда, опять вслед за выводами зарубежных экспертов), во-первых, судьбоносную важность российской специфики как объекта изучения, обобщения и развития и, во-вторых, необходимость фактически системного подхода к экономике на базе применения микро- и макроанализа, институциональных и сравнительных исследований, выделения переходных процессов, оптимизации открытости экономики и соответствующего их научного обобщения и преподавания в вузах страны.

8. Примечательно, что зарубежные ученые уже не первый год рассматривают экономику развитых (да и не только) стран с раз-

ных позиций, полагая, что микро- и макроанализ способен достаточно полно раскрыть лишь механизм функционирования экономики, а институциональный анализ, исследования общественного сектора, отраслевых рынков и мирохозяйственных связей дополняют общую картину. Получается, что, чем больше факторов влияет на индивидуальный выбор «экономического человека», чем сложнее становится структура национальной экономики, тем выше требования к *системному* восприятию и представлению происходящего в экономике и обществе, тем больше заботит и ученых, и государственных мужей само поведение экономической системы *в целом*, так как в руках национальной модели развитых стран находится судьба и «экономического человека», и конкурентоспособность национального бизнеса, и в определенной мере устойчивость мирового хозяйства. На рубеже третьего тысячелетия зарубежная экономическая теория начала процесс своеобразной консолидации различных школ, направлений и программ для комплексного изучения экономики. После классической политической экономии А.Смита и Д.Рикардо был длительный период соперничества марксизма и маржинализма в разных их формах и уровнях разработки. Особенно острая борьба между ними на политическом и идеологическом фронтах разгорелась в годы существования СССР. Именно тогда сугубо научная и практическая стороны этих ветвей экономической теории приносились в жертву политическим амбициям и взглядам конфликтующих сторон. Горький осадок прежде всего политических оценок друг друга представителями марксистской и немарксистских школ не растворился до сих пор. Более того, именно выросшие в СССР некоторые исследователи отличаются сегодня по разным причинам наибольшей нетерпимостью к классическому (марксову) марксизму. Видимо, и в России пришло время, когда политически выгодные, конъюнктурные оценки должны уступить место трезвому анализу всех без исключения составных частей экономической теории. И дело здесь не в том, что на российских просторах подули иные политические и освежающие ветры, а в том, что реальный процесс экономического развития и у нас, и за рубежом не может обойтись без *системного* теоретического сопровождения, которое не возникает на пустом месте, а формируется на базе созвучных нашему времени достижений всей экономической теории. Здесь и системный подход, и субординация факторов производства, и аналитический и количественный анализ с применением предельных величин, и воспроизводственный и инвестицион-

ный процесс, институциональные и социальные аспекты, и т.д. Другими словами, современная, *особая стадия рыночного развития*, которая складывается во всем мире на пороге XXI в., *требует адекватной экономической теории*.

9. Рождение *новой теоретической экономической системы* происходит на базе рыночных принципов развития, которые доказали свою эффективность в развитых странах на протяжении веков. Именно рыночная идеология предопределяет идеологическую направленность и самой теории. Однако нельзя забывать, что рынок и рыночная идеология XXI в. — это не идеология *оголаживания* в Англии или первоначального накопления капитала вообще, это социально-сбалансированная идеология, как и социально-сбалансированное современное демократическое общество, имеющее своей опорой *смешанную экономику*. Эта идеология и это общество имеют, как известно, немало противоречий, которые ждут своего самостоятельного исследования.

6. О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ АМЕРИКАНСКОЙ НАУКИ

Для того чтобы оценить то или иное явление общественной жизни, необходимо соблюсти по меньшей мере два условия. Во-первых, очертить границы рассматриваемого объекта; во-вторых, избрать критерий (или критерии) оценки. Попробуем подойти к современной американской экономической науке с этих позиций.

Говоря о западной экономической науке, сложилась традиция анализировать только ее фундаментальную часть, за которой в послевоенные годы закрепилось название «экономикс». Между тем наряду с экономиксом в США, как и в других развитых странах, существует немало так называемых отраслевых и специальных экономических дисциплин, например: теория управления, маркетинг, экономика организации труда и трудовых отношений, экономика рекламы, учет и контроль, аудит, экономика социального обеспечения и т.д. Главные задачи развития названных дисциплин совпадают: решение и прогноз практических проблем рыночного хозяйствования при изменяющихся факторах экономического роста.

Иная картина сложилась в самом экономиксе. Причем и здесь важно различать, с одной стороны, отдельные научные течения или школы, с другой — экономикс в целом как учебную дисциплину. В первом случае продолжается размежевание между

неоклассиками (которых именуют еще и консерваторами) и неокейнсианцами. Если определять приоритеты (к примеру, чьи концепции были положены в основу экономической политики администрации Р.Рейгана), фаворитом выступает неоклассическая школа, и прежде всего такое ее ответвление, как «экономика предложения». И хотя в практической деятельности Р.Рейгану не удалось реализовать все постулаты «экономики предложения» (фактически получился некий симбиоз, образно названный «рейганомикой»), неоклассики все время держались на виду, не уступая роли «пророков процветания». Видимо, и администрация Дж.Буша, пришедшая в Белый дом в 2001 г., не откажется от их услуг, тем более что председателем совета экономических консультантов при президенте США назначен профессор Колумбийского университета Г.Хабард, не скрывающий своих симпатий к консерваторам. Но «консервативная волна», поднявшая на свой гребень Р.Рейгана, скорее всего прошла свой «пик», и Дж.Бушу не обойтись и без советов неокейнсианцев.

Различия между этими основными течениями экономикс заключаются в трактовке соотношения сил трех опорных элементов современного хозяйственного механизма — рынка, корпораций и государства. Обе школы опираются на рынок, но отводят разную экономическую роль государству. Теперь обратимся к экономиксу как учебной дисциплине. Это тем более важно, что, во-первых, в учебниках по экономиксу содержится в определенной мере систематизированное изложение всей науки. Во-вторых, такие учебники закладывают основы экономических знаний у выпускников американских колледжей и университетов.

Патриархом здесь по праву считается профессор Массачусетского технологического института П.Самуэльсон. Первое издание его учебника «Экономикс» вышло в 1948 г. Став почетным профессором-пенсионером, П.Самуэльсон призвал себе в соавторы профессора Йельского университета У.Нордхауза (совместно с ним он работает начиная с двенадцатого издания учебника). Однако немало университетских преподавателей предпочитает рекомендовать своим студентам разные учебники. Кстати, многие учебники по экономиксу издает известная фирма «Макгроу Хилл».

Среди множества других учебников, появившихся в последнее время, выделяется работа профессоров Принстонского университета В.Баумола и А.Блиндера. Их учебник впервые появился в 1979 г., а затем периодически переиздается. Президент Амери-

канской экономической ассоциации 1988 г. Р.Айзнер преподавал экономикс в Северо-Западном университете в Чикаго именно по этой книге.

Различия между учебниками касаются и структуры, и порядка изложения, и теоретических предпосылок, и авторского стиля, и оперативности в отклике на злободневные проблемы. Видимо, именно по этим параметрам и оказывается предпочтение тому или иному учебнику. Вместе с тем по своей, если можно так выразиться, генеральной схеме они едины: весь материал, в конечном счете, рассматривается на макро- и микроуровнях, причем в последние годы значительное внимание уделяется мирохозяйственным процессам и роли информационно-коммуникационных технологий. Как правило, авторы не избегают дискуссионных вопросов, призывая студентов к выбору собственной позиции. Учебники тяготеют к своеобразному синтезу школ и направлений, их авторы стремятся представить экономическое знание в обобщенном виде.

За длительное время у нас выработались стереотипы в подходах к западной экономической теории. Один из таких стереотипов — это представление о ней как чрезмерно приземленной. Между тем даже среди зарубежных периодических изданий есть немало таких, которые освещают сугубо теоретические вопросы. Среди них можно назвать «Журнал политической экономии», «Американский экономик ревю» и много других. Да и сами учебники по экономиксу функционируют на довольно абстрактном и формализованном уровне, что порой становится поводом для обвинений в отрыве от реальных процессов.

Как известно, существуют и требуют именно научного анализа закономерности, предопределяющие и выражающие развитие тех связей и отношений в экономике, которые порой видны невооруженным глазом. Причем такие закономерности нередко напрямую не зависят от трактовки природы сущностных отношений. Например, менеджеру все равно, какова природа прибыли, но и он, и экономисты-исследователи хорошо усвоили и продолжают разрабатывать методы получения прибыли при любых вложениях капитала. Другой пример. Теоретическое игнорирование действительной причины и материальной основы цикличности капиталистического воспроизводства не мешает западным ученым глубоко исследовать внешние проявления цикличности и предлагать как отдельным компаниям, так и государству меры и рычаги

(нередко весьма эффективно!) по сглаживанию отрицательных последствий перепадов производства.

Все это говорит о том, что перед американскими экономистами не стоит в качестве самостоятельной проблема укрепления связи экономики с жизнью, с практикой хозяйствования. Такая связь изначально присутствует в их исследованиях. Показательны в этом отношении доклады на заседаниях ежегодной конференции Американской экономической ассоциации, состоявшейся в Атланте 4—6 января 2002 г. Если суммировать их большое многообразие, то они посвящались контролю за движением капиталов, современным кризисным явлениям, торговле и неравенству в мире¹.

И если исходные позиции экономикс мало подвержены изменениям, то этого никак нельзя сказать о тех выводах, которые отражают быстро изменяющийся мир и развитие мирового сообщества в целом. Можно говорить и о теории экономикс, и о «научных мастерских». Тем более что, как отметил более 10 лет назад лондонский журнал «Экономист», среди американских экономистов появилось немало «подмастерьев», умело продолжающих дело знаменитых мэтров — М.Фридмана, В.Леонтьева, Дж.Гэлбрейта и др. Журнал назвал восемь молодых экономистов, которые были признаны лучшими в западном мире. Воспитанник Принстонского университета С.Гроссман преуспел в исследовании экономики информации. Международные экономические отношения — предмет научных интересов Р.Кругмана из Массачусетского технологического института. Поле исследований Дж. Сакса из Гарвардского университета простирается от проблем занятости и безработицы до задолженности развивающихся стран и валютных курсов. Племянник П.Самуэльсона Л.Саммерс занимался в Гарвардском университете анализом рынка труда, уделяя также внимание финансовому рынку. К восьмерке избранных отнесены также А.Алисина и Г.Мэнкью из Гарварда, А.Шлейфер из Чикагского университета, Дж.Тирум из МТИ. Свой обзор деятельности молодой смены ученых журнал завершил словами о том, что они достигли успеха благодаря энергичному стремлению познать, как в действительности функционирует экономика.

Надо отдать должное авторам журнала «Экономист». Прошедшие после публикации этого материала годы подтвердили незаурядность названных имен. За это время они не только преуспели в экономической науке и на педагогическом поприще, но и

успели побывать на важных, а нередко и ключевых постах в правительстве США, Всемирном банке и МВФ, а также выступить в роли советников в странах, переходящих от плановой к рыночной экономике. Правда, как раз именно роль советников оказалась наименее удачной, особенно для России.

Как свидетельствуют опросы студентов американских университетов, 57% из них считают, что успех в экономиксе обеспечен, если отлично усвоена математика. Знание же самой экономики, по мнению 68% студентов, для этого вовсе не обязательно. Таким образом, явный технократический перекося в подходе учащихся к экономиксу остается проблемой в вузах США. Не случайно многие будущие экономисты пасуют перед лицом проблем реальной жизни.

Надо сказать также о том, что, несмотря на изобилие учебников по экономиксу, экономические знания, включая знание реалий бизнеса, пока в достаточной мере не вошли в американскую среднюю школу. Получается, что «научные мастерские» больше сориентированы на практический бизнес, чем на подрастающее поколение. Так, на вопрос об Адаме Смите большинство старшеклассников отвечают: «Никогда не слышали о таком парне». Из 8 тыс. выпускников средней школы лишь каждый третий смог выбрать из четырех предложенных вариантов правильное определение прибыли. 75% из числа опрошенных старшеклассников ничего не сумели сказать об инфляции, а 61% плохо представляют, что такое валовой внутренний продукт. Американских экономистов не покидает тревога о состоянии экономического образования в школах.

Достижения американской науки весьма ценны и для России. Могут быть использованы те разработки и рекомендации, которые, во-первых, касаются общих основ и форм экономического развития и, во-вторых, опираются на организационно-экономические отношения. Если с этих позиций посмотреть на экономику и на специальные экономические науки, можно, видимо, выделить следующие области. На уровне предприятия — это организация труда, обеспечение внутрипроизводственной и внутрифирменной деятельности, система подготовки и переподготовки кадров, маркетинг и др. На народнохозяйственном уровне — это стимулирование инноваций и внешнеэкономической деятельности, гибкость налоговой системы, регулирование денежной массы, охрана окружающей среды, организация социального обеспечения и т.д.

¹ IMF Survey. 2002. January 28. P. 20—23.

Наш хозяйственный механизм в своей основе стал рыночным, поэтому нелепо удивляться соответствующим негативным атрибутам рыночной экономики. Вопреки новомодным утверждениям рынок никогда по своим последствиям не был социально индифферентным. Ошибается тот, кто видит только стимулирующую роль рынка в развитии экономики и закрывает глаза на его многообразные противоречивые проявления.

В этой связи крайне важен следующий факт: в своих рекомендациях американскому правительству неоклассики отнюдь не исходят из всепобеда рынка. Более того, они прогнозируют уменьшение его регулирующих возможностей по мере усложнения экономических и социальных процессов.

Уже давно надежным компасом в бушующем море экономических страстей служит для американских бизнесменов сложившаяся система государственной информации об основных параметрах экономического развития как отдельных отраслей, городов и штатов, так и всей страны и всемирного хозяйства в целом. Экономические переписи, многочисленные статистические издания государственных учреждений и частных исследовательских фирм оперативно и стратегически ориентируют производителей различного уровня — от небольшой мастерской до гигантской корпорации.

Такой информационной базой располагает экономикс и американская экономика. Аналогичная и даже еще более совершенная база жизненно необходима для нашего народного хозяйства, для России в целом.

7. НОБЕЛЕВСКАЯ ОЦЕНКА АМЕРИКАНСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Экономическое лидерство США в XX столетии было предопределено различными обстоятельствами, в том числе состоянием и развитием американской экономической науки. Фундаментальность и прагматичность ее хорошо известны специалистам. Монографические работы и учебники по всему спектру экономических дисциплин получили широкое распространение далеко за пределами Соединенных Штатов. В последние годы немало книг переведено на русский язык и издано в России, следовательно, все больше граждан нашей страны получает возможность самостоятельно оценивать как уровень американских экономических исследований, так и то, в какой мере они отвечают потребностям

русской экономики. Один из аспектов такого знакомства — анализ работ тех американских авторов, которым вручена Нобелевская премия.

Мировая научная общественность не едина в оценках конкретных решений Нобелевского комитета. Однако бесспорным остается то, что работы нобелевских лауреатов в области экономики относятся к незаурядным исследованиям, становятся, как правило, вехами в развитии экономической науки.

Из истории. С 1969 по 2001 г. лауреатами Нобелевской премии по экономике стали сорок девять ученых, из которых тридцать четыре — США. Причем одиннадцать американских экономистов — это профессора Чикагского университета.

Нобелевские премии присуждаются только прижизненно, следовательно, претендовать на них могут лишь те ученые, которые на момент присуждения премий продолжают свои исследования и другую деятельность. Поэтому, несмотря на то, что до 1968 г. появилось немало выдающихся экономических работ (взять, к примеру, epochальные произведения Дж.М. Кейнса), авторы части из них автоматически оказались вне сферы внимания Нобелевского комитета. Да и развитие экономической науки за последние 30 лет нельзя представить как последовательное накопление произведений нобелевских лауреатов. Систематизация и оценка вклада лауреатов в мировую экономическую науку требуют многокритериального подхода, опираться только на временной фактор присуждения премий вряд ли правильно. Самым молодым среди американских ученых остается профессор Кеннет Эрроу, которому на момент вручения премии в 1972 г. исполнился 51 год. Возглавляет же список лауреатов Уильям Викри, признанный нобелевским лауреатом в 1996 г. в возрасте 82 лет. Только девять человек удостоились премии до 60 лет: К.Эрроу, П.Самуэльсон, У.Шарп, Р.Лукас, Р.Мертон, М.Скоулз, Дж.Хекман, М.Спенс, Дж.Стиглиц. Приведем полный список Нобелевских лауреатов по экономике из США: 1970 г. — Пол Самуэльсон; 1971 г. — Саймон Кузнец; 1972 г. — Кеннет Эрроу; 1973 г. — Василий Леонтьев; 1975 г. — Тьяллинг Купманс; 1976 г. — Милтон Фридмен; 1978 г. — Герберт Саймон; 1979 г. — Теодор Шульц; 1980 г. — Лоуренс Клейн; 1981 г. — Джеймс Тобин; 1982 г. — Джордж Стиглер; 1983 г. — Джерард Дебре; 1985 г. — Франко Модильяни; 1986 г. — Джеймс Бьюкенен; 1987 г. — Роберт Солоу; 1990 г. — Гарри Марковиц; 1990 г. — Мертон Миллер; 1990 г. — Уильям Шарп; 1991 г. — Рональд Коуз; 1992 г. — Гари Беккер; 1993 г. — Роберт Фогель;

1993 г. — Дуглас Норт; 1994 г. — Джон Харшани; 1994 г. — Джон Нэш; 1995 г. — Роберт Лукас; 1996 г. — Уильям Викри; 1997 г. — Роберт Мертон; 1997 г. — Майрон Скоулз; 1999 г. — Роберт Манделл; 2000 г. — Дэниел Макфадден; 2000 г. — Джеймс Хекман; 2001 г. — Джордж Эйкерлоф; 2001 г. — Майкл Спенс; 2001 г. — Джозеф Стиглиц.

Как видно из списка, почти ежегодно Америка получала нового нобелевского лауреата. Особо «урожайными» оказались 1990 и 2001 гг. — сразу три американца удостоились чести иметь это звание. Да и 1993 и 1994 гг., 1997 и 2000 гг. принесли стране по паре лауреатов, победивших многочисленных кандидатов, рассмотренных Нобелевским комитетом.

Обстоятельный анализ работ¹ любого лауреата потребовал бы специального монографического исследования. Рамки нашего анализа позволяют дать лишь самый общий обзор работ всех американских лауреатов.

Метод исследования. Первым американским нобелевским лауреатом по экономике стал профессор Массачусетского технологического института П.Самуэльсон, который считает наиболее подходящим для современной экономической теории язык математики. Он предпринял в своих работах попытку выразить важнейшие экономические категории и зависимости математически. По мнению П.Самуэльсона, именно математический метод исследования позволяет сделать экономическую теорию наукой. В решении о присуждении ему Нобелевской премии записано, что он получает ее «за научную работу, развившую статическую и динамическую экономическую теорию и внесшую вклад в повышение общего уровня анализа в области экономической науки».

Безусловно, математизация экономической науки сделала количественную оценку ее категорий, явлений, тенденций более строгой. Появилась возможность формализовать различные зависимости как в научных исследованиях, так и на практике. Однако, хотя почти все американские нобелевские лауреаты в той или иной мере использовали математический аппарат, некоторые из них упрекали П.Самуэльсона за гипертрофирование значения количественного подхода в ущерб качественному анализу.

Сам по себе математический метод экономического анализа многообразен. Это не только линейное программирование, раз-

личные виды исчисления и функций и т.п. Многогранность математики открывает простор для ее использования в самых разных сферах экономической науки. Широко применяли «теорию игр» такие лауреаты, как К.Эрроу, Дж.Харшани и Дж.Нэш. Активно задействуется эконометрическое моделирование, благодаря которому были построены модели не только отраслей или сфер экономики, но и национальных экономик отдельных стран и мирохозяйственного развития. Приоритет в этой области принадлежит Л.Клейну, хотя моделирование активно применяли и другие ученые — Д.Дебрс, Р.Солоу, Г.Марковиц, М.Миллер, У.Шарп, Дж.Хекман и др.

Среди специалистов хорошо известен метод «затраты — выпуск», положивший начало применению на макроуровне межотраслевого баланса. Всемирно известный американский экономист российского происхождения В.Леонтьев дал путевку в жизнь этому методу и показал в своих многочисленных работах немалые возможности его применения. Не случайно метод «затраты — выпуск» признан классическим инструментом экономических исследований. В.Леонтьев сравнивается с Дж.Кейнсом и считается ученым, внесшим крупнейший вклад в экономическую науку XX столетия.

Отчасти повторяясь, подчеркну: несмотря на внешнее доминирование математического подхода, не все нобелевские лауреаты считают его универсальным, пригодным для любого предмета исследования. В частности, это касается социальных процессов, имеющих множество переменных факторов и сложно формализуемых. В этой сфере предпочтение отдано аналитическому методу. Именно качественная сторона анализа превалирует в работах Г.Саймона, Т.Шульца, Дж.Стиглера, Дж.Бьюкенена, Дж.Стиглица.

Любой человек, который предпринимал попытку изучить то или иное экономическое явление, неизбежно сталкивается с проблемой выбора метода исследования. Опыт нобелевских лауреатов показывает: этот метод во многом предопределяет результаты проведенной работы, ее теоретическую или практическую значимость. Стоит также отметить, что такой сложный объект изучения, как экономика, в любом случае требует комплексного и системного подхода.

Предмет исследования. Все лауреаты имеют один и тот же предмет анализа — экономику, экономические отношения. Однако одних авторов интересует макро-, других — микроэкономика, третьи рассматривают отдельные сегменты экономики или меха-

¹ Об этом подробно см., например: Нобелевские лауреаты XX века. Экономика. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

низма ее функционирования. Именно поэтому для характеристики работ каждого нобелевского лауреата необходима конкретизация предмета его научного исследования.

Примечательно, что первый американский нобелевский лауреат П.Самуэльсон сконцентрировал свое внимание на экономике в целом. Систему экономического знания он разбил на две основные составляющие — макро- и микроэкономику. Экономика как целое стала предметом исследований В.Леонтьева и Л.Клейна. Анализ экономической политики и несовершенной информации интересует Р.Лукаса.

Общая экономическая теория охватывает проблемы общественного воспроизводства, которые находят выражение в анализе в первую очередь таких явлений, как экономический рост и экономический цикл. Всемирную известность получили соответствующие монографические исследования и модельные разработки С.Кузнеца, Р.Солоу, Д.Норта. Примыкает к данной проблематике и вопрос об общем равновесии экономической системы. В той или иной степени он затрагивается многими лауреатами. Однако наибольшее внимание ему уделили К.Эрроу, Т.Купманс, Д.Дебре, Дж.Нэш.

В рыночном хозяйстве ключевое значение имеют деньги, финансовая система в целом. Известно, что экономисты Чикагского университета написали немало работ в этой области. Однако среди нобелевских лауреатов пальма первенства, несомненно, принадлежит М.Фридмену. И хотя его монетаристские концепции не получили всеобщей поддержки, все же они оказали существенное влияние на развитие экономической науки как в США, так и в других странах мира. Последователь чикагской школы М.Скоулз и профессор Стэнфордского университета Р.Манделл посвятили немало работ финансовой системе в различных измерениях.

Технический прогресс и неравномерность экономического развития отдельных отраслей, стран и регионов мира все больше обостряют проблему оптимального распределения ресурсов. Последняя, разумеется, интересует и центральные правительства, и фирмы. Именно поиску оптимальности в распределении ресурсов при различных ограничениях посвятил свои главные работы Т.Купманс. Основным инструментом изучения и решения задачи он избрал теорию транспортной задачи.

Среди решающих факторов производства и экономического роста несомненный приоритет принадлежит «человеческому капиталу». Необходимо подчеркнуть, что по мере повышения роли

науки, информации и других новых факторов современного развития значение «человеческого капитала» неуклонно возрастает. Не случайно поэтому американские ученые не выпускают этот вопрос из сферы своего внимания. Особенно активно и подробно его исследовали С.Кузнец, Т.Шульц и Г.Беккер. Каждый из них поднимал тот или иной конкретный пласт проблемы, но в своих работах, взятых как целое, они довольно всесторонне показали ключевую значимость человека в развивающейся экономической системе. Свою теорию людских ресурсов предложил Дж.Хекман.

Значительное место в трудах лауреатов принадлежит микроэкономике. Теория фирмы, сюжеты функционирования акционерных компаний-корпораций находятся ближе к нуждам и пониманию как бизнесменов, так и простых людей. Но особенно они волнуют тех, кто должен принимать решения и находить выходы в повседневной бизнес-практике компании. Это — управляющие.

Г.Саймон известен многим специалистам по его вкладу в развитие теории принятия решений. Различные аспекты теории портфельных инвестиций детально проработаны Дж.Тобином, Г.Марковицем, У.Шарпом, Р.Мертоном. Теория промышленной организации представлена в произведениях Дж.Стиглера. Финансы корпорации, оценка акции — это актуальнейшие проблемы современного западного общества. Очень остро и даже драматично они стоят в тех странах, которые сейчас переходят на рыночный путь экономического развития. Ф.Модельяни и М.Миллер немало сделали в этой области, посвятив свои работы детальному исследованию теоретических и практических проблем финансовой стороны деятельности акционерных обществ, совместно создали методику расчетов ожидаемых от ценных бумаг доходов. Правда, теория Модельяни — Миллера рассчитана на сложившиеся и совершенные рынки ценных бумаг.

Рамки краткого анализа не позволяют раскрыть всю широту и глубину проделанной американскими нобелевскими лауреатами работы. Но даже эти скупые строки свидетельствуют о том, что американские экономисты не оставили без внимания ни одну существенную сторону хозяйственной жизни как своей страны, так и мировой экономики.

Междисциплинарные исследования. В XX в., как известно, стали бурно развиваться исследования на стыке наук. Причем не только естественных, но и гуманитарных. Как уже отмечалось выше, нобелевские лауреаты стремились внедрить в экономическую науку

математику. Вместе с тем некоторые из них предприняли попытку «экономизировать» изучение тех сфер общества, которые не имеют прямой связи с экономическими процессами. Здесь, прежде всего, следует отметить область политической жизни.

Дж. Бьюкенен получил широкую известность за разработку теории общественного выбора; им немало сделано для определения экономической оценки роли личности в общественном развитии, показана зависимость между выработкой политических и экономических решений. Существуют, далее, определенные закономерности и взаимосвязи поведения человека в организации, которые формируют своеобразный стиль принятия решений в области управления компаниями и в сфере их производственной деятельности. Речь идет о феномене «административного бихевиоризма». Именно в этой области исследований наиболее весома заслуга Г. Саймона.

Если на хозяйственную жизнь общества посмотреть с позиции обычного человека, то неизбежно возникают вопросы о роли семьи в обществе, в формировании определенного «качества» ребенка и вообще любого индивида. Иными словами, встает проблема экономики семьи. В этой связи характерной является позиция Т. Шульца, который в своих работах призывал не скупиться на вложения в «человеческий капитал», видеть человека, действующего за рамками математических формул экономистов. Развернутую теорию «новой экономики семьи» представил Г. Беккер. Через призму экономического анализа он попытался рассмотреть те вопросы, которые традиционно относят к социологии, демографии, криминологии. По его мнению, экономические соображения лежат в основе многих общественных явлений. Это относится и к дискриминации, и к преступности. Иначе говоря, Г. Беккер подверг детальному разбору как раз те сферы, которые находятся вне прямого рыночного воздействия. Не случайно поэтому он выдвинул «новую теорию потребления».

В условиях демократического общества на повестке дня постоянно находится вопрос о соотношении социального выбора и индивидуальных ценностей. Но каким бы демократичным общество ни было, нет возможности, доказывал К. Эрроу, путем голосования решить такую фундаментальную проблему, как распределение дохода. Будучи сторонником идеи созидательной роли рыночных сил, К. Эрроу «не стеснялся» демонстрировать неспособность рынка заставить предпринимателей инвестировать капитал в то, что не сулит достаточной коммерческой выгоды — образо-

вание, научные исследования и т.п. Активно используя математический аппарат, он не остался в плену абстракции и формул, а сумел раскрыть тесную взаимосвязь между общей теорией равновесия и теорией благосостояния, сделав при этом акцент на индивидуальные ценности.

В той или иной степени все выше отмеченные междисциплинарные исследования затрагивают сферу институциональной экономики. Государство, корпорации, фирмы, контракты, договора, «правила игры» и другие явления и категории, относящиеся к институтам современного общества, получили детальную проработку в исследованиях Дж. Бьюкенена, Р. Коуза, Г. Беккера, О. Норта, У. Викри.

Исторический аспект. Любое фундаментальное экономическое исследование содержит некий исторический элемент (сегмент). Дело в том, что каждое экономическое явление обязательно имеет свои исторические предпосылки и корни, развивается во времени как часть единого социального процесса. Неудивительно поэтому, что почти все нобелевские лауреаты в своих исследованиях отдали дань и экономической истории.

Первый американский нобелевский лауреат по экономике П. Самуэльсон неоднократно обращается к историческим данным, которые необходимы ему для иллюстрации и доказательства статической и динамической экономической теории. Экономическая динамика П. Самуэльсона — это отражение длительных исторических тенденций, это «живая» картина хозяйственной жизни в разные периоды развития демократического общества.

Историческое начало имело огромное значение и в произведениях С. Кузнеца. Результатом изучения национального дохода стала его всемирно известная монография «Столетняя динамика производства и цен», опубликованная в 1930 г., а также специальная работа о национальном доходе США за двадцатилетний период до Второй мировой войны. Методику своих разработок С. Кузнец широко использовал и для изучения национального дохода и экономического роста различных государств.

Чтобы проанализировать изменения в экономике США, В. Леонтьев с помощью метода «затраты — выпуск» составил межотраслевые балансы страны за многие годы начиная с 1919 г. Причем по мере прогресса вычислительной техники увеличивалась размерность таблиц баланса, коэффициенты которых демонстрировали межотраслевые потоки и изменения структуры американской промышленности за длительный период. В 1977 г. вышло

подготовленное под руководством В.Леонтьева и переведенное на многие языки, в том числе на русский, исследование «Будущее мировой экономики». В книге нашли отражение идеи ученого, его метод «затраты — выпуск»; историческая же компонента оказывается нацеленной не в прошлое, а в будущее. Вернее, она соединяет прошлое, настоящее и будущее.

Еще один пример пристального внимания к истории дают работы М.Фридмена, Нобелевская премия которому была присуждена, в частности, за достижения в области истории денежного обращения. М.Фридмен возглавлял коллектив ученых, которые в течение 25 лет публиковали серию работ по истории и теории денежного обращения в США. Были рассмотрены вопросы эволюции денег и монетарной статистики начиная с середины XIX в. Более того, М.Фридмен попытался провести сравнительный исторический анализ монетарных тенденций в США и Великобритании. Одним словом, исторический фактор сыграл немалую роль и в построении фридменовской монетаристской теории.

Л.Клейн, как известно, создал не только эконометрическую модель национальной экономики США и других стран. Его методика моделирования предполагает глубокое изучение истории экономического развития, что нашло отражение и во временных рамках предложенных Л.Клейном моделей. В 1968 г. он возглавил крупнейший международный проект, целью которого являлась координация экономического моделирования в различных странах. Результаты работы по этому проекту позволили не только обобщить исторические предпосылки развития экономик различных стран, но и выработать прогнозы для будущего как отдельных стран, так и мирохозяйственных связей в целом.

Среди нобелевских лауреатов из США есть ученый, который получил премию за работы по экономической истории как таковой. Это — профессор Р.Фогель. Нобелевская премия была присуждена ему за применение современных статистических методов для анализа прошлых экономических явлений и для оценки ранее существовавших теорий роста и развития. Шведская академия наук назвала ученого одной из ведущих фигур в области «новой экономической истории». Еще в 1964 г. он издал книгу, в которой утверждал, что экономическое развитие США стало результатом множества факторов без превалирующего значения какого-либо одного из них.

Научные школы. В работах американских нобелевских лауреатов по экономике можно найти признаки, характерные для самых

различных научных школ. Однако без существенного упрощения можно все же выделить основные — кейнсианство, монетаризм, неоклассика, а также стремление их синтезировать. П.Самуэльсон, развивая в своих работах кейнсианские идеи, можно сказать, возглавляет группу лауреатов, пытающихся осовременить постулаты Дж.Кейнса. М.Фридмен стоит на монетаристских позициях неоклассического толка, которые в разной степени разделяют почти все лауреаты из Чикагского университета. По мнению же Ф.Модильяни, наиболее продуктивным подходом к современной жизни был бы синтез обеих школ; именно это он и пытался осуществить. Близкие взгляды разделяет и Дж.Стиглиц.

В нашей литературе есть немало работ, комментирующих кейнсианские и монетаристские подходы как в теории, так и на практике. Поэтому обращу внимание читателя лишь на то, что среди западных ученых все заметнее стремление найти точки соприкосновения обоих течений с тем, чтобы избежать одностороннего толкования развивающихся экономических процессов. Правда, речь идет не о поиске чего-то «среднего», а лишь о выработке общей методологии исследования. Преуспел в этом направлении, как уже отмечалось, Ф.Модильяни, поставивший задачу интегрирования кейнсианской теории в общее русло неоклассической экономической теории и монетаризма. Поэтому в спорах между монетаристами и кейнсианцами Ф.Модильяни никогда не занимал непримиримой позиции. Даже при рассмотрении проблем собственно кредитно-финансовой сферы он пытался выявить воздействие, которое деньги оказывают на экономику именно через финансовые рынки, не абсолютизируя роль денег самих по себе.

Можно спорить о том, удалось ли Ф.Модильяни и другим ученым синтезировать различные научные школы, представив их в каком-либо одном «русле» или «монолите». Важно другое: в экономической науке идет поиск не «единства мнений», а путей приближения теоретических обобщений к реальным процессам хозяйственной деятельности и жизни общества в целом. Поскольку среди ученых, бизнесменов и обычных граждан существует множество различных интересов, имеется объективная основа для различных оценок одних и тех же явлений даже в рамках одной научной школы. Очевидно, что и в будущем такое положение не изменится.

Государство в рыночном хозяйстве. В рыночном хозяйстве вопрос о степени вовлеченности государства в экономические про-

цессы всегда был актуальным. И в работах нобелевских лауреатов он занимает ключевое место. В известной мере с ним сопрягается водораздел между различными научными школами. Если монетаризм уповает на чудодействие рыночных сил, то кейнсианство исходит из ответственности государства за состояние экономики. Государственная бюрократическая машина неоднократно давала повод для критики соответствующих мер в экономике. Не случайно Дж.Стиглер даже выдвинул в рамках проблемы госрегулирования так называемую «теорию захвата». В своих работах он аргументировал необходимость гармоничного сочетания экономики и права, призывая любую степень регулирования осуществлять в строгих юридических рамках.

Вмешательство государства в хозяйственные процессы в работах нобелевских лауреатов рассматривается на различных уровнях. Р.Манделл анализирует денежно-кредитную и бюджетную политику при различных валютных курсах. *Во-первых*, это макроуровень; я уже упоминал М.Фридмена, П.Самуэльсона, Дж.Стиглера, которые по-разному оценивают роль государства в экономике в целом. Р.Манделл анализирует денежно-кредитную и бюджетную политику при различных валютных курсах. *Во-вторых*, это микроэкономический уровень. Здесь речь идет об участии государства в регулировании деятельности фирм, выработке ценовой политики. Иначе говоря, о создании благоприятных условий для работы непосредственных производителей, всех агентов рыночной экономики. *В-третьих*, это международный уровень. Вторая половина XX в. характеризуется большим влиянием мирохозяйственных процессов на национальные народнохозяйственные комплексы. Поэтому нобелевские лауреаты уделили немало внимания данной сфере госрегулирования. В частности, М.Фридмен одним из первых среди экономистов выступил за введение системы плавающих валютных курсов, что, в конечном счете, и произошло в 1970-е гг. *В-четвертых*, признавая решающую роль «человеческого фактора» в рыночной экономике, многие исследователи в то же время подчеркивают, что сама по себе рыночная система «недооценивает» инвестиции в «человеческий капитал». Поэтому без участия государства в решении всего комплекса вопросов, связанных с поддержанием «человеческого фактора» в масштабах, отвечающих требованиям времени и растущей конкуренции в мировой экономике, не обойтись. Именно в этом деле государство должно помочь рынку. К такому выводу пришли С.Кузнец, Г.Беккер и другие лауреаты.

Определенную роль в самоопределении американского государства и нацеленности экономической теории сыграли террористические акты в США 11 сентября 2001 г. После этих событий Дж.Стиглиц отметил: «Сейчас Америка в большей степени чувствует себя сообществом и ощущает более сильное чувство социальной сплоченности, чем было все эти годы, даже десятилетия. На подходе также сильно запоздалый пересмотр роли правительства. Растет ощущение того, что мы могли сбиться с пути, придавая слишком большое значение собственной материальной выгоде и явно недостаточное общим интересам»¹.

Особое место занимает проблема роли государства при переходе от нерыночной к рыночной экономике. Согласно неоклассической теории, достаточно предоставить рыночным силам полную свободу, иначе говоря, «раскрепостить рынок», и все уладится само собой. Однако даже сторонники всеисилия «невидимой руки» свободного рынка предостерегают от такого подхода. Известно, что М.Фридмен в принципе пропагандирует отказ от государственного регулирования финансовой сферы, но в случае перехода от плановой экономики к системе частного предпринимательства он считает необходимой активную регулируемую роль государства. Ведь дело здесь состоит в том, что новая система внедряется не эволюционно, а резкой заменой регулируемой экономики смешанной экономикой, основанной на рыночных стимулах. Поэтому даже последовательный монетарист М.Фридмен понимает неординарность ситуации. Можно лишь сожалеть, что некоторые доморощенные приверженцы монетаристских концепций «не расслышали» предостережений «отца» монетаризма, и в результате у населения большинства стран с переходной экономикой, включая Россию, сложилось негативное отношение к рыночным преобразованиям вообще и рынку как таковому.

Нацеленность на практику. Выше уже неоднократно обращалось внимание на то, что практически все нобелевские лауреаты в той или иной форме выдвигали рекомендации для практического внедрения. «Связь с жизнью» характерна для лауреатов, хотя некоторые из них относят себя к «чистым теоретикам». Для рыночной экономики отдельные проблемы превращаются в «вечные». Это относится, прежде всего, к таким явлениям, как безработица и инфляция. Как уменьшить безработицу, не стимулируя инфляцию? Как бороться с последней и одновременно расширить спрос

¹ Независимая газета. 2001. 16 окт. С. 3.

на рабочую силу? Как стимулировать инвестиции и в то же время не допустить «перегрева» экономики? Эти и многие другие вопросы находят порой полярно противоположные ответы. Для монетаристов главный бич — инфляция. Для неокейнсианцев императив — обеспечение занятости. Понятно, что в первом случае рекомендуется жесткая финансовая политика, во втором — создание новых рабочих мест при «умеренной» инфляции.

В американских условиях представители Чикагской школы традиционно консультируют республиканские администрации, а сторонники неокейнсианских взглядов обычно находятся в числе советников федеральных правительств, формируемых демократами. Вместе с тем справедливости ради надо отметить, что ни одно правительство США — будь то, скажем, администрация Р.Рейгана, Б.Клинтона или Дж.Буша-младшего, — не проводило и не проводит чисто монетаристскую или чисто кейнсианскую политику.

На микроуровне различия в научных школах отступают на второй план, и лауреаты разрабатывают сугубо практические сюжеты. Так, проблема принятия решений волнует и правительственных чиновников, и управляющих крупных компаний, и индивидуальных инвесторов. Причем с каждым годом она усложняется. С одной стороны, накоплен солидный теоретический и практический багаж, а с другой стороны, нарастает быстрота смены жизненных ситуаций, опровергающая стереотипы мышления и поведения. Рыночная экономика, демократическое общество — это постоянные изменения. Вот почему так ценны те исследования, которые провели лауреаты в области принятия практических решений.

Видимо, не случайно Шведская королевская академия наук в октябре 1995 г. приняла решение о том, что очередным лауреатом Нобелевской премии по экономике становится профессор Чикагского университета Роберт Лукас-младший. Примечательно, что новый лауреат получил премию «за разработку и применение гипотезы рациональных ожиданий, которая привела к изменению макроэкономического анализа и углублению нашего понимания экономической политики».

Как видим, все больше ученых оказываются лауреатами именно потому, что их исследования находят непосредственное применение в экономической политике как на макро-, так и на микроуровне.

Трудно переоценить практическую значимость системы национальных счетов, предложенной С.Кузнецом. А моделирование

экономики по Л.Клейну или составление межотраслевых балансов на основе таблиц «затраты — выпуск» В.Леонтьева — разве они не произвели переворота в экономическом прогнозировании и международных сопоставлениях? Этот риторический вопрос лишь подчеркивает громадную прикладную значимость работ нобелевских лауреатов для мирового сообщества.

Для того чтобы практически опробовать свои разработки и, в частности, ценовую модель акционерного капитала, а также другие рекомендации относительно деятельности корпораций, У.Шарп создал собственную научно-исследовательскую и консультационную фирму. Проблемы инвестирования, размещения ценных бумаг пенсионными, страховыми, благотворительными фондами и другими организациями — вот сфера интересов практической деятельности фирмы У.Шарпа. При этом лауреат все активнее работает с теми, кто занимается инвестициями в международном масштабе.

Последняя декада XX в. знаменовала собой наступление информационной эпохи. Конечно, исследования в области теории информации начались давно. Но их актуальность и практическая значимость особенно высветились в последние годы. Не случайно поэтому как раз в это время нобелевскими лауреатами стали ученые, предложившие свое теоретическое видение роли и значения информации в современных условиях. В 2001 г. звания лауреатов получили профессор Дж.Эйкерлоф, М.Спенс и Дж.Стиглиц «за их анализ рынков с асимметричной информацией». Еще раньше, в 1996 г., У.Викри был также отмечен премией А.Нобеля за исследования финансовых рынков и корпораций при асимметрии информации. Теорию неопределенности, информации и рисков предложил один из самых молодых нобелевских лауреатов Р.Мертон, который, как известно, получил премию в 1997 г.

Образовательный ракурс. Все американские нобелевские лауреаты по экономике стали знаменитыми, находясь в университетской среде, их научные исследования подпитывались преподавательской практикой. Эти лауреаты имеют профессорское звание, а многие из них не только подготовили собственные учебные курсы, но и опубликовали свои учебники. Можно привести немало примеров на этот счет. Вот лишь некоторые.

Как известно, подлинный переворот в преподавании экономической теории произвел курс П.Самуэльсона, который он впервые издал в 1948 г. под названием «Экономикс: введение в анализ» (к сегодняшнему дню учебник выдержал уже семьнадцать изданий).

После этого в США появилось множество учебников по экономикс, но приоритет П.Самуэльсона остается безусловным. По его книгам учились и учатся студенты многих стран мира.

Особое внимание следует обратить на термин «экономикс»¹. Смысл понятия состоит не в обозначении сферы хозяйства, а в выделении всех проблем, охватываемых учебной дисциплиной. Поскольку это именно учебник, а не отрасль науки, целесообразно и нам сохранить слово «экономикс». В последнее время и в русском языке под ним понимается функционирование связей и отношений, определяющих либо экономику в целом, либо (при дополнительном уточнении) ее отдельную отрасль или вид экономической деятельности.

Важным событием в университетской жизни 1953 г. стало появление учебника Л.Клейна по эконометрике. Имея свой предмет изучения, она представляет собой самостоятельную учебную дисциплину. В наши дни для любого человека, получающего экономическое образование, считается нормой иметь хорошую подготовку и по эконометрике.

Лауреаты нобелевской премии опубликовали учебники по самым различным дисциплинам экономического профиля. В этом проявляется стремление ученых передать свои знания и опыт молодому поколению, вооружить его новейшими достижениями экономической науки.

Связь с политикой. Хозяйственная жизнь любого общества не может находиться вне соответствующих политических событий. Данное обстоятельство определенным образом влияет и на разработки лауреатов нобелевских премий. При этом некоторые из них сами включились в политическую жизнь, в деятельность государственного аппарата. Есть и такие, кто занимается проблемами политики и вне рыночной среды профессионально.

Выше уже обращалось внимание на политические симпатии монетаристов и неокейнсианцев. Скажем, М.Фридмен приложил немало усилий для оказания содействия республиканской администрации Р.Рейгана и его последователей. П.Самуэльсон же активно консультировал «команду» Дж.Кеннеди и другие администрации демократов. В последние годы в деятельности федеральных властей США наметилась тенденция в рамках длительной стратегии экономического развития опираться на различные экономические концепции.

¹ Специально этому вопросу посвящен п. 1, отдел 1.

Общеизвестно, что во второй половине XX в. фактически все развитые страны, в том числе США, страдали от дефицита государственных бюджетов. Как сказывается влияние бюджетного дефицита на демократическое развитие? Ответ на этот вопрос попытался развернуть Дж.Бьюкенен в работе «Демократия в дефиците», вышедшей в 1978 г. Вместе со своими учеными-коллегами он исследовал всю палитру проблем, связанных с поисками экономического фундамента для обеспечения согласия в обществе.

Политика, как правило, затрагивает не только экономику, очень часто политические решения касаются вне рыночной сферы. Именно поэтому использование экономического анализа для определения оптимума таких решений представляет собой крайне сложную задачу, ибо в этом случае количественные критерии малоэффективны. Как раз во вне рыночной среде прежде всего находит свое применение «человеческий капитал» в широком смысле, т.е. человек не просто как составляющая бизнеса, а как основа общества. Эту сторону «человеческого капитала» подробно исследовал Г.Беккер, который дал объяснение разной мобильности различных возрастных групп населения, показал количественную зависимость между способностями, производительностью и образованием работника, призвал учитывать «семейный фактор» в оценке «человеческого капитала», эффективности бизнеса и качества жизни вообще.

Различные стороны экономической политики и политики государства вообще теоретически проанализировали Р.Лукас, Р.Манделл и Дж.Стиглиц.

Анализ работ американских лауреатов Нобелевской премии показывает: они не задавались вопросом о том, что первично в соотношении экономики и политики. Но среди их работ нет ни одной, в которой подвергалась бы сомнению необходимость механизмов гибкого восстановления демократии в случае любых попыток узурпации власти.

Труды нобелевских лауреатов и Россия. Как известно, сегодня у нас нет дефицита в зарубежных консультантах, предлагающих свои рецепты реформирования экономики России¹. Некоторые из них, понятно, опираются на разработки нобелевских лауреатов. В этой связи уместно в очередной раз подчеркнуть: в реальной экономической политике США не получила доминирующего зна-

¹ Об этом см., например: Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ, 1996.

чения ни одна научная школа, ни одна теория или концепция. Любое американское правительство могло брать за основу своей практической деятельности в сфере экономики те или иные взгляды и подходы, но в целом экономическая стратегия и тактика строились на базе реальных проблем народного хозяйства США и изменяющейся роли страны в мировом хозяйстве. Иными словами, даже в Америке ни одно экономическое учение не стало догмой. Постоянно побеждает прагматизм. Это первое. Второе: экономисты — нобелевские лауреаты понимают, что рынок не всесилен, он обеспечивает наибольшую эффективность лишь в чисто экономическом смысле (причем не во всех народнохозяйственных сферах и производствах). Более того, гарантом свободы самого рынка, свободы конкуренции выступает государство. Оно не только формирует правовую базу рыночного хозяйства, но и адаптирует рынок к реальностям общества. Не рынок как таковой, а государство несет ответственность за настоящее и будущее национального хозяйства и страны в целом.

Может ли Россия использовать американскую модель экономического развития? Чтобы найти ответ на этот вопрос, возможно, следует озаботиться другим: почему ни Европа, ни Азия в целом, ни отдельные страны не повторяют американский опыт? Почему, далее, японская модель отличается от южнокорейской, а шведская не похожа на германскую? Факт состоит в том, что в рамках системы мировой рыночной экономики не происходит нивелирования национальных или страновых особенностей общественного развития. Каждая страна сохранила свой «национальный мундир» даже в условиях интенсификации интеграционных мирохозяйственных процессов.

Есть немало факторов — и исторических, и экономических, и национальных, и геополитических, — которые предопределяют специфику российской рыночной экономики и российского демократического общества. России нужна своя модель не потому, что она, как до сих пор считают некоторые мало осведомленные люди на Западе, «дремуча, как сибирская тайга, и свирепа, как уссурийский тигр», а потому, что впервые в истории цивилизации общество переходит к рынку после плановой системы, потому, что в отечественной истории коллективистское, общинное начало неизменно играло не последнюю роль.

Здесь уместно привести слова Джеймса Тобина, который за шесть лет до своей кончины в марте 2002 г. отметил: «Смитовская система может работать только в условиях, когда существуют со-

циальные институты, направляющие эгоистическую энергию в конструктивное русло. Без таких институтов, которые никогда не бывают совершенными и которые могут ослабляться преступностью и коррупцией, нам не избежать гоббсовской «войны всех против всех». А ее результаты существенно отличаются от тех, к которым должна вести «невидимая рука» Смита. Предпринимательство может принять форму вымогательства с использованием угрозы насилия. Увы, кажется, именно такой тип капитализма процветает в России»¹. Наверное, многие из читателей согласятся, что и сегодня оценка Дж.Тобина звучит весьма актуально не только для России.

До сих пор у России сохраняется хороший шанс взять из мирового опыта все то лучшее, что ей подходит и уже используется в разных частях земного шара. Разум экономической науки и мудрость политики позволяют надеяться на то, свой выбор Россия не упустит.

8. СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНЫХ МОДЕЛЕЙ

Не одно тысячелетие прошло с тех пор, как на нашей планете впервые появились ростки товарного обмена. Шаг за шагом укреплялись рыночные принципы функционирования экономики, стимулируя развитие производительных сил и рост производительности человеческого труда. И сегодня, в начале XXI столетия, рыночные связи соединяют все народы и государства Земли в общее мировое хозяйство.

Разумеется, в истории человечества возникновение и развитие рынка не выступало неким самоцельным процессом. Рынок явился своеобразным общественным инструментом, помогающим и облегчающим людям обеспечивать экономические условия своего существования и общественный прогресс. Вследствие особой роли товара и денег в рыночном хозяйстве развились такие явления, как товарный и денежный фетишизм, однако это никогда не приводило и не могло привести к всеобщности рыночных отношений в любом обществе. Дело в том, что, во-первых, товарными и денежными связями отношения между людьми отнюдь не исчерпываются. Во-вторых, по мере обострения общенациональных и глобальных проблем стала все больше проявляться самоограниченность рынка.

¹ Тобин Дж. Теорема о «невидимой руке» должна быть модифицирована // Российский экономический журнал. 2002. № 3. С. 44.

Сегодня Россия стоит перед выбором варианта оптимизации использования всех своих богатейших ресурсов для подъема жизненного уровня населения, и рыночный путь решения проблемы очевиден. Но столь же очевидно (и об этом свидетельствует опыт развитых стран), что, вступив на такой путь и руководствуясь общими рыночными принципами, следует тем не менее идти собственной дорогой. А значит, необходимо ясно представлять, что конкретно нужно перенимать из чужого опыта и каких «ухабов» следует избегать на отнюдь не гладкой рыночной дороге.

Американская модель

Ее становление и развитие происходили в известном смысле в идеальных условиях. Это объясняется многими причинами, среди которых можно выделить минимум две. Во-первых, США возникли на территории, относительно свободной от предшествующих традиций и различных наслоений социального характера. Во-вторых, европейские переселенцы привнесли предпринимательскую активность и инициативу, основанные на укреплявшихся товарно-денежных отношениях в Европе. Ни средневековые, ни кастовые, ни какие-либо другие пути не сдерживали развитие рыночных принципов на Американском континенте. Поражение южан в гражданской войне позволило к 1869 г. покончить с плантаторским рабством, которое не сыграло существенной роли в рыночном развитии страны.

Экономика США отличается своими масштабами и отработанностью названных принципов. Поэтому на примере американской модели особенно отчетливо видны черты и признаки, свойственные практически всем разновидностям рыночных систем независимо от «национальных мундиров». Главные среди этих признаков — собственность, виды и формы предпринимательства, конкуренция, многообразие рынка, правовая основа хозяйственной деятельности, роль государства, демократические основы общества, вовлеченность в мирохозяйственные связи. Конечно, в реальной жизни экономика каждой страны представляет сложный организм, в котором все взаимосвязано, взаимозависимо и взаимообусловлено. И только в теоретическом анализе можно «разложить» рыночную экономику на ее «составляющие», последовательно выделяя и анализируя каждый отдельный ее признак. При этом нельзя забывать, что характеристика любого из этих признаков (черт) имеет смысл, если последние рассматриваются как не-

отъемлемая часть рыночной системы. Иными словами, всеобщая «атмосфера» рыночной экономики должна образовывать обязательный фон соответствующих исследований. Эта предпосылка имеет принципиальный характер, ибо такие явления, как право, собственность, государство и другие, охватывают и иные стороны жизни общества, не имеющие прямого отношения к рынку.

Роль собственности. Широко распространено мнение, что основой рыночной экономики является частная собственность. Действительно, исторически именно частная собственность на предметы и орудия труда дала старт развитию рыночных отношений. И именно в тех странах, где объектами частной собственности становились все факторы производства, включая и землю, рынок быстрее охватывал все отрасли хозяйства и сферы жизни общества. Однако по мере того, как усложнялись связи в экономике и обществе, развивались рыночные институты и росли масштабы производства и сферы услуг, происходила качественная эволюция собственности.

На базе индивидуальной частной собственности стала развиваться коллективная собственность — вначале в виде партнерств, затем в форме акционерных обществ. При этом определенную роль играла и государственная собственность, которая постоянно адаптировалась к изменяющимся хозяйственным условиям. Ее экономическое значение в разных странах складывалось неодинаково. В США государственная собственность на средства производства (за исключением земли) относительно невелика, и этим они сильно отличаются от других развитых стран.

В реальной жизни общественная и предпринимательская деятельность все больше опирается не на какую-либо отдельную форму собственности, а на их сочетание, которое может быть настолько многообразным, что, используя для его характеристики термин «смешанная собственность», всякий раз следует иметь в виду его различную наполняемость.

Так, смешанная собственность возникает при взаимодействии государственной формы с любой негосударственной формой собственности. Государство может иметь свою долю участия и в акционерных обществах, и в партнерствах. Не исключены сочетания государственной и индивидуальной частной собственности, государственной и всех иных форм собственности. Другими словами, институты собственности в современной рыночной экономике отражают всю сложность существующих общественных связей.

Одной из важнейших характерных черт XX в. стала интернационализация собственности, образование ее международных форм, а следовательно, и присутствие в странах с рыночным хозяйством международной собственности. Последняя может быть представлена как определенными международными институтами, существующими непосредственно на основе паевого вноса стран-участниц, так и международными формами бизнеса, опирающимися на негосударственную собственность. Абстрагируясь от многочисленных и разнообразных деталей, в целом можно сказать, что международная собственность — это та же смешанная собственность, но без «национального мундира». Значительная доля международной собственности сосредоточена и в США.

Если обратиться непосредственно к структуре собственности в современной американской рыночной экономике, то она может быть представлена в следующем виде: индивидуальная частная; коллективная частная; государственная; смешанная.

Разнообразие видов собственности составляет основу многоукладности современной экономики США. Не случайно поэтому в самых распространенных американских учебниках говорится о «смешанной экономике», а не о «чисто частной» или «чисто рыночной». Иначе говоря, за длительный исторический период эволюция частной собственности привела к расцвету своеобразного «древа собственности», что и предопределило структурный каркас рыночной экономики.

Коллективная собственность приобретает все большее распространение и экономическое значение в форме акционерной собственности (соответствующая фактология будет приведена ниже, при рассмотрении форм организации бизнеса и современной предпринимательской деятельности вообще). Строго говоря, акционерную собственность нелегко представить как разновидность частной. Скорее всего, она выступает как негосударственная, но обычно не принадлежащая одному лицу и нередко выражающая коллективный интерес той или иной группы акционеров. Эволюционировала и государственная собственность, которая постепенно формировалась как экономический гарант рыночного развития. В этом смысле государственная собственность выступает одновременно и почвой, и благоприятной внешней средой для «древа собственности».

Известно, что деревья засыхают не только от агрессивности внешней среды, но и от переудобрения почвы. Точно так же устойчивое развитие рыночного хозяйства зависит от объективно и

оптимально выверенного уровня присутствия государственной собственности в национальной экономике. Для каждой страны этот оптимум может быть различным, как и присущие ей климатические и природные условия. Но в отличие от климата роль государственной собственности обуславливается также социальными и иными неприродными обстоятельствами. Причем опыт истории вообще и США в частности показывает отсутствие прямой зависимости между размером государственной собственности и эффективностью экономики. Многое зависит от механизмов как функционирования экономики в целом, так и реализации каждой формы собственности.

Предпринимательство: от простого к сложному. Любой вид предпринимательской деятельности основывается на той или иной форме собственности, которая в свою очередь предопределяет соответствующие организационные формы бизнеса. В национальном хозяйстве США постепенно сложились следующие типы экономических единиц: предприятия, являющиеся индивидуальной собственностью; предприятия, находящиеся в собственности двух или более лиц, партнерства; акционерные предприятия или компании (получившие в США и ряде других стран название «корпорации»). Есть также и государственные предприятия (хотя их меньше, нежели, скажем, в европейских странах, где государственная собственность шире распространяется на предпринимательский сектор). Однако производят львиную долю валового внутреннего продукта и играют решающую экономическую роль прежде всего предприятия, опирающиеся на негосударственную или смешанную формы собственности.

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют, что в США по показателю численности абсолютно господствуют предприятия, находящиеся в индивидуальной собственности (73%); второе место занимают корпорации (20%), третье — партнерства (7%). Если же обратиться к показателям делового оборота и чистого дохода, то обнаруживается бесспорное доминирование корпораций, т.е. предприятий с акционерной формой собственности (соответственно — 88 и 72%). Вывод однозначен: экономически господствующей формой организации предпринимательской деятельности в США являются акционерные предприятия и акционерная собственность.

Таблица 1

Распределение производителей в США в 1997 г. по форме собственности, размеру оборота и чистому доходу

Наименование показателей	Единица измерения	Абсолютные показатели	Доля, %
Всего производителей	1000	23645	100
Общий деловой оборот	млрд. долл.	18057	100
Чистый доход	млрд. долл.	1270	100
Из них:			
Предприятия, находящиеся в индивидуальной собственности (без аграрных):			
количество	1000	17176	73
деловой оборот	млрд. долл.	870	5
чистый доход	млрд. долл.	187	15
Партнерства в собственности двух или более лиц:			
количество	1000	1759	7
деловой оборот	млрд. долл.	1297	7
чистый доход	млрд. долл.	168	13
Корпорации:			
количество	1000	4710	20
деловой оборот	млрд. долл.	15890	88
чистый доход	млрд. долл.	915	72

Источник: Statistical Abstract of the United States — Washington, 2000. P. 535.

Подобная ситуация (с небольшими нюансами) характерна для всех ведущих стран в Европе и в Азии. Следует добавить, что среди корпораций существует значительная дифференциация по экономическому весу. Так, в США из общего их числа, приближающегося почти к 5 млн. (см. табл. 1), на долю 500 крупнейших промышленных корпораций приходится около 40% валового внутреннего продукта. Это значит, что лишь небольшая часть корпораций суть «акулы большого бизнеса», а среди оставшихся — немало «мелких рыбешек», составляющих вместе с партнерствами и индивидуальными предприятиями многочисленный «малый бизнес».

Современная рыночная экономика нуждается и в большом, и в малом бизнесе. И хотя экономически «партию первой скрипки» исполняют крупнейшие корпорации, но и без малого бизнеса «рыночный оркестр» не сыграет даже простенькую мелодию. Элементарный подсчет показывает, что малый бизнес берет на себя существенную социальную нагрузку, связанную прежде всего с обеспечением работой значительной части населения: если тру-

доспособное население в США составляет примерно 140 млн. человек, а в стране насчитывается более 23 млн. разного вида фирм и компаний, то получается, что в среднем на одну фирму приходится шесть трудоспособных граждан. Принимая во внимание, что у каждого из таких «генералов» американского бизнеса, как концерны «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Дюпон» и другие, наемный персонал насчитывает не одну сотню тысяч человек, становится очевидным, что на оставшийся малый бизнес приходится менее шести человек на каждое заведение.

Не вдаваясь в детальный анализ структуры американского бизнеса, можно тем не менее сказать, что динамизм экономики США зависит не от одного какого-либо звена в разнообразной цепи малого и большого бизнеса, а от сочетания всех видов и форм деловой активности. Именно подобные «смешанность», разнообразие форм собственности и форм бизнеса способствуют устойчивости американской рыночной экономики. При этом экономическое доминирование большого бизнеса дополняется красочной палитрой среднего и малого бизнеса, а их единство создает надежные предпосылки для использования в интересах экономического роста всех возможностей общества.

Рыночная конкуренция. Если собственность составляет базу структуры любого хозяйства, а формы организации деловой деятельности — опорные элементы этой структуры, то жизнедеятельность и того, и другого зависит от формы и характера связей между ними, в рыночной экономике такие связи осуществляются через рынок. Живучесть же самого рынка зависит от конкуренции. Есть конкуренция — есть развитие и движение вперед. Нет конкуренции — в экономике неизбежно возникают застойные явления. Свобода экономической конкуренции — одно из важнейших свойств рыночной экономики. Не случайно по состоянию конкуренции часто судят о степени зрелости рыночного хозяйства. Конкуренция диктует жесткие правила поведения для каждого члена общества и любого предприятия (компании), причем эти правила суть одновременно законы и выживания, и успеха.

История становления рынка в каждой стране имеет свои особенности. Но общее заключается в том, что рынок преодолел длительный исторический путь развития, прежде чем достиг современного состояния. И хотя его черты и функции шлифовались человечеством не одну сотню лет, в развитом виде они проявились лишь при капитализме. Поэтому рыночной эпохой можно считать период, который начался в середине XIX в. На Амери-

канском континенте эволюция рынка непосредственно связана с историей США.

Хотя в реальной жизни рынок функционирует как «единство многообразия», и теоретически, и практически его можно представить в трех крупных составляющих. Речь идет о рынках труда, товаров и капитала. Поскольку и труд, и товары, и капитал сами по себе выступают в разнообразных видах, «сегментации» рынка практически нет предела. Так, к примеру, происходят постоянные изменения в сфере использования рабочей силы — с точки зрения ее квалификации, специализации, качества и уровня образования, и т.д. Растет ассортимент и меняется качество выпускаемых товаров, а в XX столетии бурными темпами начал развиваться рынок услуг. Наибольшей же динамичностью отличается рынок капитала (как в форме заемных средств и ценных бумаг, так и в материальной форме — в виде средств производства, недвижимости).

Существенное значение имеет территориальный аспект рынка, который нередко не просто обусловлен географическими параметрами, а напрямую связан с национальными культурными, климатическими, историческими и иными условиями проживания населения. Однако отсюда не следует, что по признаку территориальности (как и по любому другому признаку) рынок внутри отдельной страны дробится на множество частей. Особенность рыночной экономики состоит в ее целостности. Нормальное, естественное развитие рыночных отношений не терпит преград на пути свободного перемещения товаров, капитала, рабочей силы.

Более того, *единое экономическое, рыночное пространство* в рамках границ отдельного государства предполагает и равенство всех условий как для населения, так и для развития предпринимательства. Не случайно поэтому в истории многих стран, в том числе США, рынку отводилось не последнее место в процессе объединения разрозненных территорий и в образовании целостного государства.

На рубеже XX в. сложился мировой рынок. Более чем за столетие его развития сформировались мирохозяйственные рыночные закономерности. Ныне же, вступив в третье тысячелетие, появились признаки того, что совокупный международный торговый оборот ежегодно растет быстрее, чем увеличивается объем мирового валового продукта, что говорит о все возрастающей роли мирового рынка в жизни любой отдельной страны. Он усиливает взаимозависимость национальных экономик, вынуждает каждую

страну занять (на конкурентной основе) свою «нишу» в мировой торговле и отстоять, а порой и расширить свое место в международном разделении труда. Причем своеобразие нынешнего момента состоит в том, что на мировом рынке свободных «ниш» уже нет. Любой вовлекаемой в мировую экономику стране приходится в жесткой конкуренции, по существу, создавать свою «нишу».

Важно, наконец, иметь в виду: хотя на мировом уровне представлены те же сегменты рынка, что и внутри национальных рыночных экономик, особую значимость здесь приобретает финансовый рынок как наиболее гибкий и эффективный рычаг мирохозяйственных связей.

Всесилен ли рынок? Рынок и конкуренция стимулируют предприимчивость, беспристрастно определяют результативность деятельности любого собственника, любой компании или фирмы, предлагающих свои товары либо услуги обществу, постепенно отсеивая тех, чья продукция не нашла спроса. В конечном счете, на рынке закрепляются те, кто смог удовлетворить существующие платежеспособные потребности. Тем самым рыночная атмосфера способствует росту эффективности каждого отдельного звена национального хозяйства, критерием которой является прибыль. И хотя на ее получение влияют как долговременные, так и кратковременные факторы, ее размер зависит, прежде всего, от текущей хозяйственной деятельности. В итоге неприбыльные или малоприбыльные предприятия разоряются, уступая место прибыльным, которые расширяют масштабы своей деятельности. В целом же растет эффективность всей экономики, поскольку ее слабые звенья выпадают из общей цепи.

Однако прибыльность не всегда может выступать идеальным или единственным критерием эффективности. Существуют такие важнейшие для современного общества сферы, как образование, фундаментальная наука, защита окружающей среды и другие, к которым в значительной степени неприменимо измерение эффективности прибылью. «Невидимая рука» рынка оказывается бессильной в определении их значимости для общества. Очевидно, что по мере дальнейшего роста роли «нерыночных» сфер в развитии современного общества будет все больше обнаруживаться ограниченность рынка как универсального механизма экономики.

Таким образом, вывод, согласно которому современная экономика США (и других развитых стран) выступает как смешанная — и по форме собственности, и по организации предпринимательской деятельности — следует дополнить положением о том, что и соот-

ветствующий механизм хозяйствования является не чисто рыночным, чисто конкурентным, а смешанным. Ведь если рынок не универсален, то должны быть и другие рычаги воздействия на экономику, восполняющие ограниченность рыночного механизма. Главный из них — хозяйственная деятельность государства. Ведущим звеном этого смешанного механизма остается конкуренция, которая сочетается с регулирующей деятельностью государства.

Строго говоря, фактически хозяйственный механизм современной рыночной экономики включает не два, а три основных элемента: конкуренцию, государственное и корпоративное регулирование.

Значение последнего определяется той, уже отмечавшейся, ролью, которую занимают в предпринимательской деятельности корпорации, прежде всего — крупнейшие. К примеру, ведущие фирмы США имеют в своем составе десятки и сотни различных заводов, фабрик, учреждений; их оборот по продажам превышает десятки и сотни миллиардов долларов. Каждая такая корпорация регулирует движение своего капитала и своей продукции на основе собственных принципов управления, которые, хотя и опираются на состояние рынка и конкуренции в стране и мире, все же имеют «индивидуализированный» характер. К тому же громадная масса товаров и услуг, находящихся во внутрифирменном обороте компаний «большого бизнеса», «уходит» от прямого воздействия общенациональной рыночной атмосферы. Получается, что сфера прямого рыночного и конкурентного влияния ограничивается не только на уровне интересов всего общества (из нее, как было сказано, выпадают образование, подготовка кадров, наука, экология, оборона и др.), но и как бы внутри самой предпринимательской сферы — во внутрифирменной системе управления крупнейших акционерных компаний. Не следует преувеличивать роль корпоративного регулирования в хозяйственном механизме американской рыночной экономики. Однако было бы неправильным и преуменьшать влияние большого бизнеса на ее функционирование.

Рыночная мотивация (несмотря на указанную ее ограниченность) остается движущим стимулом развития современного западного общества. Дух рынка и конкуренции присутствует и там, где непосредственно «не работают» рыночные рычаги. И здесь на помощь рынку приходит государство.

Без государства не обойтись. В современном обществе роль государства многогранна. В данном случае речь пойдет о той сто-

роне его деятельности, которая связана с экономикой. Исторически именно государство выступало гарантом становления и развития рыночной системы в западном, в том числе и американском, обществе. Можно выделить по меньшей мере два аспекта экономической роли государства: 1) поддержание и защита рыночной системы, прежде всего рынка и конкуренции как таковых; 2) восполнение ограниченности рынка в тех сферах общественной жизнедеятельности, где рыночные принципы не могли прижиться как противоречащие интересам общества в целом. Отсюда следует, что государство по характеру своей экономической деятельности становится одновременно и элементом рыночного устройства, и стабилизирующим фактором общественного развития вообще, ибо оно берет на себя все те функции, которые неподвластны рынку.

Подобную роль государства нередко расценивают как его «вмешательство» в рыночную экономику. Действительно, если оно стремится в той или иной мере подменить рынок и конкуренцию, налицо реальное вмешательство. Но когда государство выступает лишь гарантом соблюдения «правил игры» в рыночной экономике, гарантом рынка и свободы конкуренции, оно органически вписывается в рыночные принципы поведения. Важно, следовательно, найти тот оптимум, который ограничивает экономическую деятельность государства рамками, позволяющими ему эффективно способствовать раскрытию всех преимуществ рыночной системы на разных этапах развития *своей* страны. Понятно, что такой оптимум различен в зависимости от места и времени, исторических и других обстоятельств (то, что оптимально для США, может быть чрезмерным для Франции, но недостаточным для Австрии).

Экономическую роль государства характеризуют различные показатели. Наиболее существенные из них — величина государственной собственности и доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте страны. Поскольку государственная собственность не всегда связана с хозяйственной деятельностью, постольку в последнее время в этих целях чаще применяется второй показатель. Понятно, что трудно требовать от единственного показателя аккумуляции всеобъемлющей информации по данной проблеме, но некое агрегированное представление о месте и роли государства в рыночном хозяйстве он дает.

Взяв усредненные данные по группе развитых индустриальных стран, можно обнаружить явную тенденцию роста доли госу-

дарственных расходов в ВВП. Если в конце XIX в. эта доля в среднем составляла 8,3% (в то время как в США — 4, а во Франции — 12,6%), то уже в двадцатых годах нашего столетия она возросла до 15,4, а в шестидесятых годах — до 27,9%. В начале восьмидесятых годов средняя доля государственных расходов в ВВП развитых стран составила уже 42,6%, причем ни в одной из них она не опустилась ниже 30%. Так, в 1993 г. доля государственных расходов в ВВП США равнялась 38,7%, Японии — 34,9, ФРГ — 50,8, Франции — 54,2, Англии — 54,8%. К 1994 г. указанный средний показатель по развитым странам достиг 47,2% ВВП. Иными словами, государственная машина не просто превратилась в мощный фактор экономического роста, а стала залогом стабильности и устойчивости всего общественного развития.

Видимо, дальнейший рост доли государственных расходов в ВВП не будет столь стремителен и, как можно предположить, средний показатель будет колебаться вокруг 50%. Такая тенденция отчетливо прослеживается в табл. 2.

Но даже приведенные скупые статистические данные показывают, что каждая страна решает свои проблемы по-своему. Притом, что рыночные принципы повсюду одинаковы, рыночная модель и государственная экономическая политика в разных странах могут принципиально различаться, поскольку основываются, прежде всего, на национальных особенностях и интересах. В этом смысле показатель доли государственных расходов в ВВП можно считать своеобразным индикатором специфики рыночной модели той или иной страны.

Особое место при рассмотрении вопроса об экономической деятельности государства занимает проблема чиновничьей бюрократии, государственного аппарата всех уровней, усилиями которого эта деятельность и осуществляется. Однако данный вопрос в рыночном контексте требует специального анализа. Здесь же считая необходимым подчеркнуть, что эффективность и надежность работы государственных служащих зависят не от их числа, а от организации их работы, мотивации их труда. Важно, чтобы деятельность органов государственного управления регулировалась соответствующими законодательными нормами. И чем меньше влияние субъективного фактора на процесс принятия решений, тем выше результативность и объективность работы государственных институтов.

Таблица 2
Доля государственных расходов в ВВП развитых стран, %

	1960 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.
Австрия	35,7	48,1	48,6	51,7
Бельгия	30,3	58,6	54,8	54,3
Великобритания	32,2	43,0	39,9	41,9
Германия	32,4	47,9	45,1	49,0
Голландия	33,7	55,2	54,0	49,9
Испания	18,8	32,2	42,0	43,3
Италия	30,1	41,9	53,2	52,9
Канада	28,6	38,8	46,0	44,7
Норвегия	29,9	37,5	53,8	45,5
США	27,0	31,8	33,3	33,3
Франция	34,6	46,1	49,8	54,5
Швеция	31,0	60,1	58,1	64,7
Швейцария	17,2	32,8	33,5	37,6
Япония	17,5	32,0	31,7	36,2
В среднем	28,5	43,3	46,1	47,1
Австралия	21,2	31,6	34,7	36,6
Ирландия	28,0	48,9	41,2	37,6
Новая Зеландия	26,9	38,1	41,3	47,1
В среднем по этим странам	25,4	39,5	39,1	40,4
В среднем по всем странам	27,9	42,6	44,8	45,9

Источник: A Survey of the World Economy // The Economist. 1997. September 20.

Для функционирования рыночной экономики также необходимо отлаженное правовое пространство: каждый работник, каждый предприниматель, каждая компания могут чувствовать себя уверенно в любом деле, если они знают, что защищены законом. Вот почему в рыночной экономике столь большое внимание уделяется правовому обеспечению всех видов деловой активности, а хозяйственное право выступает как юридическая основа такой экономики.

Ранее уже отмечалось, что в правовой защите нуждаются и рынок, и конкуренция. Обратившись к истории США, легко обнаружить, что по мере ускорения экономического роста, возникновения и укрепления крупных компаний развивалось законодательство по защите конкуренции, направленное против разных форм монополизма. Антимонopolное движение возникло еще в XIX столетии, развивалось в XX в. и, очевидно, не потеряет своей актуальности и в третьем тысячелетии. Когда государство хотя бы на мгновение теряет «бдительность», монополии немедленно пользуются этим, чтобы диктовать обществу свои условия.

Противоречивость ситуации в том, что сама конкуренция, отбирая лучших и наиболее эффективно действующих в рыночном хозяйстве, способствует созданию монополий. Защитить свободу конкуренции и предотвратить рождение монополий — двуединая и довольно сложная задача, постоянно стоящая перед государством. Поскольку формы и методы конкурентной борьбы, равно как и сам характер конкуренции, изменяются, антимонопольная направленность государственной деятельности вынуждена приспосабливаться к новым реальностям.

Европейская модель

В отличие от США в Европе развитие рынка проходило долго и мучительно. Континент пережил не одно социальное потрясение, прежде чем рыночная мотивация труда стала повсеместной. Однако, строго говоря, до 50-х гг. XX в. единой европейской рыночной модели просто не существовало. Каждая европейская страна адаптировала рыночные принципы к своим условиям. И только после Второй мировой войны, особенно в связи с образованием «Общего рынка» и в соответствии с принципами Европейского экономического сообщества, начала формироваться общая европейская рыночная модель. И теперь, когда в ЕС входят все ведущие страны Западной Европы, уже можно утверждать, что с завершением создания единой валютной системы оформится и рыночная модель, характерная для большинства европейских стран.

Одной из отличительных особенностей этой модели становится создание единого рыночного пространства (что отражает мировую тенденцию к экономической интеграции в региональном масштабе) на территории, на которой сохраняются политически независимые государства. В отличие от США, где рыночная модель охватывает отдельные штаты, входящие в единое государство, для европейской модели характерно экономическое единение при политическом многообразии. И хотя основные направления «рыночной моды» диктует общеевропейская модель рынка, европейская валюта *евро*, сохраняются особенности «национальных мундиров» отдельных стран, их «покрой и цвет», а французская система не копирует германскую, равно как итальянская английскую.

Для европейской рыночной модели характерно то, что государство не снимает с себя ответственности за обеспечение социальной стабильности как в отдельных странах, так и в ЕС в целом. Этим, в частности, объясняется и уже отмеченная высокая доля государственной ответственности и государственных расходов в ВВП европейских стран.

Нельзя сказать, что в Европе царит полное единодушие по поводу правильности «общего» пути экономического развития. Есть немало сторонников того, чтобы замкнуться в национальных границах, отстоять свою национальную самобытность. Время от времени изменяется (в зависимости от политической ориентации находящихся у власти партий) и экономическая политика правительств. Вместе с тем «соединенные штаты Европы» год от года укрепляются, и все это происходит на общей рыночной основе. Разнообразие национальных рыночных моделей не позволяет в одночасье «причесать» экономики отдельных стран по образцу единой европейской рыночной модели, но в то же время именно общность рыночных принципов задала и направление, и содержание объединения.

Азиатская модель

По уровню социально-экономического развития азиатский материк представляет собой пеструю картину. Здесь есть страны, как входящие в первую десятку развитых государств мира, так и лишь начинающие осваивать рыночные рычаги. Поэтому говорить о единой азиатской рыночной модели еще рано, хотя при этом можно с уверенностью утверждать, что своими корнями она вырастает из т.н. азиатского способа производства. Это означает, что в азиатских странах государство играет в хозяйственной жизни особую роль вследствие специфики климата, других природных факторов, а также национальных и культурных традиций. Порой немалое значение здесь имеет и господствующая религия.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что именно на Азиатском континенте ряд стран, среди которых по всем параметрам выделяется КНР, продолжают сохранять социалистическую ориентацию развития. Китайская модель рыночной экономики вполне вписывается в общие очертания азиатской модели, ибо в Китае экономическая деятельность государства относится к числу решающих факторов экономического роста и социальной стабильности (вслед за КНР примерно по этому же пути начал продвигаться Вьетнам). Восприятие рыночных принципов, стимулирование предпринимательской инициативы, сохранение политической стабильности и предсказуемости поведения руководства страны — все это позволило привлечь громадные иностранные инвестиции и прочно закрепиться на мировом рынке. Можно сказать, экспортная экспансия стала своеобразным локомотивом, который вытянул китайскую экономику на ведущие позиции в

мире по общему объему ВВП. Теперь уже развитые индустриальные страны конкурируют друг с другом за право продвинуть национальный капитал на китайский рынок.

Известно, что первой из азиатских стран в послевоенные годы на передовые позиции в мировой экономике вырвалась Япония. И хотя в японском рывке немаловажную роль сыграл американский фактор, все же главными оказались собственные усилия нации. Характерно, что экономическая роль государства в народном хозяйстве Японии определяется не размерами принадлежащей ему собственности (которая относительно невелика), а использованием своеобразного японского механизма «убеждения» предпринимателей следовать государственным интересам.

Поэтому чисто арифметический подсчет степени экономического влияния японского государства на национальное хозяйство не может дать реальной картины. В этой связи примечательна оценка сути государственного регулирования в Японии, данная одним из западных экспертов: «Японское государство не занимается бизнесом, потому что бюрократия может регулировать рынок более эффективно, чем присутствуя на нем». Эту же мысль развивают и отечественные специалисты, отмечая, в частности, что в Японии «процесс принятия решений значительно облегчается высокой степенью «обустроенности» взаимодействия между бизнесом и бюрократией, существующей еще с довоенных времен». Эти высказывания, на мой взгляд, достаточно наглядно отражают специфику восточного подхода к воздействию на экономические процессы, азиатский вариант реализации принципов рыночной мотивации.

При активной поддержке государства японские компании смогли быстро «оседлать» передовые зарубежные ноу-хау и стать законодателями мировой моды по целому ряду высокотехнологичных товаров. «Японский мундир» рыночной модели отличается явно выраженной экспортной окраской: ориентация на внешний рынок вывела японские изделия на мировой уровень конкурентоспособности, а экспортная составляющая органически вписалась в азиатскую рыночную модель.

Японский вариант рыночного развития в известном смысле повторили (хотя и в несколько иных политических условиях и со своей спецификой) Республика Корея, Сингапур, Тайвань. Его воспринимают Малайзия и Индонезия, другие страны Азии. Все это создало объективную основу для формирования в этом регионе торгово-экономических союзов, таких, например, как Азиат-

ско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС), значение которого уже вышло за пределы региона и становится важнейшим фактором мирового развития (в состав АТЭС вошли Китай и Россия).

Можно предположить, что образование и развитие интеграционных объединений стран, подобных ЕС, АТЭС и других, спровоцирует формирование различных рыночных моделей уже на межнациональном уровне. Об этом, в частности, свидетельствуют усиление конкуренции на мировом рынке и тенденция к определенной замкнутости интеграционных группировок стран.

Если раньше мировой рынок «делился» между странами, то в конце XX в. уже начался его раздел между их интеграционными союзами. Отдельной же, не интегрированной в общую экономику стране в таких условиях приходится испытывать на мировом рынке серьезные трудности.

О российской модели

Корни наших предубеждений. В первые годы перестройки и позже — после распада СССР и образования на его территории независимых государств — одним из главных мотивов начавшихся преобразований считалось создание рыночной экономики путем разгосударствления и формирования частных, негосударственных институтов практически во всех сферах жизни. На передний план выдвинулась задача содействия образованию собственников-хозяев, частный интерес которых и станет двигателем экономических и социальных реформ. Общественное внимание фокусировалось только на этой стороне происходящих изменений, с помощью средств массовой информации (электронных и печатных) было создано представление о государственной собственности как о малоэффективной, а нередко — и паразитирующей. А поскольку общенациональные, общегосударственные интересы ассоциировались не с обществом в целом, а непосредственно с государственной собственностью, то всякое упоминание об укреплении механизма защиты государственных интересов стало восприниматься как реакционно-консервативное, как попытка вернуть страну к тоталитарному государству с одной формой собственности и прежним государственным устройством. Другими словами, восприятие исторического пути, пройденного нашей страной, довлеет над пониманием сути и роли государственных интересов в общественном развитии.

У предубеждения ко всему, что связано с российским государством, есть и другая сторона. До сих пор главными методами государственного воздействия на хозяйственную жизнь остаются административные, а в руках чиновников сохранились рычаги, позволяющие им злоупотреблять своим положением (с этим особенно хорошо знакомы прежде всего предпринимательские круги). Скептическое отношение к элементарно верной постановке вопроса о защите государственных интересов связано с подозрением, что она в первую очередь означает защиту госчиновников. Без них, конечно, не обходится ни одно государство, но российский чиновничий феномен — это особенное, специфически наше явление и игнорировать его пока не может в России никто — ни президент, ни банкир, ни простой гражданин. Таким образом, и исторический, и «чиновничий» факторы оказывают отрицательное влияние в оценке значимости государственных интересов как во внутренних, так и в международных делах России.

Однако объективность национально-государственных интересов и их жизненная важность для каждого гражданина дают все основания для постановки данной проблемы, поиска ее теоретического и практического решения. Главным аргументом в пользу такого подхода является опыт всех стран с рыночной экономикой, где соблюдение государственных интересов, интересов всего общества — это гарантия стабильного развития не только государственного аппарата как такового, но и всех слоев общества, всего населения. Немаловажно и то, что подорвать или вовсе разрушить базу для отстаивания общегосударственных интересов можно легко и быстро, а вот для создания механизма защиты этих интересов потребуется много сил и времени.

Если не принимать во внимание любые формы диктаторских или тоталитарных режимов, то, как явствует из исторического опыта, **частный бизнес, предприниматели и граждане заинтересованы в укреплении государства и защите его интересов тем больше, чем прочнее и надежнее экономика страны, чем увереннее государство создает оптимальные условия для реализации частных интересов.** В развитой рыночной экономике стало аксиомой иметь в лице государства не только гаранта соблюдения принципов свободы предпринимательства, конкуренции и личности в собственной стране, но и устойчивую опору в действиях на просторах мировой экономики. Тем самым экономическая составляющая государственных интересов становится доминирующей, и если любой частный бизнес даже в самой процветающей рыночной экономике

не застрахован от банкротства, то хозяйство страны в целом должно быть однозначно защищено от этой угрозы. Забота об экономической безопасности страны, о том, чтобы ее уровень соответствовал внутреннему и международному положению государства, является для последнего задачей номер один. Для ее решения мобилизуются все необходимые ресурсы и предпринимаются соответствующие меры.

В отечественной печати порой подвергается сомнению сам факт существования такого явления, как экономическая безопасность страны; тем более отрицается необходимость ее обеспечения для России. При этом в качестве одного из доводов ссылаются на интеграционные процессы в мире и, в частности, на формирование Европейского союза, где национальные экономические границы утрачивают свой смысл. Другой довод — апеллирование к феномену открытой экономики, когда иностранная конкуренция становится фактором роста национальной конкурентоспособности.

С теоретической точки зрения эти доводы, безусловно, заслуживают внимания. Если же их «приложить» к любой конкретной стране и оценить с позиции национальных интересов, то выясняется, что «**национальный мундир**» еще по-прежнему в моде и в Европе, и на других континентах; защита его чести (в частности, в экономической сфере) отнюдь не стала достоянием истории. А открытость экономики (как показывает опыт ведущих стран мира) вовсе не мешает зорко стоять на страже своих экономических интересов. Хотя капитал не знает границ, но он никогда не становится «бездомным». Известная поговорка «своя рубашка ближе к телу» вполне применима и к «телу» национальной экономики.

Ничто так не подвижно, и одновременно так не консервативно, как экономика. Конкуренция вынуждает всех участников рыночных отношений находиться в непрерывном движении, однако «перепрыгнуть» через экономические законы, обойти интересы участников рынка не удастся никому. «**Экономика здравого смысла**» — это и есть экономика интересов, экономика объективных и глубоких закономерностей. И тот, кто не желает с этим считаться, в конце концов оказывается на обочине рыночного развития. В равной мере это относится и к отдельному человеку, и к малому бизнесу, и к крупной фирме, и к государству в целом.

Исторический путь России труден. Она выстрадала возможность нормального экономического и социального развития, и было бы непростительной ошибкой игнорировать уроки мировой

цивилизации и самой России, отдавая предпочтение сиюминутным политическим веяниям, связанным с текущей расстановкой сил и в госаппарате, и в обществе в целом.

Углубление региональной дифференциации — тормоз движения вперед. С переходом к рыночной экономике существенно изменяются состояние, место и роль регионов России в ее экономической, политической и социальной системах, что, в свою очередь, не может не сказаться на международном положении страны в целом и ее национальной безопасности в частности. Мощь России, ее целостность и динамичное стабильное развитие не в последнюю очередь определяются развитием и поведением ее регионов. Именно эти проблемы все больше вызывают тревогу и озабоченность как политиков, так и рядовых граждан.

Важным аспектом процесса регионального развития является то, что глобализация российского хозяйства идет неравномерно, его характерной чертой выступают глубокие региональные асимметрии. Промышленный и экспортный потенциал России концентрируется на ограниченном количестве территорий, одновременно представляющих и главные рынки сбыта иностранных товаров. Именно эти территории играют решающую роль в международном хозяйственном взаимодействии России. Среди них особенно выделяются пять территорий, хозяйства которых сегодня в наибольшей степени задействованы в глобальных экономических связях: Красноярский край, Кемеровская, Пермская, Самарская и Челябинская области. Близки к ним по своему состоянию в обозначенном аспекте еще девять территорий: Республика Башкортостан, Иркутская область, город Москва, Мурманская, Нижегородская, Оренбургская, Свердловская и Тюменская области, Хабаровский край. На нескольких десятках остальных территорий внешние факторы хозяйственного развития, по существу, не задействуются.

Растущая экономическая дифференциация проявляется в формировании глубоко депрессивных регионов, уровень развития которых все более отстает как от относительно «благополучных» территорий, так и от среднероссийских показателей (так, например, объем ВВП, производимого в расчете на душу населения, в Республике Дагестан почти в 16 раз меньше, чем в среднем по России и в 40 раз меньше, чем в Самарской области).

Таблица 3

Структура иностранных инвестиций по федеральным округам России в 2000 г.

Округа	Объем инвестиций, млн. долл. США	Доля, %
Всего в Российской Федерации	10958	100
Центральный	4671	42,6
Северо-Западный	1714	15,7
Южный	1246	11,4
Приволжский	673	6,1
Уральский	944	8,6
Сибирский	1133	10,3
Дальневосточный	577	5,3

Источник: Российский статистический ежегодник. М.: 2001. С. 577—578.

Об одной из сторон дифференциации регионов — различной привлекательности последних для иностранных инвестиций — свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3. Однако статистика за 2000 г. неумолимо свидетельствует и о том, что углубляющаяся региональная дифференциация по социальным параметрам приводит к формированию в России богатых и бедных регионов. Причем скорость и глубина этого процесса не имеют себе равных в мире и позволяют говорить о его необратимом характере. Немалый контраст между регионами России виден и на примере данных, приведенных в табл. 4.

Таблица 4

Среднедушевые денежные доходы в месяц населения в некоторых регионах России, руб.

Регионы	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Российская Федерация	1007,8	1629,5	2192,9
г. Москва	4083,2	6859,2	9291,3
г. Санкт-Петербург	1178,9	1842,9	2589,8
Республика Дагестан	352,7	597,0	850,6
Ивановская область	512,0	710,7	912,9
Омская область	805,8	1052,9	1306,9

Источник: Российский статистический ежегодник. М.: 2001. С. 173—174.

Не вызывает сомнений, что состояние нарастающей отсталости депрессивных регионов политически взрывоопасно и может привести к вспышкам насилия и к дестабилизации ситуации в стране в целом. Чтобы переломить указанную тенденцию необхо-

димо проведение централизованно финансируемых программ активизации хозяйственной жизни, структурной перестройки экономики депрессивных регионов. Такая политика жизненно важна для России и отвечает ее долгосрочным стратегическим интересам.

Неоднородность экономического пространства России, неравенство стартовых условий рыночных реформ на ее территориях, региональная асимметричность внешнеэкономического взаимодействия, формирование глубоко депрессивных регионов, их увеличивающийся отрыв от сравнительно «благополучных территорий» усугубляются отсутствием адекватной региональной политики федерального центра.

Отсутствие единого, равного подхода к регионам, половинчатость и противоречивость решений дают основание обвинять центр в том, что он по своему усмотрению пытается «ублажать» одни из них за счет других, сохранять унитарную структуру своих связей с территориями, практику подмены правовых отношений государства администрированием. Все это не только не препятствует дифференциации и обособлению регионов, но и провоцирует усугубление этих процессов.

Под вопросом оказалось само существование единого рыночного федерального пространства. Насаждение рыночных принципов на почву прежнего советского планового хозяйства не способствовало сохранению единого экономического комплекса страны. Самоустранение на первых порах федерального правительства от элементарной координации развития отраслей, регионов, финансово-бюджетной и налоговой систем привело к худшим проявлениям стихии в хозяйственной жизни общества, воочию показав, что упование на одни только рыночные регуляторы, чреватое негативными последствиями даже для развитой рыночной экономики, особенно опасно для экономики переходной. Под угрозой в результате оказывается и сама целостность российского государства. Рыночные принципы, рыночная мотивация — это хотя и важный, но лишь один из способов достижения экономических целей. Как показывает зарубежный опыт длительного рыночного развития, использование этих принципов и этой мотивации всегда в той или иной мере находилось под опекой государства, которое в худшем случае выступало просто «штурманом» изменений, а в лучшем — организатором всего процесса. И такой подход особенно актуален для России.

Общие критерии российской модели. История и условия развития России уникальны. Это обстоятельство является решающим в

подходе к поиску рыночной модели, соответствующей российским реальностям и целям развития страны и общества.

Как известно, Россия имела плановое хозяйство, опиравшееся на общественную (прежде всего государственную) собственность и входила в экономический комплекс СССР. Именно эти обстоятельства во многом предопределили проблемы и сложности перехода страны на рыночные принципы экономического развития.

Во-первых, абсолютное господство государственной собственности обусловило постановку (в качестве первоочередного) вопроса о приватизации и формировании многоукладной экономики.

Во-вторых, в плановой системе преобладал монополизм основных производителей, фактически распространявшийся на всю территорию СССР. Смена формы собственности в этих условиях не могла автоматически сформировать «экономический плюрализм».

В-третьих, разделение труда внутри России было составляющей разделения труда внутри СССР. Ориентация на переход к рынку только в рамках экономики России означала наряду с прочим формирование совершенно иной экономической структуры страны: одновременно с созданием новых экономических связей внутри России необходимо было существенным образом видоизменить ее экономические отношения с новыми независимыми государствами, прежде входившими совместно с Россией в единый народнохозяйственный комплекс, а также с мировым хозяйством в целом.

В-четвертых, масштабы страны, ее федеративное устройство с присущими каждому из ее 89 регионов, объединенных в 7 федеральных округов, особенностями придают особую остроту вопросу: каким образом на останках ранее существовавших плановых связей между предприятиями и регионами (в значительной мере опиравшихся на партийный каркас экономической системы) сохранить, укрепить и развить единое рыночное пространство на всей территории Российской Федерации.

В-пятых, перед государством возникла уникальная по сложности проблема — как в условиях отказа от господства государственной собственности обеспечить поддержку, содержание или адаптацию к требованиям рыночного развития образования, науки, культуры, социальной и других сфер общества, которые прежде всецело финансировались государством.

Приведенный далеко не полный перечень специфических обстоятельств и проблем красноречиво свидетельствует: одномо-

ментный переход от плана к рынку, от всеобщей государственной собственности к многоукладности исключен; требуется переходный период, в течение которого должны быть созданы предпосылки рыночного развития. А поскольку речь идет именно о предпосылках, ясно, что сам по себе рынок здесь бессилен. Другими словами, государство, отпустив плановые вожжи, должно взять на себя всю полноту ответственности за переходный период, его содержание и длительность. Нет иного, кроме государства, субъекта, кто обладал бы экономической силой, способной мобилизовать все ресурсы страны для построения новой экономической и социальной системы.

Из истории известно, что именно в переходный период возникает большая опасность различного рода злоупотреблений в государственном аппарате, ибо очень многое становится зависимым от чиновников всех рангов. Вот почему очень важно уже на этой стадии сформировать у населения тот облик государства, который, с одной стороны, не потворствовал бы социальному иждивенчеству, а с другой — стал бы надежным гарантом рыночного развития вообще, свободы и безопасности каждого гражданина в частности. Последнее исключительно важно, ибо рыночные мотивации не могут стать привлекательными, если они приводят к унижению человеческого достоинства.

Итак, исходный элемент российской рыночной модели — это эффективный переходный период. Основой экономики и на его протяжении, и на его «выходе» призвано стать многообразие форм собственности и деловой активности. И если во всем мире важнейшим признаком третьего тысячелетия становится именно смешанная экономика, то для России с учетом ее специфики особенно важно определиться в вопросе о том, какое конкретно соотношение форм собственности и предпринимательской деятельности будет наиболее эффективным. К этому оптимуму и следует стремиться.

Формирование рыночной инфраструктуры и конкурентного механизма — ключевой блок российской модели. С одной стороны, «правила игры» должны быть понятны и доступны любому российскому и иностранному партнеру, т.е. иметь известные интернациональные признаки; с другой — экономическая роль государства не может не соответствовать российскому укладу жизни во всем его многообразии вследствие этнических, территориальных, религиозных, исторических и других причин. Добиться оптимального результата рыночных преобразований можно будет

лишь в том случае, если «невидимая рука» рынка сохранит простор для своей деятельности, а государство сумеет, во-первых, обеспечить этот простор и, во-вторых, — оптимально восполнить ограниченность этой «невидимой руки».

Указанные требования к российской рыночной модели носят концептуальный характер. Само же ее построение предполагает формирование соответствующей государственной экономической политики, создание устойчивого законодательства и надежного механизма функционирования всех неразрывных элементов системы национальной экономики.

Национальные интересы России, вопросы ее экономической безопасности непосредственно зависят от того, каким образом страна определится с рыночным путем развития и как скоро и полномасштабно проявится ее роль в мировой экономике. Глобальность рыночных отношений, с одной стороны, и большое многообразие национальных моделей рыночного развития — с другой, дают России широкую возможность сделать свой выбор исходя из своих национальных интересов.

9. РЫНОЧНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Экономическое и социальное развитие почти всех стран и территорий мира на рубеже XX и XXI вв. приобрело важную общую черту — рыночные принципы деятельности предприятий и компаний, рыночная организация национального хозяйства и рыночная мотивация труда стали повсеместным устойчивым явлением. Впервые за многовековую историю человечества мировое хозяйство предстало не как конгломерат национальных экономик, а как единое целое, имеющее одинаковый и общий механизм функционирования и развития — рыночный механизм. По существу, именно в этот период сложилось мировое хозяйство как глобальное явление, как общепланетарная экономическая составляющая человеческой цивилизации. Рассмотрим качественные, количественные и временные параметры этого процесса, по возможности выделяя существенные взаимосвязи и особенности, характерные для последних лет.

Глобальный масштаб рыночных принципов

История возникновения, становления и развития стоимости, денег, частной собственности, конкуренции и рыночных отношений занимает не одно тысячелетие. В разных концах Земли мож-

но обнаружить немало специфики в подчинении этих явлений интересам людей и государств. Однако мало кто будет спорить с тем фактом, что именно XIX и XX вв. стали решающим периодом повсеместного распространения рыночных принципов хозяйственной жизни. Но и в указанные годы рыночная мотивация не шла парадным маршем по всем континентам. Каждая страна по-своему расставалась с дорыночными отношениями между людьми в производственной деятельности. Отношения личной зависимости в разных формах — к примеру, плантаторское рабство в США или крепостничество в России — до последней возможности цеплялись за свое существование. Поэтому не обходилось без гражданских войн, революций и других кровавых потрясений, которые так или иначе сопровождали путь людей к рыночной организации хозяйства своих стран.

Хорошо известно, что в древние и средние века, да и в прошлом XX в., неоднократно предпринимались попытки отдельными государствами и их правителями установить свое господство на Земле в глобальном масштабе. Опираясь на военную силу и насаждая свое превосходство над другими народами, Римская империя и татаро-монгольское ханство, а затем и германский фашизм прошли огненной и кровавой лавиной по Земле, надеясь навечно закрепить свое господство. Человечество все расставило по своим местам. Человеконенавистническая глобализация не прошла и не могла пройти, ибо в конечном счете она не только ущемляла и подминала интересы большинства народов, но и объективно противоречила генеральному направлению цивилизации — формированию равных возможностей для полнокровного развития *всех людей и народов* Земли на основе использования ресурсов планеты. События и явления конца XX и начала XXI в. показали, что глобализация как выражение прогресса цивилизации не выступает как какое-либо господство или притеснение, а представляет собой *единое мировое рыночное пространство*, в котором рыночный механизм объединяет все без исключения народы и государства, а рыночные критерии являются общепризнанными мировым сообществом параметрами оценки экономических достижений как отдельных стран, так и фирм, и людей.

В рамках данного исследования не предполагается многоаспектный подход к глобализации. Хотя, разумеется, это современное явление по своему существу и формам требует анализа в различных разрезах. Среди таких ракурсов анализа можно выделить институционально-практический, научно-теоретический и струк-

турно-функциональный. Но сколько бы ни было подходов к исследованию глобализации, все они не могут игнорировать тот факт, что именно *рыночный механизм* стал основой всех тех процессов, которые и ученые, и бизнесмены, и политические деятели связывают с глобализацией. Вот почему только тогда, когда в конце XX столетия распространение и применение рыночных принципов по всему миру стало свершившимся фактом, во всю мощь стал звучать голос как о пользе, так и об отрицательных последствиях глобализации. Даже если не касаться всех сторон глобализации, а останавливаться только на ее экономической, рыночной стороне, то нетрудно видеть, что в рыночной системе не бывает абсолютно позитивных результатов. Это хорошо известно каждому, кто хотя бы на элементарном уровне усвоил азы экономической теории. Получается, что, с одной стороны, простота и исторически проверенная эффективность рыночных принципов объективно выдвинули их в качестве основы современных глобализационных процессов, а с другой — эти же принципы не обеспечивают всеобщее благополучие и по самой своей природе предполагают различные результаты для участников глобализации. Рыночные принципы настроены на соревновательный, конкурентный характер взаимосвязи в экономике. А глобальность рыночных принципов означает не что иное, как глобальность конкуренции. В свою очередь конкурентная борьба не позволяет никому расслабляться, требует и напряжения всех сил, и оптимизации использования ресурсов на каждом этапе развития и воспроизводства. Получается, что рыночный или экономический разрез глобализации по своему содержанию не гарантирует всемирной гармонии и всеобщего благополучия. Конкурентный отбор выступает как неутрачивающий для всех стимул максимизировать результаты и минимизировать затраты своей экономической деятельности. Поэтому все родовые признаки рыночных отношений — и положительные, и отрицательные — в полной мере раскрываются и на глобальном уровне.

Завершение формирования мирового *рыночного* хозяйства в конце прошлого века вызвало различные оценки как в научных кругах, так и среди широкой международной общественности. Поскольку глобальное утверждение рыночных принципов совпало по времени со стремительным распространением Интернета, когда современные информационные и коммуникационные технологии позволяют вести предпринимательскую деятельность по всему миру фактически в режиме реального времени, постольку

на Земле образовалась качественно новая рыночная экономическая инфраструктура, не существовавшая никогда прежде. Такое явление позволило некоторым специалистам говорить о наступлении «нового мирового порядка»¹. Однако известно, что подобная терминология уже применялась во второй половине XX в., когда после развала колониальной системы в мире образовалась масса новых независимых государств, сформировавших новую политическую и экономическую конфигурацию планеты. Но тогда еще не получили всемирного распространения рыночные принципы и определение «мирового порядка» скорее относилось к политической окраске карты планеты, чем к существенному изменению экономического положения освободившихся стран. Не случайно поэтому именно эти страны поставили тогда на повестку дня мирового сообщества вопрос о «новом мировом экономическом порядке». Хотя эта проблема активно дискутировалась на различных международных форумах, в реальности мало что изменилось. И только теперь, когда рыночная мотивация не имеет политических, идеологических ограничений, вновь стало возможным говорить о «новом мировом экономическом порядке» в качественно иных условиях. Теперь этот порядок базируется на общем и едином механизме — рыночном. Вместе с тем *наполнение реальным содержанием «нового мирового экономического порядка» еще впереди, ибо рыночный механизм обеспечивает лишь его функционирование, а не решение всех экономических и социальных проблем как отдельных стран, так и всего мира.*

Не случайно поэтому ряд исследователей предпочитает называть всемирное распространение рыночных отношений не глобализацией, а интернационализацией. На такой оценке настаивает почетный профессор Гарвардского университета Джон Гэлбрейт, отмечая, что «выдающимся достижением прошлого столетия стала ликвидация колониализма. Но конец колониализма не принес конца бедности»². Действительно, «за последние десятилетия мы смогли понять, что обеспечить стране экономический рост по мановению волшебной палочки невозможно», — делает вывод У.Истерли, экономист Всемирного банка и автор книги «В поисках пути к экономическому росту — приключения экономистов в тропиках»³. Специалисты Всемирного банка выпустили доклад

¹ Об этом см., например: The new world order // Fortune. 2001. May 14. P. 48—50.

² Finance & Development. 1999. December. P. 3.

³ Цит. по: Business Week. 2001. December 14.

«Глобализация, рост и бедность: строя объединенную мировую экономику», в котором подчеркивается, что в XXI в. человечество вступает с громадным грузом бедности среди стран, которые до сих пор по настоящему так и не включились в мировой глобализационный процесс. Поэтому хотя рыночные принципы и не являются «волшебной палочкой» и сами по себе не решают проблему дифференциации между странами, народами и людьми, но и без рыночной взаимосвязи не создать в будущем *объединенной* мировой экономики. Именно *объединенной*, т.е. включающей все страны как равноправных рыночных партнеров. Так как рыночное развитие имеет лишь потенциал для прогрессивного движения вперед, то авторы доклада предлагают план из семи «нерыночных» пунктов, которые предполагают участие всех — и сильных, и слабых стран — в создании нормальных условий для жизни всех людей Земли¹. Налицо очевидный парадокс. С одной стороны, мировая экономика, мировое хозяйство, по существу, формируются лишь на базе рыночных отношений, а с другой — только лишь рыночные взаимосвязи, только лишь рыночная мотивация труда и бизнеса не способны сплотить мировое сообщество, снять преграды перед его развитием в XXI в.

С теоретической точки зрения суть рыночных принципов абсолютно прозрачна и имеет одинаковое наполнение во всех уголках Земли, *во всех странах*. Однако социальные формы и институциональные отношения (в которых реально функционирует рыночный механизм) в каждой стране имеют свою специфику, что позволяет специалистам говорить о различных национальных моделях рыночного развития. Поскольку экономика США уже в течение многих десятилетий сохраняет доминирующее лидерство в мире, выпуская более 1/5 мирового ВВП и занимая более 14% мирового экспорта товаров и услуг², постольку среди народов мира складывается впечатление, что глобализация — это не просто глобальное распространение рыночной мотивации и рыночных принципов вообще, а экспансия американской рыночной модели. Иначе говоря, *американизация* мирового развития. Такое впечатление еще более усиливается тем обстоятельством, что экономика США, как локомотив, «тянет» за собой все мировое хозяйство по «своим» рельсам и порой с выгодной для себя скоростью.

¹ Globalization, Growth and Poverty: Building an Inclusive World Economy. World Bank and Oxford University Press. N.-Y., 2002. P. 18—22.

² World Economic Outlook. IMF. Washington. 2001. October. P. 185.

А вот играть роль «пассивных» вагонов в таком поезде мировой экономики не хотят не только развивающиеся страны, но и такие гиганты, как Япония и Европейский союз. Известный российский японовед, заведующий сектором Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН В.Б. Рамзес полагает, что «мировой порядок формируется на основе применения экономических, политических, дипломатических и военных факторов, и в XXI в. этот порядок будет отличаться от нынешнего образца... При этом следует избегать впадения в упрощенчество, видеть в глобализации только проявление всемогущества рынка или навязывание американских стандартов»¹. По мнению японского исследователя Т.Иногути, глобализацию не следует сводить к освящению принципов рыночной экономики англо-саксонского стиля и навязыванию их другим экономикам. Более того, «функционирование мировой экономики, — обобщает взгляды японцев Т.Иногути, — обязательно столкнется с трудностями, если Соединенные Штаты будут самодовольно настаивать на приемлемости только тех рыночных принципов, за которые они выступают, и стараться принудить другие страны к восприятию этих принципов»². Как известно, модель рыночной экономики и Европейского союза довольно значительно отличается от американского варианта. Это выражается и в специфике национально-государственных институтов, и в институциональном оформлении финансовой системы, и в сохранении национальных традиций и языков. Сегодня, когда прошло уже не одно десятилетие становления и развития Европейского союза, вполне очевидно, что его модель выступает по различным параметрам (как содержательным, так и количественным) альтернативно — конкурентной моделью для американской модели рыночного развития.

Вот почему если исходить из рыночной природы и основы глобализации и конкурентного механизма развития мирового хозяйства, то в конечном счете ни одна модель, в том числе и американская, не может стать всеобщей, поглотив все иные модели современного и будущего развития. Но чтобы быть конкурентоспособной, любая неамериканская модель должна обладать сопоставимым с США потенциалом. А это возможно достичь (о чем свидетельствует новейшая история всех континентов) только путем региональной интеграции, т.е. путем формирования межгосу-

дарственных институциональных образований. Поэтому мирохозяйственный уровень глобализации качественно отличается от ее национального и внутристранового уровня. Главное отличие состоит в том, что на мирохозяйственном уровне ключевыми субъектами отношений выступают либо государства, либо их интегрированные объединения (Европейский союз), либо их сочетание в самых разнообразных формах. И хотя в глобальном масштабе нередко немаловажную роль играют транснациональные компании (ТНК), все же ведущими «игроками», от которых зависит и расклад экономических сил на мировой арене, и промежуточный и конечные результаты национального и международного развития, выступают такие гиганты, как США, Европейский союз, Япония, Китай и некоторые другие страны и их союзы.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что Центр глобальной взаимозависимости свою двадцатую ежегодную конференцию, состоявшуюся 5 ноября 2001 г. в Филадельфии, посвятив анализ и поискам путей выхода мирового хозяйства из затнувшегося спада, с которым развитые страны вступили в XXI в. Участники конференции, среди которых были лауреат Нобелевской премии по экономике Л.Клейн и директор Бюро экономического анализа Министерства торговли США С.Ландefeld, пришли к выводу, что в современных условиях одним США не под силу переломить экономическую динамику в мировом хозяйстве с застоя на подъем. Здесь требуются совместные усилия и США, и Европейского союза, и Японии с остальной Азией¹. Тем самым воочию подчеркивается, кто выступает ведущими субъектами мирохозяйственных связей и от кого в решающей степени зависит состояние мировой экономики в условиях усиления взаимозависимости всех стран, включая и США.

Характер и величина субъектов рыночных отношений на глобальном уровне не может не модифицировать действие экономических законов в мировом хозяйстве. Здесь по-новому звучит, например, задача поддержания конкуренции и пресечения чьих-либо монопольных поползновений. Открытым остается вопрос выбора валюты для расчетов и платежей, особенно в связи с переходом стран Европейского союза на использование единой европейской валюты *евро*. Да и вообще мировое глобальное рыночное хозяйство и пространство не может существовать без соответствующего «координатора» и «защитника», как это имеет место в

¹ Япония и глобализация. М.: ИМЭМО РАН, 2001. С. 25.

² Знакомьтесь — Япония. 2000. № 27. С. 30—31.

¹ IMF Survey. 2001. December 10. P. 394—396.

любой национальной рыночной экономике. Безусловно, в роли такого координатора не в состоянии выступать ни одна страна, в том числе и такая мощная, как США. Дело в том, что любая страна имеет свои национальные интересы, интересы своего национального бизнеса, которые очень редко могут совпадать с интересами других стран и тем более стать общемировыми. Даже в такой сфере, как экология, до сих пор не удается согласовать общемировые усилия по защите и сохранению природной среды. Нередко именно крупные страны имеют свою особую позицию и воздерживаются от поддержки мирового сообщества в решении глобальных экологических проблем.

Что же касается глобального экономического, рыночного пространства, то здесь сталкиваются интересы не только отдельных бизнесменов, предприятий, фирм, ТНК, но главным образом отдельных государств. Именно государства и их интеграционные объединения становятся господствующими субъектами мирохозяйственных связей. А это поднимает рыночные отношения не только на межстрановой, глобальный уровень, но и привносит в такие отношения немало неэкономических аспектов. Не случайно поэтому и в отечественной, и в зарубежной литературе¹ настойчиво предлагается не сводить глобализацию к чисто рыночному феномену. В целом, соглашаясь с таким подходом, все же нельзя не сказать о том, что в многообразном выражении глобализации рыночным отношениям принадлежит системообразующая роль. Только тогда, когда в абсолютном большинстве стран мира экономический строй стал базироваться на рыночных принципах, как раз и возникла основа для глобализации как современной формы мирового хозяйства.

¹ Об этом см., например: Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001; Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М.: Инфра-М, 2000; Мовсесян А.Г. Транснационализация в мировой экономике. М., 2001; World Economic and Social Survey 2000 (Trends and Policies in the World Economy) / N.Y.: United Nations, 2000; Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy. N.Y.: World Bank and Oxford University Press, 2002; Transition. The First Ten Years (Analysis and Lessons for Easter Europe and the Former Soviet Union) — Washington. The World Bank, 2002; An alternative stability pact for the European Union // Cambridge Journal of Economics. 2001. 25. P. 113—130; Go global or No? — Harvard Business Review. 2001. June. P. 37—49; B. Kogut. What Makes a Company global? // Harvard Business Review. 1999. January — February. P. 165 170; Schjelderup G., Weichenrieder A. Trade, multinationals, and transfer pricing regulations // Canadian Journal of Economics. 1999. May. P. 817—834; Fox J. The Death of Equities // Fortune. 2001. March 19. P. 42—56.

Структура и динамика мировых рынков

Даже сторонники нерыночных трактовок глобализации не могут отрицать тот факт, что именно благодаря развитию рыночных отношений между странами и территориями возник и сформировался мировой рынок, который соединил национальные экономики в мировое хозяйство. Когда сегодня мы имеем в мире и развитый рынок, и устойчивые мирохозяйственные связи, и необратимую взаимозависимость стран, то это дает нам возможность теоретически проанализировать структурные элементы мирового рыночного пространства.

Исторически и логически и на мировых просторах рынок возник как купля-продажа товаров. Именно рынок товаров сохранил до сих пор свое цементирующее значение в мировом хозяйстве. Достаточно сказать, что львиную долю как национального, так и мирового ВВП составляют как раз товары, прошедшие рыночную метаморфозу, сменившие собственников и достигшие фаз потребления или накопления в воспроизводственном процессе. Постепенно наряду с рынком товаров свое место заняли рынок капитала, рынок труда, рынок услуг и рынок информации. С товарно-денежной точки зрения, и капитал, и труд, и услуги, и информация представляют собой товары, но товары особого рода, движение и реализация которых отличается от обычных товаров. Поэтому и соответствующие рынки капитала, труда, услуг и информации имеют свои функциональные особенности, которые определяют их роль и место в мировом хозяйстве. Более того, и в процессе глобализации они проявляют себя по-разному.

Рынок товаров, образуя основу мирового хозяйства, делится на составные части по различным критериям — территориальному, географическому, отраслевому, технологическому, страновому, интеграционному, уровню обработки и переработки, характеру использования и другим. Каждая часть рынка товаров развивается относительно обособленно, но в то же время все части взаимосвязаны и взаимно обусловлены в рамках динамики мирового хозяйства. На данном этапе исследования перед нами не стоит задача давать подробную характеристику рынка товаров и его структуры, точно так же, как и других видов рынков в процессе глобализации.

Отличительным признаком последних лет стало опережающее развитие мировой торговли по сравнению с мировым валовым продуктом. В последнюю декаду XX в. средний ежегодный прирост мирового ВВП составил 2,3%, а мировой экспорт товаров

возрастал с темпом 6,8%. Как видно, благодаря этому укреплялась торговая составляющая мирового развития и росла степень взаимозависимости между странами. Характерно, что особенно активно рос рынок высокотехнологичных товаров, которые обычно относят к так называемой «новой экономике». Только за один 2000 г. мировые продажи полупроводников выросли на 37%, достигнув 204 млрд. долл. США. В том же году количество проданных мобильных телефонов превысило 410 млн. штук, что оказалось на 46% больше, чем в 1999 г. Объем реализации на мировом рынке персональных компьютеров вырос за год на 15% и составил 135 млн. единиц. При этом, несмотря на резкие колебания цен на нефть, ее доля в 10% в мировой торговле за десятилетие практически не изменилась¹. Важно также отметить, что Северная Америка и Западная Европа вместе насчитывают более 60% мировой торговли и валового продукта, что еще раз свидетельствует о доминировании стран этих регионов в современном мировом развитии.

Валовой мировой продукт в 2000 г. достиг 40 трлн. долл. США, а мировая торговля, включая экспорт и импорт, составила более 12,5 трлн. долл. Несложный подсчет показывает, что доля торговли в мировом ВВП превысила 31%². Это означает, что почти треть мирового производства опосредована внешней торговлей, которая прочно скрепила национальные экономики в мировое хозяйство. Важно также учесть, что экспорт товаров нередко сопровождается коммерческими услугами, объем которых в 2000 г. достиг 1415 млрд. долл. США, а средний темп прироста коммерческих услуг в мировом хозяйстве в 1990—2000 гг. составил 6% в год, что соответствовало среднему ежегодному приросту мирового экспорта товаров в тот же период. Мировая торговля имеет фундаментальную поддержку со стороны международного движения капитала. Потоки товаров и капитала нередко взаимосвязаны и дополняют друг друга. Особенно это касается прямых зарубежных инвестиций, размер которых в 2000 г. вырос на 15%³.

Вообще рынок капитала представляет собой сложный комплекс, состоящий из множества сегментов. Наиболее общую форму этому рынку придает мировая финансовая система, которая опирается на валютный рынок, фондовый рынок и другие

первичные и вторичные рынки ценных бумаг, а также рынки ссудного или банковского капитала. В конечном счете все взаимосвязи в мировом хозяйстве прямо или косвенно опосредуются финансовыми институтами, составляющими опору мировой финансовой системы. Вместе с тем финансовая система с присущими ей видами рынков имеет и собственные закономерности функционирования и развития, что позволяет финансовым и инвестиционным потокам «отрываться» от потоков товаров и динамики производства мирового ВВП. После финансовых потрясений в Юго-Восточной Азии и России в 1997—1998 гг. и краха экономики Аргентины в 2002 г. международное сообщество становится все больше заинтересованным в создании «новой архитектуры» мировой финансовой системы и прозрачности финансового рынка. Хотя добиться полной предсказуемости развития финансового рынка невозможно, поскольку и здесь определяющим является конкурентный механизм, но и тут возможно внедрить такие «правила игры», которые сгладят возможные сбои и отрицательные последствия расстройств финансовой системы. Иными словами, финансовая система в целом и рынок капитала в частности в условиях роста взаимозависимости между странами не должны играть разрушительную роль ни для всего мира, ни для любой отдельной страны.

Выступая 25 октября 2001 г. в Институте международных экономических исследований в Вашингтоне, известный американский финансист и филантроп Дж. Сорос дал анализ состояния глобальных рынков товаров и капитала. По его мнению, будущее этих рынков во многом зависит от институтов, способных придать рынкам устойчивость. Если Всемирная торговая организация более или менее справляется с институциональным воздействием на рынок товаров и коммерческих услуг, то Международный валютный фонд работает не упреждающе, а как пожарная команда, гася вспышки кризиса. Только международное сообщество совместными усилиями способно делегировать определенным международным институтам права устанавливать экономические законы, по которым должна функционировать мировая финансовая система. По существу, Дж. Сорос предлагает и для мирового рынка создать наднационального *гаранта* международно-признанных «правил игры» подобно тому, как на внутреннем рынке таким *гарантом* является национальное государство.

Вместе с тем Дж. Сорос обращает внимание на то обстоятельство, что масштабы глобального рынка — это не просто арифме-

¹ World Trade Organization Annual Report 2001. Geneva. P. 8.

² Подсчитано там же. С. 12.

³ Там же. С. 9, 10.

тическая сумма национальных рынков, а поэтому на глобальном уровне имеют место свои закономерности, которые не являются простым продолжением или выражением закономерностей внутренних национальных рынков. Поэтому необходима адекватная теория и практика мирового рынка. Традиционная макроэкономическая концепция здесь не срабатывает. Не случайно поэтому Дж. Сорос, говоря о необходимости жить в мировом хозяйстве по «новым экономическим законам», имеет в виду, что это — международные, а не «американские» экономические законы. Несмотря на свою мощь, США не в состоянии «американизировать» мировой рынок, «американизировать» глобализацию. Более того, для ликвидации дисбаланса в мировой финансовой системе Дж. Сорос предложил МВФ и центральным банкам развитых стран пойти совсем уж «нерыночным» путем, образовать специальные кредитные отношения с развивающимся миром и особые интернациональные фонды для финансирования международных общественных благ (борьбы со СПИДом, наркоманией, развитие предпринимательства и т.д.)¹. Подобные предложения нетрудно понять, ибо устойчивое и прогнозируемое развитие мировых рынков и финансовой системы выгодно всем странам, выгодно оно и крупному капиталу, который настроен на рисковую стратегию развития. Но чтобы достичь этого, необходимо «выровнять» состояние финансовой системы, снять проблему долгов развивающихся стран, синхронизировать развитие рынков товара и капитала, полностью осознать необратимость растущей взаимозависимости стран.

Террористические акты в США в сентябре 2001 г. вынудили американцев посмотреть на роль США в мире с международных позиций. То, что и так было известно и очевидно для большинства американских специалистов, высказал Нобелевский лауреат по экономике 2001 г. профессор Колумбийского университета Джозеф Стиглиц в статье «Новая расстановка приоритетов. Америке пора освободиться от экономического эгоизма». Он подчеркивает, что «Америка провозгласила наступление глобализации. Вместе с тем она должна осознать, что с глобализацией приходит взаимозависимость, а в условиях взаимозависимости появляется необходимость в совместном принятии решений во всех областях, которые оказывают воздействие на всех нас»².

¹ IMF Survey. 2001. November 12. P. 349—350.

² Цит. по: Независимая газета. 2001. 16 окт. С. 3.

В мировое хозяйство XXI в. США вовлечены настолько, насколько эффективное развитие американской экономики и участие населения страны в мировом сообществе более невозможно без международного сотрудничества. Вопрос о том, США более зависимы от мирового хозяйства или мировое хозяйство более зависимо от США, в современных условиях потерял смысл, ибо ныне экономика США — это неразрывная часть мирового хозяйства, а мировое хозяйство представляет собой органическое единство национальных экономик, включенных в общую систему воспроизводства. Рыночная глобальная система воспроизводства формирует не только общемировые тенденции развития, но и во многом предопределяет место и роль отдельной страны, в том числе и США, в едином общемировом рыночном экономическом пространстве. В этой связи перед экономической теорией возникла задача открытия объективного закона воспроизводства, с одной стороны, мирового хозяйства, а с другой — его составных частей, включая также его рыночную инфраструктуру.

Рыночная инфраструктура мирового хозяйства во многом отличается от рыночной инфраструктуры любой отдельной национальной экономики. Если «набор» рынков — товаров, капитала, труда, услуг, информации — во всех случаях более или менее одинаковый, то их роль и динамика, во-первых, зависит от особенностей национальных экономик и, во-вторых, существенно модифицирована в глобальном масштабе. Налицо также неравномерность развития отдельных рынков, из-за чего формирование структуры мировой экономики не выступает прямым пропорциональным продолжением формирования структуры экономики отдельных стран, в т.ч. и наиболее развитых. Наибольшие различия накопились в сфере рынка труда, который лишь частично приобрел статус мирового.

Дело в том, что наступление эры глобализации совпало с усилением социального вектора рыночного развития. Так называемая социально-ориентированная рыночная экономика стала обычным явлением в развитых странах. Правительства большинства государств рассматривают социальные индикаторы — уровень безработицы, динамику заработной платы, состояние здравоохранения и образования и др., — как приоритеты при оценке своей политики и развития общества в целом. При таком подходе, естественно, рынок труда любой страны не становится открытым и доступным для иностранцев без ограничения. Прежде всего, именно на рынке труда развитые государства стремятся сохра-

нить контролируемую в национальных границах ситуацию. Состояние рынка труда выступает важнейшим внутренним фактором национальной экономической безопасности. Поэтому по мере формирования мирового хозяйства и развития глобализации миграция рабочей силы на мировом рынке труда становится все более регулируемой национальными государственными институтами.

По данным официальной статистики, в настоящее время более 120 млн. иностранных граждан (2% населения мира) трудятся в других странах. В передовых странах мигранты составляют 6% их населения. Безусловно, главным мотивом для мигрантов является высокий уровень жизни и высокая оплата труда в богатых странах. Так, недельная зарплата в США в 9 раз выше, чем в Мексике. В Китае и Индии средняя часовая оплата труда в 100 раз меньше, чем в ФРГ (30 центов и 30 долл. США соответственно). При таких экономических условиях становится понятным, почему около 10 млн. мексиканцев легально и нелегально предпочитают работать в США¹, растет число нелегальных работников и в государствах Европейского союза. За 10 последних лет их число выросло в 10 раз, достигнув 500 тыс. чел. Возник своеобразный бизнес по доставке нелегалов в развитые страны. Так, все «услуги» по переправке граждан из Юго-Восточной Азии в Западную Европу оцениваются в 70 тыс. долл. США на одного².

Как видно, на мирохозяйственном уровне рынок труда не выполняет в полной мере свою воспроизводственную функцию, поскольку он, как никакой другой рынок, остается жестко разделенным на «национальные страновые квартиры». Это обстоятельство является одним из основных факторов, тормозящих не только формирование свободного рынка труда, но и выравнивание экономических уровней развития отдельных стран. В рамках Европейского союза формально сняты все барьеры для миграции рабочей силы, и в недалеком будущем мы станем свидетелями единого европейского рынка труда. Но пока и здесь различия в налоговой и пенсионных системах, государственных языках и культурных традициях до конца не освобождают пути для перемещения трудоспособного населения по всей территории Европейского союза. Если капитал легко расстается с «национальным мундиром», наряжаясь в любые одежды, где есть условия для роста, то национальная атрибутика рынка труда нередко служит ос-

нованием для реакционных, националистических проявлений работников против иностранной рабочей силы. Интернационализация с трудом пробивает себе дорогу на рынке труда, а это снижает гибкость и мобильность трудового фактора в мировом хозяйстве, обуславливает отставание рынка труда от других видов рынка — капитала, товаров, услуг, информации.

Таблица 5

Доля международных трансакций по облигациям и акциям в ВВП, %

Страна	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1996 г.
США	4	9	35	89	135	230
Япония	2	8	62	119	65	91
ФРГ	5	7	33	57	172	334
Франция	—	5	21	54	187	415
Италия	1	1	4	27	253	640
Канада	3	9	27	65	187	331

Источник: Cambridge Journal of Economics. 2001. September. P. 674.

О том, что мировой рынок капитала играет ведущую роль в современной экономике, уже никому не приходится доказывать. Современные формы глобализации приобрела как раз во многом благодаря развитию этого рынка. Но один из сегментов рынка капитала — рынок ценных бумаг — особенно выпукло и наглядно показывает, насколько экономики развитых стран взаимосвязаны в своем воспроизводственном процессе. Международные расчеты по ценным бумагам, что видно из табл. 5, по своему обороту, как правило, в несколько раз больше стоимости ВВП отдельных стран. По мнению английских специалистов, проводивших анализ данной проблемы, в Великобритании доля указанных величин в ВВП даже больше¹, чем приводится в табл. 5. Спекулятивный характер рынка ценных бумаг отрывает его от динамики реального производства и ВВП, тем самым искажая воспроизводственную картину как на национальном, так и на международном уровнях, что вынуждает деловое и научное сообщество все активнее ставить вопрос о необходимости регулирования подобных процессов. Получается так, что если у рынка труда есть *чрезмерная ответственность* за поддержание социальной гармонии внутри отдельной страны, то у рынка ценных бумаг потеряна *всякая ответственность* за состояние дел как внутри отдельных стран,

¹ Globalization. Growth and Poverty. P. 44—46.

² Ibid. P. 80.

¹ Held D., McGrew A., Goldblart D., Perraton J. Global Transformation: Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999. P. 224.

так и мира в целом. В этом, в частности, состоит одно из противоречий глобализации, когда, с одной стороны, ее укрепление зависит от роста рынка ценных бумаг, а с другой стороны — ее устойчивость может быть подорвана «финансовыми проделками» некоторых игроков на этом рынке.

В этой связи исследователи предупреждают об угрозе, которая потенциально существует для глобализации со стороны фондового рынка. Профессор Принстонского университета Гарольд Джеймс выпустил книгу «Конец глобализации: уроки Великой депрессии», в которой он не прогнозирует нового мирового спада, но отвергает любую войну, которая могла бы его спровоцировать¹. Известно, что именно обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже осенью 1929 г. стал толчком для мировых потрясений в 1929—1933 гг. Нельзя сказать, что сегодня полностью исключена возможность депрессивных явлений в мировом хозяйстве из-за неурядиц на фондовом рынке. Однако экономическая мощь современных государств и целенаправленная политика их правительств способны воздействовать на ход производственного процесса, сглаживая его пики.

Только на рубеже XXI в. существенным элементом инфраструктуры мирового хозяйства стал рынок информации, особенность которого состоит в том, что он развивается не столько обособленно от других видов рынка, сколько вписываясь в каждый из них. Информация как товар и информация как фактор бизнеса в обычной жизни необходима всем без исключения. Именно информация в современных условиях позволяет не только принимать решения в режиме реального времени, но и преодолевать любые границы и барьеры. Если прежде мир зависел от часовых поясов и ход бизнеса следовал за часовой стрелкой и оборотом Земли вокруг своей оси, то теперь в любой части планеты почти одновременно становится известно об основных событиях жизни мирового сообщества. С экономической точки зрения информационная инфраструктура повысила эффективность рыночной составляющей глобализации, поскольку фактически исчез лаг между прямой и обратной связью в экономике. Фактор времени постепенно превращается в сугубо технологический, определяемый содержанием производственного процесса, деятельностью транспортных услуг, мощностью компьютерных систем, практикой

бизнеса и т.п. Иными словами, главным становится не доступность и полнота информации, а скорость ее экономической реализации заинтересованными странами, фирмами, лицами. Конечно, представленная оценка рынка информации никем не будет восприниматься чрезмерно оптимистичной и розовой, если рассматривать ее как мировую тенденцию, которая пробивает себе дорогу через множество малых и больших исключений.

Рыночная экономика — это экономика изменений. В полной мере это относится и ко всей рыночной инфраструктуре мирового хозяйства. Несмотря на информационную прозрачность глобализации, динамика мировых рынков — это не синхронный процесс, а взаимодействие конкурентов, когда постоянно происходит смена лидера, никому не гарантировано почивать на лаврах. При этом самые передовые информационные и коммуникационные технологии не в состоянии «отменить» суть рыночного механизма и циклический характер функционирования и воспроизводства экономики¹. Деловой цикл напоминает о себе замедлением и даже спадом во всех развитых странах в 2000—2002 гг., когда, казалось бы, всеобщая информированность достигала своего зенита, но перегрев фондового рынка и отраслей «новой экономики» по «принципу домино»² спровоцировал назревшую очередную структурную перестройку как американской, так и мировой экономики. Тем самым воочию подтвердилась рыночная основа глобализации, наличие которой как раз и предполагает периодическую *настройку* экономики на изменившиеся условия воспроизводства. Меняется структура экономики США и других стран, меняется структура мирового хозяйства, что неизбежно связано со структурными изменениями мирового рыночного пространства. И перед этим объективным процессом никто не может устоять, ибо даже самые мощные государственные и международные институты являются частью рыночной системы, а не находятся вне ее.

Неэкономические факторы мирохозяйственных процессов

Опираясь на рыночную основу, глобализация как комплексное и многостороннее явление не может сводиться к сугубо экономическому содержанию. Поскольку глобализация относится в первую очередь к интернациональным явлениям, постольку опорными носителями этого процесса выступают прежде всего

¹ James H. The End of Globalization: Lessons from the Great Depression. Cambridge: Harvard University Press, 2001.

¹ Об этом см., например: The American Economic Review. 2001. May. P. 371—375.

² A global games of dominoes // The Economist. 2001. August 25. P. 22—24.

национальные государства. А функциональная роль современных государств простирается далеко за пределы экономики и охватывает все аспекты жизни общества. Поэтому для выявления и исследования неэкономических факторов глобализации можно использовать следующий методологический подход — во-первых, выделить те неэкономические факторы, которые связаны или обусловлены деятельностью самого государства и его институтов, и, во-вторых, проанализировать общую социально-естественную среду глобализации, которая оказывает существенное влияние и на развитие цивилизации в целом.

В первом случае к числу существенных факторов относятся политический и военный, а во втором случае — этнический, религиозный, природоохранный. Конечно, выделение названных факторов носит условный характер и может быть развито и дополнено в зависимости от глубины и широты исследования проблемы. Несмотря на относительную обособленность каждого фактора, в практической плоскости все факторы тесно переплетены и взаимосвязаны и только в теоретическом анализе есть возможность рассмотреть каждый из них как таковой. Вообще говоря, неэкономические факторы глобализации являются предметом изучения самых разных гуманитарных наук и вовлечение их в область экономического исследования призвано лишь subordinировать их по отношению к главному вектору общественного развития, а не «взвешивать» их по экономическим параметрам.

По всему миру сейчас проводится большое число конференций, симпозиумов, семинаров, посвященных глобализации. Так, 4—5 мая 2001 г. в Калифорнийском университете в г. Лос-Анджелесе состоялась конференция на тему «Глобализация в исторической перспективе», где подробно рассматривались экономические и неэкономические факторы глобализационного процесса, и была предпринята попытка определения цены, которую платит человечество за происходящие изменения. Под прищелом ученых оказались четыре последних столетия и все основные страны и регионы. Фактически общее мнение участников выразил профессор Калифорнийского университета Р.Роговский, который подчеркнул, что пока глобализация вовлекает передовые страны, но должна быть предложена *политика*, направленная на компенсацию потерь развивающихся стран¹. Специалисты Всемирного банка в специальном докладе о глобализации выделили

отдельную главу, посвященную неэкономическим факторам мирохозяйственных процессов, с характерным названием: «Власть, культура и окружающая среда»¹. Среди выводов, содержащихся в этой главе, нельзя не обратить внимания на то, что глобализация рассматривается не как какая-то унификация, приведение к общему знаменателю всех без исключения стран и народов, а как сохранение многообразия при растущей технологической стандартизации. Обращаясь к опыту стран с высоким уровнем жизни — Австрии, Бельгии, Дании, Японии и Норвегии, аналитики констатируют, что, с одной стороны, их экономика и общество не конституируют никакой «общей модели», а с другой — они иллюстрируют, что успешная глобализация не требует «адаптации единой, стандартной институциональной модели»².

Вместе с тем политико-наднациональный фактор глобализации все больше будет приобретать новое значение. Профессор Токийского университета Е.Екота развивает эту идею следующим образом: «До сих пор тяговой силой международных отношений остаются национальные интересы и ответственность за решение проблем, имеющих прямое касательство к обустройству жизни (безопасность граждан, качество повседневного быта, здравоохранение и социальное обеспечение, образование и качество окружающей среды), несут отдельно взятые национальные государства. Хотя и в XXI в. львиная доля ответственности все еще будет лежать на них, параметры многих из этих проблем «перерастут» способности стран решать их в индивидуальном порядке. Роль международных организаций, и главным образом ООН, в решении указанных проблем станет критически важной»³.

Но усилия ООН могут быть подорваны, если экономическое доминирование в мировом сообществе отдельных стран, и прежде всего США, будет реализовываться на благо только этих стран, а не всего мира. Более того, экономическая и военная сила, на которую опираются США, сохраняет у них соблазн распространять на другие страны свое видение экономических свобод и гражданского общества, не всегда считаясь с культурными традициями наций. В результате среди разных народов, в том числе и в развитых государствах, возникло и ширится антиглобалистское движение, которое направлено не против совместных усилий в решении глобальных проблем человечества, а против гегемонии супер-

¹ NBER Reporter. 2001. Summer. P. 25.

¹ Globalization. Growth and Poverty. P. 121—159.

² Ibid. P. 122—123.

³ Japan Review of International Affairs. 1999. Summer. P. 90.

державы, против однополюсного мира, подминающего под себя великое многообразие национальных и других культур. Постепенно антиглобалистское движение становится одним из важнейших факторов глобализации в наше время. Однако отсюда вовсе не следует, что антиглобализм разрушит мировое хозяйство и остановит дальнейшее укрепление рыночных начал мирового развития. Как раз наоборот, антиглобализм может способствовать внедрению и на международном уровне полновесных рыночных отношений с открытой конкуренцией, где ни один бизнес, ни одна страна не сможет монопольно диктовать свои условия для всех остальных. *Фактически мир хочет иметь глобализацию с классическим конкурентным рынком, на котором у каждого есть шанс преуспеть или получить уроки борьбы за конкурентоспособность, которые пойдут на пользу в будущем.* А пока лондонский «Экономист» в статье «Подкупая союзников» откровенно пишет о том, что «формально Америка не может направлять политику МВФ, поскольку ей принадлежит 17% голосов в совете директоров. Фактически же используя громадное давление на другие богатые страны, она вынуждает их следовать своей линии»¹. Аналогичная ситуация имеет место и в других международных институтах, где участвуют США. Налицо явный парадокс: *Америка разными путями борется за открытую рыночную экономику, но при этом отстаивает и навязывает свое монопольное положение в ней.* Такое поведение США дает лишний повод и для антиглобалистов, и для сторонников антиамериканизации мирового сообщества.

Голландские ученые Я.Штурм и Я.Хаан, используя многообразные критерии оценки экономической свободы в разных странах, длительное время изучают зависимость между уровнем экономической свободы и экономическим ростом. Моделируя эту взаимосвязь и применяя другие методы анализа, они пришли к неоднозначному результату. С одной стороны, изменение экономической свободы строго связано с экономическим ростом, а с другой — «уровень экономической свободы не коррелируется с ростом»². Действительно, ни одна страна не может быть эталоном экономической свободы, ибо, скажем, европейские традиции мало похожи на исламские ценности в арабских странах, среди которых немало экономически процветающих, но и не помышляющих о демократичном устройстве и гражданском обществе. Усредненные

¹ The Economist. 2001. September 29. P. 85.

² Sturm J., Haan J. How robust is the relationship between economic freedom and economic growth? // Applied Economics. 2001. June. P. 843.

статистические показатели и формулы, в том числе и об экономической свободе, мало подходят для оценки значения реального многообразия национальных моделей современного развития. До сих пор во многих азиатских, африканских и латиноамериканских государствах этнические, культурные и религиозные традиции и особенности доминируют при выборе экономического и государственного режимов, при определении степени воздействия мировых тенденций на внутреннее развитие. Исторический опыт многих стран показывает, что рыночный механизм, хотя и выступает основой глобализации, но не является всеобщей социальной формой, одинаково воспринимаемой во всех странах. *Рыночный механизм — это своеобразный универсальный инструмент рационального хозяйствования, который применяется в разных странах в конкретных социальных и национальных условиях.* Поэтому рыночный механизм легко адаптируется и модифицируется и в зависимости от характера сочетания экономических и неэкономических факторов может приводить к различным социальным результатам. Об этом красноречиво свидетельствует громадный разброс среди стран мира по уровню экономического развития. Можно утверждать, что как раз многочисленные неэкономические факторы «повинны» в том, что рыночный инструментарий не стал гарантией экономического прогресса для многих стран и народов.

«Грустная истина человеческих отношений, — подчеркивается в одном экономическом исследовании, — состоит в том, что вы не достигнете мира, не борясь за него»¹. По существу, распространенный лозунг «Хочешь мира, готовься к войне» волей или неволей стал своеобразным эпитафием не только прошлого, но и наступившего веков. Американский обозреватель М.Барон без всякой радости констатирует: «Война — большой друг государства. Это один из уроков XX столетия. Война увеличивает размеры и власть правительства, она позволяет правительству ограничивать свободу людей и изымать их собственность»². По мнению М.Барона, Первая и Вторая мировые войны и как их следствие «холодная война» неизмеримо усилили государственную машину в США и других странах. И вообще военный фактор стал одним из определяющих неэкономических факторов современного мирового развития. Однако в наибольшей мере военная составляющая присуща внешней политике США. Если в рыночной сфере Америка предпочитает вести себя как экономический монополист, то в международных

¹ The Economist. 2001. September 22. P. 11.

² U.S. News & World Report. 2001. October 15. P. 21.

делах — как военный монополист. Причем первое вполне служит удобной базой для второго. Более того, складывается впечатление, что в свою очередь второе не прочь подкрепить первое.

Не успел мир согреться от окончания «холодной войны», как разгорелась антитеррористическая кампания, которую возглавили США. Военные расходы взлетели вверх с космической скоростью. Впервые за последние 20 лет в федеральном бюджете на 2003 г. прямые и косвенные расходы на военные цели имеют самый большой прирост. Чтобы оценить масштабы американской военной программы, можно сопоставлять долю США в мировом ВВП и в мировых военных расходах. Как известно, по первому параметру на долю США приходится более 1/5 ВВП. А по второму параметру американцы имеют почти половину военных расходов всех стран мира. Это выдвигает США намного вперед среди стран Европы, КНР и России, что не может не сказываться на всем мировом экономическом климате. Сделав упор на военное решение не только террористических проблем, Америка, по существу, использует милитаристский акселератор как для вывода национальной экономики из затянувшегося спада, так и для усиления своих монопольных позиций в мировом сообществе. Дефицитный платежный баланс и дефицитный федеральный бюджет США означают, что Америка подключает ресурсы других стран для финансирования решения своих проблем. Получается, что военный фактор позволяет США усилить свое влияние на процесс глобализации не только за счет собственных мощных экономических ресурсов, но и благодаря своему абсолютному превосходству в мире в военной сфере. В результате американское экономическое и военное доминирование провоцирует противоречия не столько между сильными и слабыми странами, сколько между самими развитыми государствами, которых не может радовать «американский зонтик». Отсюда следует, что *процесс глобализации приобретает противоречивые формы не из-за рыночных принципов и критериев, а из-за чрезмерного влияния неэкономических факторов, среди которых не последнюю роль играет военный.*

В этой обстановке мировое сообщество не имеет другого выбора, как отстаивать действительно рыночную основу глобальных процессов в сочетании с признанием многообразия национальных моделей развития на базе демократического устройства всех стран.

ОТДЕЛ 2. РОССИЙСКИЙ РЫНОЧНЫЙ ПУТЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

1. РОССИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Последний рубеж XX в. оказался знаменателен многими событиями и явлениями. В международных экономических отношениях на первое место выдвигается конкурентоспособность национальных производителей. Вообще конкуренция не признает никакой политической окраски, никаких «национальных мундиров». Поэтому в новых условиях одной из неотложных задач многих стран мира стало обеспечение национальной экономической безопасности. События развиваются таким образом, что Россия не сможет возродить свою государственность и восстановить подобающее ей место в мировом сообществе без решения проблемы своей экономической безопасности¹.

Исторически проблема национальной экономической безопасности возникает одновременно с формированием государственности, становлением национальных интересов вообще и экономических интересов в частности. Поэтому в истории любого государства можно найти периоды, когда эта проблема либо обострялась, либо становилась «незаметной», но она никогда не исчезала.

Среди множества факторов, предопределяющих подходы и решения проблемы экономической безопасности, выделяются два. *Первый* — это состояние национальной экономики, уровень ее конкурентоспособности. *Второй* — уровень конкуренции в мировом хозяйстве, борьба за соответствующее место в мировой экономической табели о рангах. Ни одна страна не застрахована от потери того или иного места в мировом рейтинге конкурентоспособности. История развития человеческой цивилизации знает немало примеров, когда отдельные страны или группы стран пытались замкнуться и отгородиться от остального мира, делая упор на закрытую национальную экономику. Именно в таких условиях экономическая безопасность из нормального элемента международных

¹ Об этом см., например: Сенчагов В. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8.

связей превращалась в настоящий «железный занавес», отделяющий эти страны от мирового воспроизводственного процесса.

Подобные «зигзаги» истории заслуживают особого рассмотрения, но они не меняют сложившихся принципов возникновения, становления и укрепления национальной экономической безопасности для тех стран, которые находятся в общем историческом русле развития национального и мирового рыночного хозяйства. Именно эти принципы формируют наш подход к анализу зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности.

В связи с этим определенный интерес для России представляет опыт США. Становление и развитие североамериканского государства проходило в исключительных исторических условиях, благоприятствующих достижению наилучших результатов и в экономике, и в других сферах. Между тем уже на ранних этапах своего существования федеральные власти США заявили об активной защите американских производителей. Так, первый министр финансов США А. Гамильтон в своем широко известном докладе конгрессу «О поощрении мануфактур» в 1791 г. прямо призвал провести широкий комплекс мер по государственной поддержке молодой американской промышленности в ее борьбе за внешние рынки. В особом покровительстве государства, по мнению Гамильтона, нуждались предприниматели, изобретатели, исследователи, работавшие в прикладных областях знания.

Даже в разгар гражданской войны в 1862 г. Конгресс США принял закон Моррилла, в соответствии с которым была создана целая сеть колледжей в штатах. Они субсидировались федеральными и штатными властями и были призваны стать центрами распространения научных знаний о сельскохозяйственном производстве и «механических искусствах», т.е. о зарождавшейся промышленной технологии. В тот же период США активно использовали таможенный протекционизм, поскольку интересы развивающейся промышленности настоятельно требовали «прикрытия» внутреннего рынка от иностранных конкурентов.

В истории XX в. есть немало событий, которые оставили свой глубокий след в истории развития человечества. Одним из таких событий, безусловно, является мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Капиталистический мир пережил шок, который заставил не только переосмыслить ценности западного общества в целом, но и побудил академические круги и государственную власть к поиску новой концепции развития экономики и общества.

Всесилие «невидимой руки» рынка вдруг обнаружило свою беспомощность перед теми проблемами, которые встали перед западным сообществом в первой половине XX в. Оказалось, что эволюция капиталистической системы не может проходить сама по себе, оставляя государству лишь роль стороннего наблюдателя. И рыночные принципы в экономике, и демократические принципы в обществе без адекватной поддержки и защиты государства могут скатиться к тоталитаризму, что и случилось в Германии.

Четыре года глубокого экономического кризиса (1929—1933 гг.) показали, что и в американском обществе долго и мучительно осознавали новые реальности, не сразу пришли к выводу, что требуются нетрадиционные решения усугубляющихся экономических и социальных проблем.

Искать эти решения в сфере чисто рыночных отношений, надеяться на стихийное саморазрешение существовавших противоречий не позволяли реалии жизни. Вот лишь некоторые факты той поры. Если в 1929 г. в стране добывалось 543,7 млн. т угля, то в 1932 г. — всего 321,1 млн. т, соответственно нефти — 83,9 и 65,4 млн. баррелей, производилось чугуна — 42,6 и 8,8 млн. т, стали — 56,4 и 13,7 млн. т, автомобилей — 5,4 и 1,4 млн. штук. За то же время объем экспорта упал с 5157 до 1576 млн. долл., а объем импорта — с 4315 до 1288 млн. долл. Все это сопровождалось лавиной банкротств во всех отраслях экономики и растущей безработицей, в той или иной мере затронувшей почти половину всех трудоспособных в США. Иными словами, на повестку дня был поставлен вопрос о спасении и выживании страны.

В этих условиях требовались незаурядное мужество, твердая вера в созидательный характер демократических принципов, смелость и решимость к действиям и, наконец, масштабное государственное мышление, чтобы найти и успешно реализовать выход из кризисной ситуации. Эти качества совместил в себе Ф. Рузвельт и проявил их в своей политике и деятельности, получившей всемирную известность как «Новый курс» Ф. Рузвельта¹.

Именно федеральное правительство взяло на себя ответственность за выход из кризиса и вывод страны на путь возрождения путем решительного участия государственных органов в экономической деятельности на основе нового законодательства. «Новый курс» продемонстрировал отход от классической теории и практики невмешательства государства в экономическую жизнь. Ф. Рузвельт и

¹ Подробно об этом см.: отдел 3, п. 2.

его команда поняли, что рыночный механизм XX в. — это оптимальное сочетание рыночных мотивов и государственного участия в хозяйственных процессах. Одна из причин такого сочетания — необходимость влияния на социальный климат в обществе.

Не случайно поэтому красной нитью через весь «Новый курс» проходила социальная политика администрации Ф.Рузвельта. Более того, президент считал, что в создавшихся условиях положительные изменения в стране станут возможными лишь в том случае, если каждый гражданин, каждый работник ощутят свою экономическую безопасность, в известной мере гарантированную соответствующим трудовым и пенсионным законодательством, а также необходимой политикой государства.

Для координации работы в этой области решением президента Ф.Рузвельта 29 июня 1934 г. был образован федеральный Комитет по экономической безопасности (КЭБ), который возглавила министр труда Фрэнсис Перкинс. В состав КЭБ входили также министры юстиции, финансов, торговли и глава федеральной службы по чрезвычайной помощи. КЭБ фактически возглавил всю работу по нормализации и стабилизации социальной обстановки в стране, по выработке законодательства о государственном пенсионном обеспечении и социальном страховании безработных. Еще до образования КЭБ в июне 1933 г. впервые в истории США были регламентированы три основных условия наемного труда: введена минимальная заработная плата; установлен максимальный рабочий день в 8 часов; запрещен детский труд.

Как видим, «Новый курс» подошел к вопросу национальной экономической безопасности с позиции обеспечения главного внутреннего фактора экономического развития страны — социальной стабильности общества, иными словами, — от экономической безопасности индивидуума к экономической безопасности государства, общества в целом.

Примечательно, что, несмотря на различные проблемы и противоречия в мировом сообществе в тот период, Ф.Рузвельт сделал упор на решении именно внутренних проблем страны, поскольку считал их решающим звеном государственной политики.

Масштабность «Нового курса» предполагает многотомное исследование его содержания и исторического значения. Однако нельзя не отметить три важных обстоятельства. Во-первых, «Новый курс» Ф.Рузвельта фактически ознаменовал переломный рубеж в развитии капитализма — от принципа «чем меньше государства, тем лучше» к принципу «безопасность общества — забота

государства». Во-вторых, социальные факторы заняли главное место среди факторов экономического роста. В-третьих, проблемы общественного развития могут разрешаться на базе научного наследия, но при смелом подходе к догмам как в теории, так и на практике. Тем более опасно быть плененным любыми догмами, если они имеют конкретное историческое происхождение и значение.

Представляется, что эти три обстоятельства имеют самое непосредственное отношение к тому состоянию, которое сейчас переживает Россия. Если же дать общую оценку «Нового курса» с позиций сегодняшнего дня, то можно сказать, что он не только позволил укрепить национальную экономическую безопасность США, но и значительно продвинул страну как лидера в мировой экономике.

В наши дни мировая экономика «признает» равноправное партнерство за теми странами, которые не отгорожены барьерами протекционизма. Однако расставание с протекционизмом у разных стран проходит по-разному. Можно с уверенностью сказать, что ни одна страна, в том числе и США, не освободилась от протекционизма, который считается испытанным средством защиты национальных производителей. Серьезное напряжение в мире, к примеру, вызвало решение США в 2002 г. ограничить ввоз в страну стали и металлопродукции с помощью повышения таможенных пошлин.

Другое дело, как протекционизм согласуется с международными принципами свободной торговли. Стараясь держать руку на «пульсе» внешней торговли и соблюдать национальные интересы в этой сфере экономической деятельности, администрация США использует данный рычаг как надежный способ поддержания выгодного для страны уровня национальной экономической безопасности.

Между тем в XXI столетии особое внимание в США обращают на научную сферу, которая становится решающим фактором американского лидерства в мировой экономике. По мнению американских экспертов, без соответствующей поддержки этой сферы государством экономическая безопасность страны может подвергнуться серьезным испытаниям в таких областях, как вычислительная техника особо высокой мощности, биотехнология и генная инженерия, новые виды вооружений и т.п. В целом сохранение достигнутого уровня конкурентоспособности и достижение новых рубежей на мировом рынке считаются важнейшими со-

ставными частями политики всех без исключения американских правительств в последние годы. Экспортная экспансия рассматривается в США как ключевой элемент решения внутренних социальных проблем, в частности увеличения числа рабочих мест. Подсчитано, что 1 млрд. долл. экспорта обеспечивает 22 тыс. рабочих мест.

Как простые американцы, так и законодатели на Капитолийском холме опасаются, как бы открытость экономики США не стала чрезмерной, не ослабила ее экономическую безопасность в целом и экономическую безопасность каждого гражданина в частности. Поэтому агрессивная внешнеэкономическая политика стала одной из отличительных черт американской администрации. Включив проблемы экономической безопасности в практические действия своего правительства, президент умело маневрирует торговым и технологическим протекционизмом, стремясь не только «прикрыть» обнаруженные иностранной конкуренцией узкие места, но и как можно интенсивнее привлекать в США выдающиеся «мозги» из любых стран.

Многие примеры из арсенала реальной политики американского правительства в области национальной экономической безопасности свидетельствуют о том, что в США ни на секунду не забывают о национальных интересах и всеми способами отстаивают их в различных сферах мирохозяйственных связей. Сохранение экономической безопасности строится на гибкой политике, но на жестких принципах национальных приоритетов.

Казалось бы, Америка продолжает оставаться «локомотивом» мировой экономики и по-прежнему удерживает лидирующие позиции по многим параметрам. Однако в то же время она обеспокоена поддержанием национальной экономической безопасности на уровне, соответствующем требованиям наступившего века. К примеру, еще в ходе предвыборной «президентской гонки» Б.Клинтон обратил внимание граждан США на эту проблему. Став хозяином Белого дома, он вновь, через 60 лет после начала «Нового курса» Ф.Рузвельта, создал Национальный экономический совет (НЭС), главная функция которого — разработка и проведение мер по поддержанию национальной экономической безопасности. Курировал НЭС специальный помощник президента по экономической политике, который по должности был включен в состав правительственного кабинета. Не отступает от этих принципов и администрация президента Дж.Буша-младшего.

Остро проблема национальной экономической безопасности стоит и в Японии, и в европейских государствах, и в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии, и в Китае. Отчего так происходит? Ведь в мире исчезают идеологические разногласия и военная конфронтация. Рыночные основы хозяйства становятся повсеместными. Именно поэтому экономические интересы стран постепенно выходят на первый план в международных отношениях. Не преувеличивая роли национальных интересов в мировой экономике, все же нельзя не обратить внимания на то, что именно экономические факторы в современных условиях чаще всего определяют политику государств, их поведение и взаимоотношения.

В мировой рыночной экономике престиж государства в немалой степени зависит от его конкурентоспособности, которая напрямую связана с национальной экономической безопасностью. Исследования 663 предприятий в Финляндии, Германии, Нидерландах и Великобритании по методике Лондонской школы бизнеса показали, что только 14 предприятий могут быть отнесены к мировому классу, т.е. они являются конкурентоспособными на общемировом уровне. Европа может оказаться в «хвосте» по таким параметрам, как, например, дальновидность руководства фирм или эффективность использования малозатратных технологий.

Чтобы создать национальную структуру своей экономики, адекватную рыночным требованиям, Россия должна пройти мучительный путь определения своих приоритетов по всем направлениям и на всех уровнях общества и хозяйства. Ведь Россия должна не просто включиться в современную мировую экономику, а спрогнозировать свою роль и место в мировом разделении труда. Вот почему в таких условиях сохранение экономической независимости при одновременном стремлении стать равноправным членом мирового сообщества ставит перед Россией вопрос обеспечения экономической безопасности страны. Для понимания сложившейся ситуации нельзя игнорировать тот факт, что никто не собирается решать российские проблемы в ущерб своим национальным интересам.

В этой ситуации, когда России еще не совсем ясно, какую партию ей предстоит играть в мировом «торговом оркестре», нельзя допускать ошибок при определении степени открытости своей экономики. Ведь, как красноречиво свидетельствует мировой опыт XX в., открытость экономики — это не самоцель, а средство защиты национальных интересов.

Итак, если в мире господствуют рынок и конкуренция, то эта объективная реальность диктует свои «правила игры» как для отдельных фирм, так и для отдельных государств. Каждая страна должна решить, как найти оптимальное соотношение между от-

крытостью экономики и защитой национальных интересов для обеспечения национальной экономической безопасности. Поиск ответа на этот вопрос необходим и важен для всех, но особенно важен он сегодня для России.

2. МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАНЫ

Для большинства государств мирохозяйственные связи с их растущей конкурентной средой стали одним из главных факторов развития национальной экономики. Вместе с тем всеобщность рыночных принципов сама по себе не дает ни одной стране каких-либо преимуществ.

В этих обстоятельствах особая доля выпала постсоветской России, которая должна, с одной стороны, реформировать по рыночному критерию весь комплекс национальной экономики, а с другой стороны, достойно заявить о себе в мировом хозяйстве. В мире накопилось немало проблем и диспропорций, и надеяться на то, что все само собой утрясется и что современная структура мировой экономики утвердится плавно и безболезненно, не приходится. Все это усиливает конкуренцию и создает жесткие условия для России и других экономически ослабленных ныне стран. В данном контексте и в научных разработках, и в процессе преподавания важно определять мирохозяйственные позиции и перспективы РФ не только по текущим показателям социально-экономического развития, но и на основе индикаторов, раскрывающих потенциал страны по спектру параметров, о которых прежде всего и пойдет речь.

Геополитический, ресурсный, технологический и человеческий потенциал России и ее место в мировой экономике

В мире немало стран, оценка которых нередко зависит от субъективных факторов и может со временем существенно изменяться. Что касается России, то она поражает своими территориальными масштабами, многообразием природно-климатических зон и ландшафта, численностью населения. В мире нет другой страны, которая бы занимала восьмую часть всей суши (более 17 млн. кв. км.), границы которой на земле вытянулись почти на 20 тыс., а береговая черта достигала почти 38 тыс. км; 11 часовых поясов покрывают Россию с востока на запад. Несмотря на относительную суровость климата в некоторых ее частях, на ее территории представлены почти все климатические зоны, огромное

богатство фауны и флоры. По занимаемой территории Россия в 1,8 раза превосходит США, а по численности населения (около 144 млн. человек в 2002 г.) находится на шестом месте в мире — после Китая, Индии, Соединенных Штатов, Индонезии и Бразилии.

При преобладании населения с европейскими традициями Россия представляет собой единственное в своем роде евразийское государство, расположенное на двух континентах. Это открывает перед страной особую возможность играть активную роль не только на них, но и в мире в целом. Так, через российскую территорию могут проходить наиболее экономически выгодные воздушные и сухопутные маршруты, связывающие Европу, Центральную и Юго-Восточную Азию. И теперь, когда на повестке дня стоит вопрос о повсеместном включении территории России в единое мировое рыночное пространство, нам важно не упустить шанс, с одной стороны, максимально эффективно использовать свое геополитическое положение, а с другой — ускорить развитие многих регионов страны, в которых фактор расстояния до сих пор противодействовал экономическому росту.

В недрах России можно обнаружить практически все элементы таблицы Менделеева. Определенную устойчивость экономике придает то обстоятельство, что по запасам энергетического сырья российские недра первенствуют в мире. Так, по имеющимся оценкам, доля России в мировых прогнозных запасах нефти оценивается в 13—15%, природного газа — в 42, угля — в 43%. Как уже отмечалось, страна располагает самой протяженной в мире береговой линией, что предоставляет в ее распоряжение значительные площади и подводные ресурсы континентального шельфа. Перспективные морские запасы углеводородов только нашего Крайнего Севера вполне соизмеримы с аналогичными запасами в зоне Персидского залива и Каспийского бассейна. Основная часть энергетических ресурсов в шельфовой зоне еще полностью не исследована и может оказаться значительно больше предварительных оценок.

Что касается уже разведанных запасов энергетического сырья, то в российских недрах сосредоточено 13% (7 млрд. т) мировых запасов нефти, 35 — природного газа и около 12% — угля. В настоящее время на страну приходится в среднем 11% мировой добычи нефти, 28% — природного газа и 14% — угля. Если в целом посмотреть на роль России в мировом промышленном и сельскохозяйственном производстве, то в последние годы складывается устойчивая картина, которая, по данным на 1999 г.¹, вы-

¹ Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001. С. 644.

глядит следующим образом: естественный газ — первое место; бурый уголь, картофель, нефть, строительный кирпич — второе; молоко, железная руда — третье; электроэнергия, чугун, сталь, деловая древесина, хлопчатобумажные ткани — четвертое; готовый прокат черных металлов, улов рыбы, минеральные удобрения — пятое; каменный уголь, мясо (в убойном весе), пиломатериалы, зерновые и зернобобовые культуры — шестое; целлюлоза, животное масло, сахарная свекла — седьмое; легковые автомобили, чулочно-носочные изделия — десятое; цемент, обувь — двенадцатое; бумага и картон, шерстяные ткани — тринадцатое место, растительное масло — пятнадцатое место.

Пока экономический потенциал России в полной мере не востребован. Страна имеет огромные резервы для интенсификации своего экономического роста. По объему валового национального продукта, как свидетельствуют данные табл. 6, Россия замыкает первую девятку крупных стран мира. Подсчеты на основе различных методик (по паритету покупательной способности валют) на сегодняшний день показывают, что ВВП России превышает 10% ВВП США, а на душу населения российский показатель меньше американского почти вчетверо. В затылок России дышит Бразилия, которая может занять девятое место по величине ВВП. Да и вообще уровень и масштабы конкурентной борьбы на исходе XX в. таковы, что никому не дано почитать на лаврах. Именно к обеспечению своей конкурентоспособности Россия должна приложить все возможные усилия.

Таблица 6

ВВП ведущих стран мира в 2000 г.*

Страны	Млрд. долл. США	%	На душу населения, тыс. долл. США	%
США	10000	100	36,1	100
КНР	4900	49	3,9	11
Япония	3500	35	27,6	76
Германия	2160	22	26,3	73
Индия	2020	20	2,0	5
Франция	1610	16	27,3	76
Италия	1460	15	25,2	70
Великобритания	1435	14	24,3	67
Россия	1265	13	8,7	24

* Примечание. Прогнозная оценка за 2000 г. подсчитана в текущих ценах по паритету покупательской способности (ППС) национальных валют. Доли в процентах округлены до единицы.

Источник: Подсчитано по МЭиМО. 2001. № 9. С. 94, 98.

Всемирный экономический форум, собирающийся в Давосе, постоянно анализирует рейтинг конкурентоспособности первых 50—60 стран. Специалисты как форума, так и других международных исследовательских центров в последние годы отводят России замыкающие места. Очевидно, таким образом, противоречие между ресурсным потенциалом нашей страны и ее местом в современной мировой экономике.

То же относится к потенциалу технологическому. И сегодня Россия как космическая держава может на равных соперничать с США. Благодаря мировому признанию российских технологий в ракетостроении и в целом в освоении космоса РФ развивает сотрудничество в этой области со многими развитыми странами. Высокие технологии в ряде отраслей российской экономики опираются на сложившиеся научные традиции и школы, которые при задействовании адекватного экономического механизма способны стать мощнейшим фактором роста.

Сердцевину потенциала России составляют ее люди. Уровень образованности и профессиональной подготовки российских граждан таков, что они, по признанию зарубежных партнеров из самых разных стран, в состоянии решать любые технические и экономические проблемы, адаптироваться к различным условиям производственной и коммерческой деятельности. Система высшего образования в стране по-прежнему готовит высококвалифицированные кадры на мировом уровне. Одним из тому доказательств является высокий спрос на наших специалистов в области естественных и технических наук практически во всех развитых странах. В последние годы все больше российских граждан, имеющих образование и опыт работы в сфере управления, маркетинга, финансов, приглашаются в фирмы разных стран, работающих на рынках России или с российскими партнерами.

Вместе с тем в стране еще не найден механизм максимально эффективного использования людских ресурсов, продолжается «утечка умов». Именно потому, что должным образом не приведены в действие человеческие ресурсы, России до сих пор не удается в полной мере реализовать свой экономический потенциал, опирающийся на уникальную национальную энерго-сырьевую базу, о ней отчасти уже говорилось, однако этот вопрос заслуживает и особого анализа.

Россия по-прежнему является единственной крупной мировой державой, полностью удовлетворяющей свои энергетические потребности за счет собственных ресурсов. По запасам минераль-

ного топлива на душу населения мы впереди всех крупных промышленно развитых государств. В этих условиях торговля энергоносителями и минеральным сырьем до сих пор выступает главным реальным профилем специализации страны в международном разделении труда. И это можно квалифицировать не только и даже не столько как слабость, сколько как важное временное стратегическое преимущество.

Роль топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в развитии мировой экономики не уменьшается, а возрастает. Несмотря на интенсивное внедрение энергосберегающих технологий, масштабы общественных и индивидуальных энергетических потребностей продолжают неуклонно возрастать. По подсчетам специалистов, объем мирового производства и потребления первичных энергоносителей в начале XXI в. превысит 10 млрд. условных т. При этом 75% потребления будет приходиться на развитые страны, где проживает всего лишь шестая часть населения Земли. Об уровне производства основных элементов ТЭК в ведущих странах красноречиво свидетельствуют данные табл. 7. Даже эти обобщенные и скупые цифры достоверно показывают, что у России еще есть большие резервы качественного улучшения использования своего топливно-энергетического комплекса. К примеру, ВВП США, как уже отмечалось, почти в 10 раз больше ВВП России, а вот объем производства электроэнергии меньше соответствующего американского всего в 4,4 раза. Это значит, что в России на единицу ВВП тратится в два раза больше электроэнергии, чем в США. Конечно, в целом более суровый российский климат не может не требовать дополнительных расходов различных видов энергии, в том числе электрической. Однако это, разумеется, не довод в пользу чрезмерной электро- и энергоемкости общественного производства.

Имея в виду ту существенную роль, которую наша страна играет в мировой энергетике, нельзя преуменьшать российский фактор и в решении нарастающих глобальных экологических проблем. Россия должна быть готова к тому, что мировое сообщество в перспективе резко ужесточит требования к уровню экологических стандартов для энергетических отраслей во всех регионах мира. В то же время устойчивость российского ТЭК одинаково необходима как для отечественных, так и для зарубежных потребителей, ибо продукция комплекса составляет примерно 25% всей стоимостной величины продукции национальной промышленности, а поставки энергетического сырья из России в по-

следнее время покрывают 80% потребностей Украины, 100 — стран бывшей советской Прибалтики, свыше 50 — стран Восточной и Центральной Европы и до 20% потребностей западноевропейских стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Таблица 7
Топливно-энергетический комплекс отдельных стран в 1999 г.

Показатели	Россия (2000 г.)	Велико- британия	Герма- ния	КНР	США	Фран- ция	Япо- ния
Всего произведено							
Электроэнергия, млрд. квт. ч.	878	358	557	1239	3883	524	1062
Нефть (включая газовый конденсат), млн. т	324	128	2,7	160	290	1,5	0,4
Естественный газ, млрд. куб. м	584	105	23,3	28,0	532	2,1	2,3
Товарный уголь, млн. т	258	37,4	205	1029	993	5,7	3,9
На душу населения							
Электроэнергия, квт. ч	6030	6023	6787	978	14225	8860	8395
Нефть (включая газовый конденсат), кг	2224	2156	33,5	127	1063	26,0	3,0
Естественный газ, куб. м	4011	1766	284	22,1	1950	35,0	18,0
Товарный уголь, кг	1775	628	2499	812	3636	97	30,9

Источник: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 642.

Путь в мировую торговлю

По мере того, как рыночные принципы все активнее внедряются в хозяйственную жизнь России, она становится все более открытой для зарубежных партнеров. Как известно, организация внешней торговли, ее структура и динамика во многом характеризуют национальную экономику, ее проблемы и перспективы развития, а также степень влияния на мирохозяйственные связи. Надо сказать, что несмотря на то, что роль внешней торговли в экономике нашей страны имеет тенденцию к повышению, доля самой России в мировом экспорте и импорте в последние годы колеблется вокруг уровней соответственно в 1,5 и 1,0%¹. Стране пока удается поддерживать положительное сальдо во внешнетор-

¹ Вопросы экономики. 2001. № 4. С. 5.

говом обороте. Все более значительную роль в нашей внешней торговле играют развитые страны. Хотя Россия традиционно «привязана» к экономике стран СНГ, ее нынешняя внешнеторговая ориентация — на страны ЕС, Северной Америки и другие государства с развитой рыночной экономикой. Это во многом объясняется содержательной стороной экспортно-импортных операций: преобладающими статьями российского экспорта до сих пор являются энергоресурсы и необработанная металлопродукция. Как показывают данные табл. 8, приоритетные в сравнении с постсоветскими республиками торговые партнеры России как по экспорту, так и по импорту — страны дальнего зарубежья, на которые приходится львиная доля торгового оборота. Между тем в стратегической перспективе сохранение ближайших соседей в качестве естественных и надежных партнеров не может не играть роль важного стабилизирующего фактора как для России, так и для самих стран СНГ.

Таблица 8

Внешняя торговля России в 2000—2001 гг.
(доля в общем объеме товарооборота), %

Регионы	Экспорт		Импорт	
	2000 г.	2001 г.	2000 г.	2001 г.
Страны дальнего зарубежья	96,5	85,1	70,0	75,4
Страны СНГ	13,5	14,9	30,0	24,6
Всего	100	100	100	100

Источник: Подсчитано по: Бюллетень банковской статистики. 2002. № 2. С. 19.

Даже укрупненные статьи экспорта и импорта, как свидетельствуют данные табл. 9, показывают: включение России в мировую экономику пока проходит по энерго-сырьевому сценарию. Объективно ситуация складывается таким образом, что уделом отечественной экономики остается производство энергоносителей и сырья для обрабатывающей промышленности. Причем в последние годы на мировой рынок поставляется свыше 40% добываемой в стране нефти, более трети природного газа, около 30% нефтепродуктов, более трети минеральных удобрений, не менее 25% круглого леса, свыше 60% фанеры. В то же время возникла устойчивая зависимость российского внутреннего рынка от импорта продовольствия и ряда других товаров. Так, импортируемое мясо покрывает до 60% внутреннего спроса, масло сливочное — до 50, масло растительное — около 30%. Почти полностью захва-

тили внутренний рынок импортные телевизоры, видеоманитоны, холодильники, персональные компьютеры, множительная и копировальная техника, другие сложные бытовые приборы. В результате по многим товарным позициям внешняя торговля России превратилась в улицу «с односторонним движением».

Таблица 9

Товарная структура экспорта и импорта России в 1999—2000 гг., %

	Экспорт		Импорт	
	1999 г.	2000 г.	1999 г.	2000 г.
Продовольствие и сельхозсырье	1,3	1,6	26,7	21,9
Минеральные продукты	44,9	53,8	4,0	6,3
Химическая продукция, каучук	8,5	7,2	16,0	17,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,3	0,3	0,3	0,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	5,1	4,3	3,6	3,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,1	0,8	5,2	5,9
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	26,1	21,6	7,3	8,2
Машины, оборудование и транспортные средства	10,9	9,0	33,3	31,7
Прочее	1,8	1,4	3,6	3,9
Всего	100	100	100	100

Источник: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 608, 609.

Факты таковы, что в текущем периоде трудно ожидать изменений в структуре и направлениях внешней торговли, хотя кризис финансовой системы, резко обострившийся во второй половине 1998 г., сразу сказался в плане значительного сокращения импорта¹. В результате сальдо торгового баланса в 2001 г. оказалось почти в три раза больше, чем в 1998 г., достигнув величины почти 50 млрд. долл. США². Это, понятно, обостряет структурные диспропорции в экономике вообще и в личном потреблении граждан в частности. Если же сравнивать долю внешней торговли в валовом внутреннем продукте страны, то в России этот показатель не

¹ Соответствующие данные применительно к импорту продовольствия приведены, в частности, в статье: Сердюк И. Продовольственная безопасность России, о роли внешнеторговой политики // Российский экономический журнал. 1999. № 4.

² Бюллетень банковской статистики. 2002. № 2. С. 19.

достигает 25%, что значительно меньше, чем в развитых европейских странах. Однако с содержательной стороны внешнеторговый оборот является одним из факторов как национальной конкурентоспособности, так и национальной экономической безопасности. Поскольку Россия выступает в роли продавца главным образом на мировых товарно-сырьевых рынках, постольку ей не избежать воздействия конъюнктурных изменений цен на этих рынках на свои внешнеэкономические позиции и на свой торговый и платежный балансы. По разным причинам в 1997 г. резко упали мировые цены на нефть и металлы, что, как известно, усугубило внутриэкономическое положение России (сейчас цены на нефть по-прежнему играют существенную роль в развитии страны). А вообще, периодическое снижение цен на мировых рынках сырья, металлов, энергоносителей можно сравнить с реакцией мировой экономики на относительное перепроизводство базовых товаров накануне серьезных структурных перемен в мировом хозяйстве. Чем раньше Россия сумеет учесть изменяющиеся мировые тенденции, тем быстрее она сможет конкурировать на мировом рынке и тем устойчивее она будет себя ощущать по другим экономическим параметрам.

Включение любой страны в мировую экономику достигается не только через внешнюю торговлю. В этом процессе важную роль играют такие явления, как движение капиталов и участие в мировой финансовой системе, включая мировой фондовый рынок. Если на мировых товарных рынках Россия уже имеет определенные традиции, то в финансовой сфере ей приходится еще доказывать свое право на равное существование и сотрудничество. Сам факт членства России в Международном валютном фонде (МВФ) приближает нас к международным стандартам поведения в интернациональном бизнесе, но не даст никаких индульгенций на ошибки и просчеты в собственной экономической политике. Судьба России находится в ее собственных руках, а не в руках каких-либо международных организаций, хотя использовать их возможности необходимо, как необходимо и участвовать в некоторых из них, в частности во Всемирной торговой организации (ВТО).

Торговать «по правилам»

Равноправным членом мирового экономического сообщества страна может считать себя тогда, когда она соблюдает те же «правила игры», что и все сообщество. С одной стороны, Россия, несмотря на все переживаемые в последнее десятилетие трудности,

относится к числу ведущих держав мира. Об этом вполне очевидно свидетельствуют данные табл. 10.

С другой стороны, мы до сих пор продолжаем испытывать дискриминацию в торговых отношениях и в полной мере не можем использовать преимущества международного разделения труда сложившейся структуры мировой экономики. Именно поэтому уже не первый год на повестке дня стоит вопрос о вступлении России в ВТО. В последнее время переговорный процесс между российской стороной и Рабочей группой ВТО по присоединению России значительно продвинулся вперед. Наряду с традиционными сюжетами, касающимися режима торговли и тарифов, наиболее сложными оказались проблемы торговых аспектов прав интеллектуальной собственности, субсидирования сельскохозяйственного производства и другие вопросы. Важно иметь в виду, что признание «правил игры» ВТО для России означает согласие не просто на соблюдение определенных мироторговых стандартов, но и на существенные изменения внутри страны: в ее экономике и экономической политике, в том числе в правовом обеспечении предпринимательской деятельности, поддержке конкуренции, в защите прав собственности во всех ее формах и проявлениях. Иначе говоря, процесс вступления в ВТО — это процесс реального внедрения полновесных рыночных принципов в национальную экономику и в ее мирохозяйственные связи. Это и определенная оптимизация взаимосвязи национальных интересов и традиции с современными общемировыми тенденциями.

Сам факт постоянного членства в ВТО позволит России исключить дискриминацию во всем комплексе торговых отношений, прежде всего защитить интересы своих экспортеров за рубежом. Равноправие на рынке товаров усилит и наши позиции на международных рынках капиталов. Противоречия и споры, которые порой возникают между партнерами в мировой торговле, могут решаться с помощью механизмов и процедур, предусмотренных ВТО и отшлифованных в течение непростой истории этой организации. Внутрихозяйственный и внешнеторговый режимы России получат международные ориентиры и станут понятными и прогнозируемыми для всех торговых партнеров. При этом конкурентная среда будет более прозрачной, хотя останется требовательной и жесткой; российские производители столкнутся еще с большей международной конкуренцией, и не все сумеют ее выдержать, противостоять конкурентам ростом эффективности своей деятельности.

Таблица 10

**Доли крупнейших держав мира в мировом ВВП и в мировом населении
в 2000 г., %**

Страны	Доля в мировом ВВП	Доля в мировом населении
США	22	4,6
Япония	7,3	2,1
КНР	11,6	21,1
Германия	4,6	1,4
Россия	2,5	2,5
Индия	4,6	16,6
Всего	52,6	48,3

Источник: World Economic Outlook. IMF. Washington, 2001. Oct. P. 185.

Наибольшие изменения прогнозируются на внутреннем российском рынке. Членство РФ в ВТО ставит перед федеральным правительством минимум две проблемы: поиска источников пополнения доходных статей бюджета в связи со снижением таможенных пошлин и тарифов; согласования обязательств России перед некоторыми странами СНГ, с которыми уже заключены таможенные союзы или иные торговые соглашения.

В целом плюсы от вступления в ВТО стратегически перевешивают минусы, ибо в конечном счете должна вырасти как эффективность российской экономики вообще, так и результативность работы всех участников внешнеэкономической деятельности.

Став членом ВТО, Россия закрепит правовые основы открытой экономики в рамках мирового хозяйства. Однако путь в него выбирает она сама, стремясь реализовать прежде всего свои национальные интересы, а не интересы международного бизнеса. Принимая «правила игры» ВТО, мы должны поставить дело внутри страны так, чтобы отечественные компании получили от государства поддержку, смогли окрепнуть и выдержать международную конкуренцию. Иначе говоря, *эффекта от открытия экономики можно ожидать лишь в том случае, если внутренний социальный климат станет союзником этого процесса и если все рыночные субъекты получат шанс проявить себя в реальных рыночных, а не в тепличных условиях.*

Ключевая роль финансов

Одно из главнейших условий развития национальной рыночной экономики — наличие устойчивой финансовой системы, которую логично сравнить и с кровеносной, и с нервной системами организма, ибо благодаря ей не только постоянно поддерживается тонус хозяйственной жизни, но и происходит ее настройка с учетом всех перипетий текущего и перспективного развития. Любые сбои в финансовой системе моментально сказываются на всей экономике в целом, ибо без участия финансовых инструментов не может обойтись ни одна отрасль, ни один вид рынка. Вместе с тем именно финансовая система выступает исходным звеном, связывающим страну с внешним миром. Степень открытости национальной экономики и уровень ее вовлеченности в мирохозяйственные связи легко отслеживаются по состоянию финансовой системы, через нее непосредственно осуществляется влияние тех или иных событий в мировой экономике на внутриэкономические процессы. И это со всей очевидностью обнаружилось во время мирового финансового кризиса, который стартовал в 1997 г. в Юго-Восточной Азии и через год вовлек в свою орбиту Россию.

Безусловно, и финансовая система России¹, и мировая финансовая система являются предметом самостоятельного обстоятельного изучения и преподавания; здесь немало специфических проблем, свой профессиональный и категориальный аппарат. Вместе с тем такой подход не исключает специального рассмотрения вопросов, характеризующих взаимоотношения российской и мировой финансовых систем.

За короткий срок в России была создана современного типа двухуровневая банковская система. Акционерные коммерческие банки и другие финансовые институты стали активными участниками развития рыночной экономики. Постепенно сформировался фондовый рынок, причем акции российских компаний стали обращаться и на зарубежных фондовых биржах. Последнее оказалось возможным, в частности, благодаря тому, что заработал валютный рынок, а российский рубль начал свободно конвертироваться на территории РФ и стран СНГ. Страна вышла на мировой рынок капитала, и зарубежные инвесторы принялись приобретать ценные бумаги российских компаний и банков. Зна-

¹ Об одном из аспектов финансовой системы см.: например, отдел 2, п. 3.

чительную нишу на фондовом рынке заняли различные государственные бумаги, которые пользовались особой популярностью как у отечественных, так и у иностранных участников рынка (они отличались высокой доходностью).

Все это создало условия для включения российского фондового рынка в мировой рынок ценных бумаг. Получилось так, что наше народное хозяйство оказалось лишь на подступах к мирохозяйственной адаптации, а российские финансы фактически уже стали частью глобальных финансов. В результате спрос на финансовых рынках обусловил тенденцию роста рыночной стоимости котирующихся корпоративных акций и госбумаг без соответствующего изменения положения в российской экономике. Из-за неравномерности развития финансовой системы и самой экономики сужалась база государственных финансов, что усиливало зависимость национальной финансовой системы от мировой, от поведения нерезидентов, нередко преследовавших спекулятивные интересы. И как только зарубежные инвесторы начали нести убытки от финансовых потрясений в Юго-Восточной Азии, российский фондовый рынок стал резко терять в весе. Перед государством встала двуединая задача: 1) привести в соответствие развитие финансовой системы и других отраслей и сфер национальной экономики; 2) синхронизировать это развитие на рыночной основе.

Первые годы функционирования российской финансовой системы на рыночных принципах преподнесли немалые сюрпризы. Оказалось, что, выполняя роль главного канала связи национальной и мировой экономики, она способствовала не столько притоку иностранного капитала, сколько утечке за границу российского. С рыночной точки зрения это нормальный процесс (ибо во все времена капитал ищет наиболее надежные и прибыльные места применения), однако он не мог не насторожить зарубежных инвесторов, которые при всем стремлении помочь России не способны быть большими патриотами, чем сами россияне. Понятно, что есть немало мотивов, по которым наши граждане переводят и оставляют свои капиталы в зарубежных банках. Эти мотивы носят как экономический, так и неэкономический характер и могут являться предметом отдельного изучения¹.

¹ Об этом см., например, подборку статей под рубрикой «Бегство капитала: диагноз и методы лечения» // Вопросы экономики. 2000. № 2. С. 4–53; Инвесторы в ожидании. Из России уходит больше денег, чем приходит // Финансовые Известия. 2001. 13 дек.

Вместе с тем, как свидетельствует опыт развитых стран, взаимосвязь национальной и мировой экономик, образно выражаясь, представляет собой улицу с двусторонним движением, где противоположные потоки капиталов в нормальном состоянии мало отличаются друг от друга по объему. И главное, что обеспечивает такое принципиальное равновесие — не финансовая система как таковая, а состояние национального хозяйства, его внутренний климат.

Мировой финансовый кризис 1997–1998 гг. обнажил и проблемы мировых финансов, особо высветив роль Международного валютного фонда. С момента своего создания в качестве главной задачи МВФ декларирует обеспечение стабильности мировой финансовой системы в целом и поддержание устойчивости финансовых систем стран-членов фонда. Кстати, в 1998 г. из 182 стран-членов фонда 75 государств имели программы поддержки от МВФ или вели по этому вопросу переговоры¹. Чтобы ответить на вызовы времени, МВФ совместно с Всемирным банком стремится занять более активную позицию в мировой финансовой системе, позволяющую, не превращаясь в «мировое правительство», регулировать процессы расширения и углубления международного сотрудничества в финансовой сфере. Для этого намечается укрепить прежде всего рыночные элементы мировой финансовой системы на основе сложившихся международных стандартов банковского надзора, аудита, страхования, учета, платежных систем. Делая упор на развитие частных институтов и на дальнейшую либерализацию мирового рынка капиталов при его постоянной модернизации, МВФ заявляет о планах внедрения такой структуры взаимоотношений своих членов, которая стала бы надежным барьером на пути нарушения обусловленных «правил игры» кем бы то ни было, блокировала любые проявления авантюризма в сфере международных финансов.

С 1 января 2002 г. 12 стран Европейского союза ввели единую валюту — «евро», и это существенным образом меняет ситуацию в мировой финансовой системе: американский доллар получает небывалого конкурента. Взаимоотношения ЕС, США и Японии приобретают новые формы, что находится в русле общемировой тенденции усиления конкурентных начал в мировой экономике. В этих обстоятельствах перед Россией встают проблемы создания условий для гибкой привязки национальной валюты

¹ См.: IMF Survey. 1998. 19 oct. P. 311.

к иностранным аналогам и ряд других конкретных задач. До сих пор абсолютная пальма первенства в валютных отношениях России принадлежит доллару США. Однако предстоит спрогнозировать, как будет далее развиваться валютный рынок, чтобы избежать возможных потерь населения, экономики и государства в случае кардинального изменения статуса американского доллара (в ближайшей перспективе, правда, вероятность такого изменения незначительна).

Россия шаг за шагом обустривает свою нишу в мировой экономике и мировой финансовой системе. По мере вовлечения в мирохозяйственные процессы она сталкивается, с одной стороны, с все более острой конкуренцией, а с другой — обретает новые возможности для экономического роста. Преодоление проблем в России в условиях глобализации экономики важно как для нее самой, так и для мирового сообщества.

3. ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Проблемы финансовой системы могут быть рассмотрены на различных уровнях и разными методами. Чаще всего они исследуются методами сугубо финансового анализа, что, безусловно, соответствует природе финансовой системы. Однако важно проанализировать финансовую систему не только саму по себе, но и выявить ее место в рыночной экономике в целом, а также показать, как общие рыночные принципы и закономерности проявляются в финансовой сфере. Подобную работу можно выполнить, если рассматривать финансовую систему как объект *экономического анализа*. Другими словами, раскрыть не только содержание финансовой системы как таковой, но и показать ее место и роль в становлении российской рыночной модели национального развития.

Опыт развитых стран показывает, что независимо от других факторов и обстоятельств государство берет на себя полную ответственность за законодательное оформление и необходимое поддержание общих «правил игры» во всех сферах хозяйства на базе рыночных принципов. В полной мере эта ответственность относится и к финансовой системе. Однако в новейшей истории России отчетливо проявилась тенденция минимизировать роль государства в переходных процессах, что привело, во-первых, к размытости правовой основы происходивших изменений и, во-вторых, к перекосам в пропорциональном рыночном развитии

основных сфер экономики. Поэтому население России попало под «холодный душ», когда многочисленные финансовые пирамиды и другие финансовые институты обобрали людей, действуя формально в рамках соответствующих законов или указов Президента РФ. Тем самым дискредитировались в глазах российского народа как базовые рыночные принципы, так и рыночная мотивация. Отсюда становится понятным, что расплывчатость правовой основы финансовой сферы резко ослабила государство, которое потеряло фактически контроль и над другими рычагами воздействия на экономическое развитие, включая государственную собственность. В этих условиях вместо *монополии закона* у нас стала торжествовать *монополия чиновника*, что еще более исказило суть происходящих процессов и еще более стимулировало антигосударственные настроения в обществе.

Для *монополии чиновника* невыгодно иметь прозрачность «правил игры», но зато выгодно под видом коммерческой тайны и конкуренции напускать больше тумана на всю хозяйственную деятельность. Более того, естественная для финансовой сферы спекуляция как своеобразный вид предпринимательства захватила и другие отрасли экономики. В результате спекулятивная деятельность стала самым доходным бизнесом, но при этом нормальное рыночное развитие превратилось в заложника *рыночных извращений*.

Не случайно поэтому на повестку дня во весь рост встал вопрос об оптимальном сочетании *частного* интереса и интересов общества, что, в конечном счете, определяет устойчивость рыночной системы и безопасность государства. На данном этапе частный интерес господствует. Десятилетний период такого господства неизбежно стал тормозом дальнейших рыночных преобразований, поскольку подобный процесс по всем экономическим канонам, во-первых, сравнительно быстро подрывает собственную базу и, во-вторых, деформирует рыночное движение в целом и финансовую систему в частности. В результате ослабляются все участники перехода к рыночной экономике, включая и государство.

Сейчас стало привычным считать, что в плановом хозяйстве всегда имел место дефицит товаров почти всех видов и назначений. Теоретически рыночная экономика также построена на дефиците — ограниченности ресурсов. Все дело только в том, каков механизм вовлечения ресурсов в экономический оборот и каков механизм распределения и потребления произведенных результатов. Считается, что рыночный механизм нивелирует любой дефи-

цит через равновесие между предложением и платежеспособным спросом. Однако практика перехода к рынку в российских условиях не сняла проблему дефицита, а наоборот — обострила к ней внимание. Перед теоретиками и практиками возникла проблема выявления влияния фактора времени на роль дефицита в экономическом развитии. Если указать лишь основные виды дефицита — *товаров, денег, услуг, капитала, труда*, то важно проанализировать, наличие или ликвидация какого именно или каких именно видов дефицита наиболее эффективно, во-первых, для поддержания социальной стабильности в обществе и веры населения в рыночный путь развития и, во-вторых, для максимизации результативности рыночных преобразований в целом.

Это довольно сложная проблема, и в каждой стране она решается в рамках национальной модели рыночного развития. В России получилось пока таким образом, что переход от плановой экономики не снял проблему дефицита и не утвердил устойчивое равновесие в хозяйственных процессах. Одной из причин такого положения явилось то, что государство вместо того, чтобы стать гарантом рынка и его главным участником, фактически превратилось в «дойную корову» для наиболее продвинутых частных структур, прежде всего в финансовой сфере. Именно государственная собственность и государственные финансы оказались поставленными на службу частному интересу, что неизбежно привело к дефициту федерального бюджета и быстрому росту государственного долга. По свидетельству английского журнала «Экономист», Россия в 1999 г. заняла первое место по доле внешнего долга в ВВП страны. Эта доля составила 88%. На втором месте в мире находится Индонезия — 81%. Для сравнения можно отметить, что в КНР данный показатель равен всего 15%¹. К середине 2001 г. внешний долг России уменьшился до 156,8 млрд. долл. США, что при общем экономическом росте сократило его долю в ВВП страны².

Мировой финансовый кризис 1997—1998 гг. обнажил и проблемы мировых финансов, особо обратив внимание на роль Международного валютного фонда (МВФ) в современных условиях развития мировой экономики. Деловой риск и авантюризм на финансовом рынке несовместимы, особенно если это касается не отдельной страны, а всей мировой финансовой системы. Чем

больше развивается глобализация в мировых финансах, тем больше должны быть дисциплинированы все участники мирового рынка капиталов¹. Проблема новой международной финансовой архитектуры превратилась в актуальнейший предмет научных исследований и дискуссий, а также реальной экономической политики ведущих стран мира. Так, в 1999 г. в своем ежегодном докладе Совет экономических консультантов при президенте США рассматривал финансовые вопросы фактически во всех разделах, а заключительная, седьмая глава специально посвящалась анализу международной финансовой архитектуры наступающего века².

25 февраля 1999 г. профессор Калифорнийского университета (Беркли) Бэрри Эйхенгрин представил в Вашингтоне свою книгу «Навстречу новой международной финансовой архитектуры: практическая постазиатская повестка дня», в которой он рассматривает целый комплекс вопросов функционирования мировой финансовой системы, делая упор на повышении роли регулирующих институтов и ослаблении эффекта стихийного развития событий во всех сегментах мирового финансового рынка. Б. Эйхенгрин приходит к выводу, что в сложившихся современных условиях Международный валютный фонд должен «стать менее пожарным и более полицейским»³.

За словами о «новой архитектуре», о предотвращении нарушений «правил поведения» в мировых финансах вместо «эффективного тушения» стихийно возникающих «пожаров» можно рассмотреть явное стремление мирового сообщества взять под коллективный контроль разгул рыночной свободы. Образно говоря, в бушующем мире мировых финансов без маяков и лоцманов не обойтись. Рыночный компас, нацеленный на частный интерес, не всегда указывает надежный курс как отдельным финансовым институтам, так и всему финансовому сообществу. По существу, мы сегодня наблюдаем настройку нового механизма функционирования мировой экономики, что, безусловно, отражается на каждой национальной экономике, включая и российскую.

К числу важнейших экономических процессов, набирающих силу в современном мире, относится поиск вариантов компенсации невозможности решить наступающие проблемы на чисто ры-

¹ Подробно «Кодекс надлежащей практики по обеспечению прозрачности в денежно-кредитной и финансовой политике: декларация принципов МВФ», см. в Вестнике Банка России. № 83, 1999. С. 3—12.

² См.: Economic Report of the President. 1999. P. 267—305.

³ Цит. по: IMF Survey. 1999. March 22. P. 87.

¹ The Economist. 1999. November 27. P. 134.

² Вестник Банка России. 2001. № 66—67. С. 7.

ночной основе. Мы являемся свидетелями необычного явления, когда впервые в истории человечества рыночные принципы стали глобальными и нет ни одной страны, в которой бы рыночная мотивация полностью игнорировалась, и в то же время появляется все больше сфер хозяйства и сегментов общества, где рынок обнаруживает свою неэффективность и даже неспособность обеспечивать оптимальное распределение и использование различных ресурсов. Как в национальном, так и в международном масштабе получает гражданство смешанная экономика, сочетающая рыночные подходы с нерыночным инструментарием и формами хозяйственной жизни. Можно сказать, что XXI в. — это одновременно и зенит славы рынка, его мирового господства и точка перелома к все большему применению нерыночных критериев развития. По выражению всемирно известного финансиста Дж. Сороса, рыночный фундаментализм стал «господствующей предвзятой идеологией»¹. Скрупулезный анализ современного мирового развития приводит автора к выводу: «Я рассматриваю нездоровую замену подлинно человеческих ценностей денежными. Я подхожу к мировому капитализму как к незавершенной и искаженной форме открытого общества»².

Разумеется, Россия в своем развитии, в выработке собственной тактики и стратегии не может игнорировать мировой опыт, заключения видных практиков современного западного общества. Угроза открытому обществу — это также и угроза демократическим основам развития России.

Каждая страна в мире при выборе модели своего развития и реальной экономической политики руководствуется прежде всего своими национальными интересами, не игнорируя складывающиеся мировые тенденции³. При этом, как показывает мировая практика, рыночные принципы, рыночные условия выступают лишь одним из факторов, а не единственным критерием выбора решения.

Рыночная эффективность всегда имеет временные рамки, а потому носит тактический характер. Национальные интересы в своей основе опираются на стратегические цели и должны быть

учтены при обеспечении конкурентоспособности страны на мировом рынке. Усиление международной конкуренции еще более обостряет проблему национальной экономической безопасности. Даже самые продвинутые государства чутко реагируют на любые изменения в мировом сообществе, чтобы вовремя подстраховать свою экономическую безопасность — основу социальной устойчивости и стабильности общества. Все, что служит консолидации общества, не может не отвечать и национальным интересам России.

На рубеже третьего тысячелетия мир вступил в полосу испытаний. Испытываются и рыночные, и социальные, и государственные, и международные институты. Подвергаются испытаниям культурные и исторические ценности и традиции. В этих условиях требуются нетрадиционные подходы к новым проблемам на базе широкого спектра теоретических разработок. Междисциплинарные исследования без односторонней зашоренности могут дать наибольшие результаты.

В полной мере это относится и к финансовой системе. Экономический анализ на основе междисциплинарного подхода как раз и способен дать результаты, которые могут помочь решить накопившейся проблемы и теоретически, и практически. Одна из таких проблем — это фактически полное включение финансовой системы России в мировую финансовую систему при том, что российская экономика лишь продолжает искать свое место в мировом рыночном хозяйстве. Налицо дисбаланс не в пользу российского бизнеса и страны в целом.

Деловой мир вплотную приступил к формулированию и созданию новой архитектуры мировой финансовой системы. Этот процесс не может пройти мимо России. Уже сейчас важно, чтобы повышение эффективности национальной экономики и ее финансовой системы позволило России играть в этом процессе достойную роль.

С одной стороны, среди российских рыночных институтов финансовая система относится к числу наиболее продвинутых и по многим внешним признакам вполне отвечает общепризнанным критериям. Но до сих пор «вес» финансовой системы в экономике России еще не достиг своего оптимального положения. Об этом свидетельствуют, в частности, данные табл. 11.

Разумеется, нет общего для всех стран количественного критерия соотношения отдельных сегментов финансового рынка с размером ВВП. И было бы, наверное, неправильно стремиться достичь по всем показателям представленных в табл. 11 «передо-

¹ См.: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма (Открытое общество в опасности) / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 112.

² Там же. С. XV.

³ Подробно о формулировке национальных интересов России см.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 18 янв. С. 3—4.

виков». Поэтому и здесь, как и в других сферах становления и развития рыночной экономики, России следует исходить из своих интересов, возможностей и стратегических конкурентных целей.

Таблица 11

Емкость финансовых рынков в 2000 г.
(объем — в млрд. долл. США; доля — в %)

Страна	Денежный агрегат M2		Рынок заемных средств		Рынок облигаций всех видов		Фондовый рынок	
	Объем	Доля в ВВП	Объем	Доля в ВВП	Объем	Доля в ВВП	Объем	Доля в ВВП
Россия	55	22	31	12	9	4	39	16
Чехия	37	76	25	50	8	15	11	23
Венгрия	20	44	11	26	13	28	12	26
Словакия	18	94	6	31	2	13	1	4
Польша	68	41	41	26	20	12	31	19
Франция	656	51	942	73	716	55	1475	114
ФРГ	1179	63	2280	122	1178	63	1432	76
Италия	599	56	775	72	941	88	728	68
Голландия	326	89	501	137	197	54	695	190
Великобритания	1570	111	1899	134	565	40	2933	207
Япония	5797	126	5175	112	4967	108	4547	99
США	6084	61	4846	49	10768	108	16635	168

Источник: Building Trust. Developing the Russian Financial Sector. World Bank. Washington, 2002. March. P. 6.

4. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В КООРДИНАТАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Последняя декада XX в. в России ушла на перестроечные переходные процессы. Если общее направление движения — создание основ рыночной экономики и формирование демократического общества — казалось для многих в стране и за рубежом более или менее ясным и понятным, то конкретный механизм перехода и промежуточные цели до сих пор не имеют однозначной оценки ни в среде экономистов, ни в среде политиков, ни среди народа. И за рубежом нет единства в оценке результатов, с которыми Россия встречает новое тысячелетие. Цена демократического вектора движения, по мнению российских и зарубежных спе-

циалистов, оказалась чрезвычайно завышенной, а скорость и эффективность преобразований — наоборот, низкой. Не случайно поэтому и перед государственными мужами в России, и перед академическими исследователями, и перед простыми людьми весьма актуальным стал вопрос — на что ориентироваться стране в своем экономическом развитии. Во всем мире происходит переоценка ценностей. Традиционная рыночная мотивация дополняется множеством целей, обусловленных как современными мировыми процессами, так и обостряющимися национальными особенностями. Можно сказать, что координаты мирового развития теряют накопленную годами историческую устойчивость и все больше становятся подверженными вызовам времени, реакция на которые оказывается малоуспешной, если опираться лишь на традиционные подходы.

Одновекторный выбор и новые вызовы

Решение проблем определения ориентиров трансформации российской экономики может происходить в разных плоскостях, в том числе практической и теоретической. Практический подход в свою очередь учитывает фактор времени и предполагает стратегические и тактические цели. Методология теоретического анализа данной проблемы во многом зависит от того, на каком уровне рассматриваются современные мировые тенденции конкретной экономической политики или в сугубо теоретическом аспекте.

Стратегический вектор движения в прошедшие десять лет оставался неизменным — формирование рыночного механизма развития экономики и демократических основ российского общества. Для нормальных условий десятилетний период — это полный воспроизводственный цикл экономических процессов, когда происходит адаптация структуры национального хозяйства. К изменившимся условиям и завершается создание обновленной базы для общего рыночного равновесия. Однако тактические цели, стоявшие в России в этот период, не сработали на результирующий стратегический вектор и поэтому воспроизводственного цикла не получилось. Оказалось, что в стране еще далеко от завершения формирования единого рыночного пространства. Не снимается проблема дисбаланса между различными видами рынка — труда, капитала, товаров, услуг, сохраняются в большом объеме рудименты нерыночных отношений — бартер, неплатежи и другие, ослаблена наукоемкая составляющая современного развития — НИОКР и фундаментальные исследования, а также новые техно-

логии не востребованы и не поддерживаются. Другими словами, вступая в XXI в., Россия вынуждена существенным образом корректировать свои тактические установки, опираясь уже на реальные результаты прошедшего периода и вызовы времени, которые во многом отличаются от начала 1990-х гг.

Во-первых, мир в целом, с одной стороны, старается обезопасить себя от неожиданностей в финансовой сфере, которые напомнили о себе в 1997—1998 гг., а с другой — все больше настраивается на «новую экономику», когда информационные и другие новые технологии коренным образом изменяют механизм функционирования национальной и мировой экономики.

Во-вторых, перед отдельными странами, включая и Россию, независимо от уровня экономического развития по-новому поднимается вопрос о защите национальных интересов при росте взаимозависимости в современном мире.

В-третьих, изменяются требования к экономической политике, которая должна быть (а) национально-обусловленной, (б) интернационально-ориентированной, (в) социально-скоординированной.

В-четвертых, растут требования к экономической науке вообще и экономической теории в частности. Теоретические выводы, построенные на предшествующих тенденциях и закономерностях, оказываются безоружными перед целым рядом современных явлений. Причем ни одна научная школа, ни одна ветвь древа экономической теории не имеют преимущества перед лицом вызовов наступающего столетия.

В-пятых, универсальная теоретическая рыночная модель экономического развития реализуется в различных национальных моделях и при этом стандарты рыночной экономики в национальном масштабе (независимо от роли и места той или иной страны в мировом хозяйстве) не могут быть механически перенесены на мировое рыночное пространство. Появляется все больше доводов в пользу формирования самостоятельной теории мирового хозяйства на рыночной основе, новой информационной инфраструктуре и технологической базе. Это не означает, что ранее мировое хозяйство было вне поля зрения экономических исследований. Но в наступающее время интернациональный характер экономической теории приобретает адекватную себе почву.

Общемировые координаты развития

Много испытаний перенесло человечество прежде, чем встало на современный путь экономического развития. Конечно, и сегодня нельзя сказать, что по всему миру разные народы и государства удовлетворены достигнутыми экономическими и социальными результатами. До сих пор на земном шаре велик разброс среди стран как по объему валового продукта, так и по выпуску продукции на душу населения и вообще по уровню и качеству жизни.

Однако независимо от распределения стран в *мировом таблице о рангах* можно считать исходной координатой мирового развития *рыночный механизм*, применение которого одновременно предопределяет и *всеобщность* рыночных отношений. Другими словами, рыночная атмосфера стала обязательным условием для экономики подобно тому, как без воздуха не может быть жизни.

Ведущим звеном рыночного механизма является конкуренция. Поскольку в рыночном хозяйстве нормальным состоянием считается открытость национальной экономики и поскольку внешнеэкономические связи все больше занимают место в развитии отдельных стран, постольку именно международная конкуренция, или конкуренция на мировом рынке играет возрастающую роль в рыночном хозяйстве. Отсюда не следует, что национальный рынок, в том числе и российский, должен быть немедленно открыт для международной конкуренции. Но отсюда следует, что критерии конкурентоспособности на мировом рынке *обязательно* должны служить ориентирами для любого национального бизнеса даже в том случае, если нет прямой связи с зарубежными партнерами, ибо в конечном счете в мировом развитии конкурентная планка поднимается на ту высоту, которую берут наиболее эффективные национальные экономики. Усложнение структуры производства, рост в геометрической прогрессии количества наименований товаров и услуг, предлагаемых на рынке, перманентные, революционные изменения в сфере технологии и другие факторы неимоверно усиливают накал конкурентной борьбы, насыщая рыночный механизм все новыми и новыми формами и видами конкуренции. Это обстоятельство ни одной стране, ни одной компании, ни одному предпринимателю, ни одному работнику не оставляет шансов для покоя. *Конкурентная координата* современного развития — самый активный раздражитель и одновременно стимулятор постоянного поиска в изме-

няющейся экономической среде своего места, своего эффективного участия.

Здесь необходимо подчеркнуть, что динамизм и непредсказуемость конкуренции вовсе не колеблют стабильности «правил игры» в рыночном хозяйстве, прозрачность и надежность которых как раз и обеспечивает свободу выбора на всем рыночном пространстве. Более того, сама конкуренция выступает как одно из важнейших и обязательных правил рыночного развития.

Институт частной собственности относится к числу опорных координат современной экономики. Однако, несмотря на широкую распространенность индивидуальной частной собственности, все же экономически господствующей формой собственности надежно и прочно закрепилась *акционерная собственность* во всех странах с рыночными отношениями. Коллективный характер акционерной собственности предопределил распространение *смешанных* форм собственности, когда акционерами выступают и индивидуальные собственники, и компании, и другие акционерные общества, и общественные организации, и государственные структуры. Именно акционерная собственность стала основой закрепления международной смешанной собственности, поскольку многочисленные современные многонациональные или транснациональные компании состоят из акционеров — национальных частных и государственных хозяйственных единиц. Можно вывести из акционерной собственности практическую и логическую связь с постепенным утверждением на базе рыночных отношений экономики смешанного типа, или просто *смешанной экономики*. Если рыночная экономика в чистом виде имеет в своей основе индивидуальную частную собственность, то базой смешанной экономики выступает именно акционерная собственность. Понятно, что в смешанной экономике сохраняются все формы частной собственности, а также немалую роль играет государственная собственность¹.

Однако экономическая роль государства в смешанной рыночной экономике не находится в прямо пропорциональной зависимости от размеров государственной собственности. Между этими параметрами современного развития существует более сложная взаимосвязь, которая нередко предопределяется национальной и исторической спецификой тех или иных стран. Тенденции складываются таким образом, что по мере внедрения со-

¹ Подробно об этом см. отдел 3, п. 7, 8.

временных информационных систем и новых технологий растет ответственность государства за общественный прогресс, что обуславливает повышение роли государства во всех фазах воспроизводства. Не вмешиваясь в предпринимательскую деятельность, государство оптимизирует соотношения интересов бизнеса, общества и гражданина с тем, чтобы свобода выбора на самом деле была свободой для всех, а не для избранных в данный период. Такое положение может быть достигнуто только при демократическом устройстве общества, когда чиновничий аппарат находится под постоянным контролем со стороны общественных институтов. Любой дисбаланс в этой взаимосвязи приводит либо к засилью бюрократии, естественным спутником которой становится коррупция, либо к деформации демократических устоев общества, либо — что является результатом первого и второго — к застою или даже деградации экономики и страны в целом. Как известно, в России поиск национальной модели развития в прошедший десятилетний период застрял как раз на состоянии, при котором ослабленное государство не смогло отстоять интересы страны и, в конечном счете, во многом оказались дискредитированными как рыночные, так и демократические принципы развития. Верх взяли необузданные желания верхушки формирующегося предпринимательства и обслуживающих их групп населения и властных структур.

В этой связи волей или неволей приходится констатировать, что пока ориентирами изменений в России оказались координаты первоначального накопления капитала, а не координаты развития рыночных отношений на рубеже XXI в. Как тут ни вспомнить слова англичанина Т.Дж. Даннинга, написавшего в 1860 г.: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще — не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»¹.

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 770.

Исторические параллели всегда условны. Тем более, если это касается социально-экономических процессов, ибо фактор времени многое модифицирует и адаптирует к соответствующим условиям. И наступило время, когда России уже пора нацеливаться на координаты XXI в., не забывая свои исторические корни, но и не уповая на допотопные формы и методы становления рыночной экономики.

При всех особенностях российской модели развития она не сможет игнорировать такую важную общемировую закономерность как поддержание социальной стабильности общества и максимизация использования человеческого ресурса. Какими бы высокими темпами ни развивался научно-технологический прогресс, главным двигателем и главным потребителем всего нового был и остается человек. Как никогда прежде инвестиции в человека оказываются чрезвычайно прибыльными и тактически, и стратегически. Конкурентоспособность страны и национального бизнеса все больше определяется не агрессивной стратегией расширения рынков сбыта, а наукоемкой составляющей производства, уровнем и квалификацией рабочей силы, качеством жизни населения страны. Опыт развитых стран свидетельствует, что эффективное использование и поддержание человеческого ресурса является важнейшим фактором современного развития вообще и экономического роста в частности. Можно сказать, что социальная стабильность и человеческий потенциал — основные предпосылки для решения всех без исключения проблем современного общества. И хотя рыночная мотивация и частная собственность в приоритете интересов на первое место выдвигают интересы индивида, характер человеческого прогресса в наступающем столетии таков, что без гармонизации интересов общества, прав и свобод человека, интересов бизнеса никакое движение вперед невозможно. Это явление также можно отнести к общемировым координатам развития.

Ранее казавшиеся неисчерпаемыми (особенно в России) природные ресурсы требуют к себе нового отношения, которое, с одной стороны, предполагает внедрение технологий по повышению эффективности использования минерального сырья и одновременно уменьшения зависимости от него, а с другой — наращивание усилий по защите и сохранению окружающей среды как достояния всех людей Земли. Известно, что сам по себе рыночный механизм относится безразлично ко всем факторам производства, включая человеческий и природный. Поэтому только общество в

состоянии преодолеть индивидуальный и национальный эгоизм, примирить конкурирующие интересы ради общего блага. Как видно, рыночный вектор движения экономики все больше начинает складываться в рамках по существу *нерыночных* координат.

В последние годы фактически ни одно явление в общественной жизни и экономической деятельности не рассматривается без информационных технологий, без современного состояния информационной базы. Качественное изменение информационной составляющей вносит радикальные изменения как в реальные процессы, так и в их теоретические обобщения. Не случайно поэтому все чаще предлагается называть формирующееся устройство информационным обществом. Конечно, подобные заключения в большей степени относятся к развитым странам. В «Коммюнике совещания «группы восьми» на Окинаве 2000 года», в частности, отмечается: «Мы ясно сознаем, что процесс глобализации и быстрые темпы развития информационной технологии порождают различные опасения. Нам необходимо принять соответствующие меры с тем, чтобы внести успокоение в умы людей»¹. В этих условиях Россия нуждается не в успокоении, а в резком наращивании своего участия в мировом информационном процессе, который выступает одновременно и внутренним, и внешним факторами национального подъема.

Пока информационный глобализм усиливает позиции в мировом сообществе развитых стран и прежде всего США. В мировой экономике формируется «новый монополизм». И с этой точки зрения правы те исследователи, которые утверждают, что в создавшихся условиях «конкуренция вырождается»². Вместе с тем при этих же обстоятельствах возникают совершенно новые сферы для конкурентной борьбы, что неизбежно ведет к обострению международной конкуренции, появлению ее новых форм и методов. Как нередко бывало и прежде, новые явления не относятся к черно-белым процессам, а «излучают» гамму всего цветового спектра. Важно здесь не набор цветов, а то, что координата информационных технологий фактически уже стала опорной среди всех координат социально-экономического развития XXI в. Иначе говоря, информационные технологии и перестроенная на их основе экономика становятся той точкой опоры, опираясь на которую Россия может изменить себя и изменить свое место в мире.

¹ Цит. по: Независимая газета. 2000. 26 июня. С. 6.

² Эксперт. 2000. № 38. С. 6.

Координаты мирового развития не застыли, а динамично изменяются в соответствии с вызовами времени. Поэтому всем странам, в том числе и развитым, приходится сверять свои приоритеты с новыми условиями. У России более сложная задача. Не завершив еще перевод экономики на рыночные рельсы, наша страна вынуждена сразу формировать свою модель, которая должна смотреть в будущее. Только при таком подходе к своему настоящему и будущему Россия получает шансы реализовать весь свой потенциал и использовать достижения мирового сообщества. Однако опыт развитых стран в XX в. и сегодня актуален для России. Как предупреждение звучит сегодня вывод Дж. Кейнса, который он сделал в 1936 г.: «До сих пор пока миллионеры находят для себя удовольствие в постройке громадных особняков, где они содержат свою плоть, пока живы, и пирамид, чтобы укрыть ее там после смерти, или, каясь в грехах, воздвигают соборы или одаривают монастыри и заграничные миссии, тот день, когда изобилие капитала станет препятствием для изобилия продукции, может быть отсрочен»¹. Пока в России отсрочено решение и многих других, чрезвычайно важных и судьбоносных для страны проблем.

5. ОПТИМИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА

В современном мире и современной экономической теории есть немало причин для пристального внимания к экономической роли государства. Прежде всего, сам факт всемирного распространения рыночных принципов поставил в повестку дня вопрос об изменении поведения государства как в национальном, так и в глобальном масштабах. Вместе с тем на рубеже третьего тысячелетия возникли или обострились такие проблемы (как глобальные, так и национальные), которые могут быть решены или ослаблены лишь при активном государственном участии². Что же

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. С. 289.

² В последние годы появилось немало работ зарубежных и российских авторов, непосредственно анализирующих эволюцию экономической роли государства в постоянно изменяющемся мире. Об этом см., например: Государство в меняющемся мире (Отчет о мировом развитии 1997 г.) / Пер. с англ. М.: Прайм-Тасс, 1997; Государство и рынок: американская модель / Под ред. М.А. Портного, В.Б. Супяна. М.: Анкил, 1999; Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. М.: ТЕИС, 1998; США на рубеже веков. Разд. IV. М.: Наука, 2000. Россия—2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999; Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. М.: МОНФ, 2000. The Future of the State — a Survey of the World Economy // The Economist. 1997. September 20; World Economic and Social Survey 2000. Ch. VIII. N.-Y.: United Nations, 2000.

касается России и других бывших социалистических стран, то здесь научный и практический интерес к анализу экономических функций государства связан с поиском оптимальной роли государства как в трансформационных процессах, так и в становлении новой модели национального развития. Остановимся на тех сторонах предмета изучения, которые до сих пор либо мало рассматривались, либо вызвали наибольшие спорные суждения.

О подходах к анализу проблемы

Среди многочисленных подходов к анализу экономической роли государства в современной рыночной системе можно выделить три наиболее существенных. Во-первых, это рассмотрение проблемы с позиций мирового хозяйства, его современной структуры, тенденций и закономерностей. Этот подход предполагает исследование экономических функций государства в рамках общей экономической теории, включая ее составные части, направления, программы.

Во-вторых, раскрыть тему важно на национальном уровне, то есть на уровне отдельных стран. Для нас крайне необходимо выявить специфику российского перехода от плановой к рыночной экономике. Выражаясь иными словами, теоретически обосновать и определить конечные позиции движения от всеобщего огосударствления к оптимальному государственному хозяйству и стабилизации рыночного развития.

В-третьих, нельзя не видеть, что ни в одной современной развитой стране не существуют чисто рыночные отношения. Фактически как в национальном, так и в мировом масштабах сложилась смешанная экономика. Поэтому сегодня, когда речь идет о рыночной системе, то на самом деле следует иметь в виду как раз смешанную экономику. А это значит, что чисто рыночные критерии и механизмы не действуют и не могут действовать, ибо любое национальное хозяйство опирается на многообразие форм собственности и видов предпринимательства, на сочетание различных видов экономического регулирования — рыночного, корпоративного, государственного, международного, когда государство выступает одновременно как органичный элемент данной системы, так и гарант существования и функционирования всей системы.

В этой связи с учетом вышеизложенного корректно было бы рассматривать исследуемую нами тему как «государство в смешанной экономике». Термин «смешанная экономика» имеет мно-

го смыслов, но в экономической литературе он закрепился за определением такой экономической системы, основу которой составляют рыночные отношения и частное предпринимательство при одновременном наличии многих других институтов, главным из которых является государство. При этом важно обратить внимание на своеобразие функций как рынка, так и государства в процессе становления и развития смешанной экономики.

Известно, что при анализе рыночной экономики рассматриваются и сферы, где имеют место так называемые «провалы рынка», то есть неспособность или ограниченность рыночных принципов решать определенные проблемы экономики и общества. В свою очередь при исследовании уже смешанной экономики, где государству отводится не последняя роль, наступает пора анализировать так называемые «провалы государства», когда выявляются сегменты экономики, в которых эффективность государственного присутствия ниже рыночной мотивации соответствующей деятельности.

Отсюда следует, что если исходить из того, что современная рыночная экономика — это смешанная экономика, то ракурс рассмотрения роли государства опирается не на принцип его «вмешательства» в хозяйственную жизнь, а на фактор органичного включения государственных институтов в социально-экономические процессы. Фактически на рубеже нового столетия частью предмета экономической теории и других экономических наук становится не «вмешательство государства в экономику», а его экономические функции и в связи с этим возможные «провалы государства».

Параметры анализа: расставание с шаблонами

Часто, когда речь идет о рыночной экономике, мало исследуются вопросы собственности. Обычно считается, что частная собственность сама по себе все расставляет по местам и частный интерес в любом случае, в конечном счете, сохраняет роль движущего мотива. Получается, что учитывается как бы всего две формы собственности — государственная и негосударственная. Причем первая из них напрямую связывается с экономической ролью государства, а вторая — с чисто рыночным механизмом. Налицо упрощенный, своеобразный двухцветный, черно-белый подход к сложившейся проблеме собственности в системе рыночной экономики.

На самом деле многообразие видов и форм бизнеса и предпринимательства опирается на «многоцветье» форм собственности, где негосударственная собственность представлена и индивидуальной частной, и коллективной, и акционерной, и разнообразной смешанной. В каждой стране существует своя национальная модель экономики, которая как раз и основывается на своем специфическом сочетании различных форм собственности. При этом нет прямой зависимости между размером государственной собственности и объемом экономических функций государства. Так, в американской модели государство почти не владеет основными факторами производства, а в европейской модели государству принадлежит немало собственности, но хорошо известно, что в США государство играет весьма высокую роль в экономике, которая по ряду параметров превосходит роль государства в европейской модели развития.

Иными словами, при исследовании роли государства в рыночной системе нельзя пользоваться какими-то шаблонами или стандартами, ибо экономические функции государства зависят от многих факторов и реализуются по многим направлениям.

Одним из таких направлений является механизм функционирования национальной экономики. В рыночной системе или смешанной экономике ключевыми звеньями такого механизма являются рынок и конкуренция. Но чтобы и рынок и конкуренция проявили себя в полной мере, они должны иметь надежную защиту государства от любых монопольных или иных популистских попыток изменить на их роль. Значит, государственные институты должны быть достаточно сильными и действенными, чтобы справиться с задачей поддержания в эффективном состоянии рыночного механизма. Вместе с тем выполнение подобной задачи может быть достигнуто, если налажены регулирующие государственные рычаги, которые не опутывают рынок и конкуренцию, а дополняют их. В результате хозяйственный механизм современной смешанной экономики выступает как единое целое, состоящее из рынка, конкуренции и нерыночного регулирования, которое в свою очередь представляет собой корпоративное и государственное регулирование.

Особое место принадлежит государству в процессе развития национальной экономики, стимулирования экономического роста, защите национальных интересов в масштабе мирового хозяйства, где в последние десятилетия набирают темпы интеграционные объединения. Экономическая политика может быть ней-

тральной, может быть ускорителем, а может и провоцировать застойные или кризисные явления в национальном хозяйстве. Именно поэтому от государственной экономической политики во многом зависят не только условия функционирования бизнеса, но и решения проблем развития как экономики в целом, так и каждого предпринимательского дела. В этой связи вполне закономерно возникает вопрос: может ли быть у слабого государства сильная и эффективная экономическая политика? На первый взгляд риторический вопрос для условий переходной экономики имеет вполне нериторическое звучание.

Государство в экономических координатах

Из истории развития государства и рыночной экономики во всей очевидностью обнаруживается тенденция изменения государства в соответствии с различными этапами развития общества и хозяйства. Сама по себе природа государства многогранна и многоаспектна. Если же посмотреть на государство со стороны его экономических функций, то нетрудно видеть, как эти функции адаптируются к требованиям времени, как они зависят от реальных проблем, решаемых национальной и мировой экономикой. Иначе говоря, когда мы отмечаем, что мир в начале XXI в. мало похож на себя в начале и даже середине прошлого столетия, то в немалой степени подобная оценка относится и к государству — будь это в США, Японии, Франции, Бразилии или иной стране. Государство не может стоять на месте. Оно развивается вместе с обществом и экономикой. Если такой своего рода пропорциональный динамизм имеет место, то представители различных экономических школ или политических течений дискутируют не о государстве вообще, а о содержании и формах его экономической политики. В других случаях разгораются споры о размерах государства, его неэффективности и даже паразитизме. Все это периодически проявляется во время избирательных кампаний или на разного рода мероприятиях научной общественности.

Если в современных условиях обнажить проблему государства, то ее можно рассматривать по меньшей мере с трех сторон. Во-первых, государство как собственник. Во-вторых, государство как предприниматель. В-третьих, государство как гарант рыночной системы и демократического устройства общества. С чисто экономической точки зрения все эти стороны так или иначе выражаются в том, насколько государство участвует и способствует

перераспределению или созданию стоимости в национальной экономике. В нормальных, не кризисных условиях государство причастно и к созданию, и к перераспределению стоимости, ибо оба эти процесса составляют обычное воспроизводство и обусловленный им экономический рост.

Выше нами уже отмечалось, что в развитых странах государство проявляет себя по-разному в роли собственника или предпринимателя. Более того, размер государственной собственности часто не соответствует объему предпринимательской деятельности государственных институтов, ибо государственная собственность порой реализуется вне сферы предпринимательства, хотя в конечном счете и служит созданию благоприятных условий для этой сферы. Однако во всех без исключения странах, во всех национальных моделях рыночного развития государство обязательно играет полновесную роль стабилизатора рыночной системы. Подобная сторона государства окончательно сформировалась как раз в XX в. и в наступившем столетии рыночное развитие в любом «национальном мундире» без защиты и поддержки государства обойтись не может.

Следовательно, устойчивость рыночной системы почти на сто процентов зависит от комплекса всех действий государства (кредитно-денежная политика, налоговая система, правовая система и т.п.), направленных на эффективное развитие национальной экономики. В последние годы при оценке экономики на первый план стали выходить социальные индикаторы — уровень занятости и безработицы, динамика реальной заработной платы, уровень жизни населения и т.п. Социальный климат стал предопределяющим для экономической атмосферы. Поэтому конечный результат национального развития на определенное время — это и есть критерий оценки его государства, экономической политики государственных мужей.

Государственные высоты — стремление к эффективности

В отечественной экономической литературе и среди зарубежных специалистов по нашей стране развернулась острая дискуссия о путях выхода России из кризисного состояния. Не случайно в центре споров оказалось государство, его роль в трансформационном процессе, его стратегическая и тактическая экономическая политика. Понятно, что переход от плановой к рыночной, смешанной экономике отличается от функционирования сложившейся рыночной системы хозяйства. Однако и в том, и в другом

случаях, как свидетельствует теория и показывает опыт других стран, государство не может занимать пассивную позицию. Между тем российская действительность последних лет как раз и отличалась пассивным созерцанием государства на происходящие изменения.

Не случайно поэтому многие убеждены, что коренное изменение дел в нашей стране возможно лишь при условии принятия государством большей ответственности за трансформационный процесс. Правда, широко распространенные злоупотребления государственных чиновников всех уровней не вселяют оптимизма ни предпринимателям, ни банкирам, ни мелким бизнесменам, ни даже простым гражданам, когда речь заходит о повышении роли государства. Хотя в то же время мало найдется таких, кто не согласится с утверждением, что слабое государство — это питомник для теневой экономики, которая в свою очередь становится базой для криминала со всеми его негативными последствиями.

Повышать роль государства — это фактически уменьшать роль чиновников, ибо это значит повышать роль и действенность законодательной базы экономического развития. Повышать роль государства — это значит способствовать экономически эффективной его деятельности на пути управления существующей собственностью, что вовсе не предполагает роста размеров самой собственности в руках государства. Повышать роль государства — это значит наладить настоящий рыночный механизм экономики, оптимально сочетающий сильную конкуренцию и достаточное регулирование. Повышать роль государства — это сформировать социальные стабилизаторы общественного развития. Повышать роль государства — это способствовать защите национальных интересов при расширении мирохозяйственных связей. И, наконец, повышать роль государства — это, с одной стороны, на самом деле включить его в рыночную атмосферу, а с другой — поднять его на уровень олицетворения российской нации.

Никто не обвиняет американских ученых в национализме или необоснованной любви к своей стране, когда они в своих научных трактатах и учебниках активно пишут об исключительности «американского образа жизни», о защите американских интересов во всех уголках земного шара, об оригинальности и исключительности американской рыночной модели развития, постоянно сопровождая декларациями о неограниченных свободах для личности и бизнеса. И если другие страны, в том числе и Россия,

встали на рыночный путь развития в иных исторических и экономических условиях, то отсюда вовсе не следует, что мы не можем выстраивать свои приоритеты и формировать свою национальную модель экономического развития при условии защиты *своих национальных интересов*. Ни в США, ни в России, ни в любой другой стране рыночная мотивация сама по себе не является гарантом решения всех проблем. И особенно это ощущается сегодня, когда на старте XXI в. глобализация рынка и конкуренции объективно выводит все страны на остро конкурирующее поле, где национальное государство становится решающим фактором устойчивости и национального бизнеса и своего народа в мировом сообществе и мировом хозяйстве.

Нельзя не заметить, что и во всемирно известном учебнике первого американского нобелевского лауреата по экономике профессор П. Самуэльсона, который в 2001 г. вышел уже семнадцатым изданием, неоднократно рассматривается экономическая роль государства в современной экономике¹. И в других современных монографиях не менее известных американских ученых роль государства анализируется не по принципу противопоставления рынку, а на пути поиска эффективного взаимодействия обоих перед лицом проблем современного и грядущего экономического развития². Постепенно освобождаются от комплекса «неполноценности» и те российские исследователи, которые совсем недавно при малейшем упоминании российской специфики в построении рыночной модели и включении государства в нее гневно возмущались, обвиняя оппонентов в квасном патриотизме. Не случайно поэтому в отечественной литературе появляется все больше различных проектов вывода России из кризиса³.

¹ Samuelson P., Nordhaus W. Economics. 17th Ed. N.-Y., 2001. P. 35—45 and others.

² Kuttner R. Everything for Sale: The Virtues and Limits of the Market. — Chicago, 1999; Alstoft A., Ackerman B. The Stakeholder Economy. New Haven, 1999.

³ См., например: Г. Попов. О модели будущего России // Вопросы экономики. 2000. № 12. Комплексный анализ данной проблемы представлен в книге Абалкин Л.И. Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001.

6. НАЦИОНАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ: ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Современное социально-экономическое развитие России — это многофакторное и многоаспектное явление. Теоретический анализ позволяет выделить несколько аспектов исследования, которые в своей совокупности, с одной стороны, не искажают реальную картину происходящих событий, а с другой — позволяют вычленить ключевые элементы российских рыночных преобразований. Среди многочисленных публикаций в отечественной и зарубежной литературе, посвященных итогам десятилетнего переходного периода в России и ряде других стран, выделяется только что вышедшее исследование Всемирного банка «Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза»¹. Используя, в частности, и отдельные выводы указанного фундаментального доклада, а также и другие источники, можно предложить следующую логику и структуру анализа.

Во-первых, представить общетеоретическую модель рыночной экономики, которая в известном смысле выступает как идеальный вариант, не зависящий от научных парадигм и политических пристрастий.

Во-вторых, раскрыть те специфические черты России, которые при любом варианте событий неизбежно оказывают свое влияние и формируют «национальный мундир» как перехода к рынку, так и самого рыночного развития.

В-третьих, остановиться на реальных результатах прошедшего десятилетия, политико-экономически оценить ту атмосферу, в которой сегодня находится наше общество и экономика.

В-четвертых, сформулировать теоретическую основу назревших изменений и выверить вектор преобразований в рыночных координатах.

Рассмотрим указанные направления в предложенной последовательности.

¹ Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2002.

Теоретические контуры рыночной модели

Наверное, было бы излишним в научном исследовании подробно останавливаться на азбучных истинах, которые хорошо усвоены не только студентами-первокурсниками экономических вузов, но и в значительной мере известны и широкой общественности. Поэтому в расчете на подготовленного читателя здесь можно ограничиться лишь контурами рыночной модели. Это тем более допустимо, что основные черты теоретической рыночной модели мало чем отличаются в рамках различных экономических парадигм.

Безусловно, конституирует рыночное развитие *частная собственность*. Исторический опыт развитых стран показал, что развитие частной инициативы и индивидуальной предприимчивости далеко продвинуло экономику и привело к эволюции собственности. Современная рыночная модель опирается на сочетание индивидуально-частной, партнерски-частной, акционерной, государственной и смешанной форм собственности. И хотя по-прежнему наиболее распространенной является индивидуальная частная собственность, экономически господствующие позиции заняла *акционерная собственность*. Поэтому можно сказать, что ведущей, наиболее эффективной для современных производительных сил и технологий является *акционерная собственность*. Это обстоятельство становится решающим при формировании институциональных основ рыночной модели, где институт собственности выступает как сочетание различных форм собственности, в свою очередь являющихся базой для различных форм предпринимательских структур — от индивидуального предприятия до партнерств, акционерных обществ, совместных и других предприятий. Получается, что по формам собственности и по формам предпринимательства рыночная модель имеет *смешанную* основу, не теряющую при этом частные корни.

XX в. расширил основу рыночной модели. Хотя в передовых странах на малый бизнес, индивидуальные предприятия приходится до 70% от числа всех предпринимательских единиц в стране, но пальму лидерства в экономике несут именно *акционерные общества*, на долю которых приходится львиная часть ВВП и национального дохода. Эти выводы подтверждаются статистическими данными по всей группе развитых стран.

Всех агентов экономики объединяет *единое рыночное пространство* страны, где одинаковые для всех «правила игры» от-

слеживают и поддерживают особые государственные институты. Единое рыночное пространство опирается на конкурентный механизм, который пронизывает систему рынков — рынок товаров, рынок капитала, рынок труда, рынок услуг, рынок информации и других рынков. И хотя все рынки переплетены и взаимосвязаны, каждый из них имеет свои особенности функционирования. К примеру, особой автономией отличается финансовый рынок, где движение фиктивного капитала нередко приобретает самодовлеющее значение, напрямую не связанное с движением реального капитала. Эта сторона финансового рынка особенно усилилась в связи с активным использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Поэтому, несмотря на органическое единство рынков, их динамика не совпадает. Это, в частности, провоцирует кризисные явления в экономике и сохраняет циклическую форму воспроизводства и экономического роста.

Сам по себе рынок не в состоянии поддерживать конкуренцию. Поддержание и стимулирование конкуренции в экономической сфере — функция государства. Борясь с монополией, отстаивая конкуренцию, государство находится и в рамках рыночной модели, и вне ее, гарантируя стабильность рыночной системы в целом. Поддержка стабильности играет не меньшую роль, чем защита конкуренции. От выверенной, активной роли соответствующих государственных институтов зависит и социальный климат в стране, и устойчивость финансовой системы, и прозрачность фондового рынка, и оптимизация открытости национальной экономики в мировом хозяйстве, и расширение значимости общественных благ — особенно в сфере услуг, образования, науки, здравоохранения, культуры; и создание правового поля на предпринимательской арене в связи с развитием интеллектуальной собственности в условиях бурной экспансии новых средств информации и коммуникации, и очень многое другое. Поэтому даже в теоретической рыночной модели государству принадлежит важнейшая роль сохранения самой рыночной системы путем выражения *общих, или общественных интересов*. Ни один частный бизнес, каких бы гигантских размеров он ни достиг, по своей природе не может проигнорировать свои собственные интересы и взвалить на себя интересы всего общества.

В рыночной системе общественные интересы — это защита общества и каждого гражданина, это обеспечение уверенного плаванья в бушующем конкурентном море мирового хозяйства «общей лодки», в которой находятся все граждане страны.

Однако с такими обязанностями государство может справиться только в том случае, если оно является частью демократического общества. В таком обществе наряду с рыночным механизмом налажен демократический механизм контроля за государственным аппаратом, а судебная система обеспечивает правовую защиту всем в соответствии с существующими законами.

Получается, что государство может стать одним из институтов рыночной модели, если оно является прежде всего институтом демократического общества. Так происходит во многих передовых странах. Правда, история человечества, как известно, богата исключениями. Были случаи, когда государство поддерживало частную собственность и рыночное развитие, но при этом преследовало любые демократические начала. Такое состояние не могло продержаться долго. И, в конечном счете, объективные закономерности проложили себе дорогу, связав рыночную модель с демократическим устройством.

Оставаясь в рамках экономической теории, трудно представить действующую рыночную модель, если не указать для этого множество различных предпосылок. В действительности (что также анализируется теоретически) любая рыночная модель реализуется под воздействием как экономических, так и неэкономических факторов. Причем по мере возрастания сложности экономического развития той или иной страны роль неэкономических факторов возрастает, ибо рыночная модель экономики — это не самоцель, а средство повышения благосостояния людей и укрепления демократических принципов как в обществе в целом, так и во всех звеньях человеческой деятельности. Контроль общества и социальная ответственность каждого вынуждают и бизнес, и чиновничество государственных учреждений считаться с общественными интересами, гармонизировать частные интересы и интересы страны.

Особо следует обратить внимание на ту сторону теоретической рыночной модели, которая, на первый взгляд, размывает ее «рыночную чистоту», так как по различным параметрам представляет ее как модель «смешанной экономики». Это относится и к сочетанию различных форм собственности и предпринимательства, и к взаимосвязи различных по сути и масштабу видов регулирования — рыночного, корпоративного, государственного, международного, и к повышению значимости общественных интересов — экономических, культурологических, национальных и других — в выборе стратегии и тактики развития страны, да и просто

в механизме функционирования экономики. Индивидуальный, частный интерес сохраняет свою роль как источник необходимых обществу инициативы и предприимчивости. Поэтому когда речь идет о рыночной модели экономики, то и теоретически, и фактически в наше время имеется в виду «модель смешанной экономики», стержнем которой является именно рыночная модель, сохраняющая все атрибуты рыночного развития и функционирования, но не в условиях необузданной конкурентной стихии, а с учетом требований человеческой цивилизации XXI в.

Особенности российского пути

Многовековая история рыночного развития позволила не только выявить общие закономерности и сформировать общетеоретическую рыночную модель, но и раскрыть специфику использования рыночных принципов в каждой стране. Действительно, если бы экономический успех зависел только от того, что народное хозяйство развивается по рыночным законам, то сегодня практически все человечество находилось бы в состоянии социального и экономического расцвета. По официальным данным международных экономических организаций, из 6 млрд. населения Земли 5,8 млрд. человек в той или иной степени вовлечены в рыночные отношения. Однако по последней классификации Международного валютного фонда к числу передовых отнесено всего 29 стран, а остальные — это развивающийся мир и страны с переходной экономикой¹. Причем на долю передовых стран приходится всего 15,4% населения Земли, но в то же время они производят 57,1% ВВП всего мира, посчитанного по паритету покупательной способности национальных валют. Громадная масса людей, которые имеют доход на одного человека 1 доллар США или меньше в сутки, продолжает жить в ужасающей бедности. В последнее десятилетие число таких людей сократилось всего на 120 млн. человек за счет экономического роста в основном в КНР и Индии². Однако разрыв между бедными и богатыми странами продолжает возрастать. Причем в разряд беднейших государств попали и ряд бывших республик СССР³.

Не имея возможности вдаваться во все детали происходящих явлений, все же нельзя избежать общего вопроса — каковы при-

чины громадных различий в результативности рыночных основ экономики. Среди множества вариантов ответов на этот вопрос можно, по меньшей мере, выделить два. Во-первых, исторический опыт стран и их современное развитие подтверждает, что нет единственной, стандартной рыночной модели, которая бы отвечала условиям всех и каждой страны. Во-вторых, неэкономические факторы реализации рыночного пути развития в каждой стране имеют много специфики, которая по-разному воздействует на сугубо рыночные, экономические процессы. Даже граждане передовых стран (скажем, к примеру, США, Японии и Германии) хорошо знают, что их страны отличаются друг от друга не только государственным языком, но и рыночным устройством экономики при множестве и других различий.

В этой связи игнорирование особенностей российского пути рыночного развития и навязывания стране некоего «западного» или «восточного» варианта выглядят с практической точки зрения как элементарное пренебрежение уроками самой современной истории, а с теоретической точки зрения — как оперирование абстрактными конструкциями, внедряемыми в живую ткань общества, а потому и им не воспринимаемым. Не случайно специалисты Всемирного банка, анализируя современное развитие в свете глобализации, отмечают: «Соединенные Штаты являются крупнейшей и по некоторым показателям наиболее успешной экономикой на земле... Но это не единственная модель для успеха»¹. По мнению авторов данного исследования, такие государства, как Австрия, Бельгия, Дания, Япония и Норвегия, имеют примерно такой же, как в США, уровень жизни населения, и они обеспечивают эффективный климат для частной экономической активности уже много лет. Однако эти пять высоко развитых и обеспеченных стран также «не конституируют какую-то общую модель»². Далее в докладе делается общий вывод, что «успешная глобализация вовсе не требует адаптации к единственной, стандартной институциональной модели»³.

В цитируемом докладе Всемирного банка обращается особое внимание на те неэкономические факторы, которые оказывают существенное влияние на реализацию различных рыночных национальных моделей. Четвертая глава исследования так и называ-

¹ World Economic Outlook. Washington: IMF, 2001. October. P. 185.

² Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy. Washington, N.-Y.: World Bank, Oxford University Press, 2002. P. 2.

³ Переходный период. С. 1—4.

¹ Globalization, Growth, and Poverty. P. 15.

² Ibid. P. 122.

³ Ibid. P. 123.

ется «Власть, культурная и окружающая среда»¹. Для международного признания и понимания нашей позиции можно использовать методологические подходы специалистов Всемирного банка для анализа российской модели рыночного развития и факторов, ее определяющих.

Как и любая другая страна, Россия не только может, но и обязана использовать рыночные рычаги в развитии своей экономики и становлении демократического общества только при глубоко взвешенном и математически смоделированном учете всех своих специфических особенностей. В этих условиях сама по себе постановка вопроса о российской модели рыночного развития выглядит не как нечто с «таежной спецификой» и теоретическими «вывертами», а как вполне нормальная научно-практическая проблема, находящаяся в русле современной экономической науки и смежных с ней областей — в рамках междисциплинарных исследований. Здесь не следует вновь изобретать велосипед, но и от догматичного использования теоретических штампов какой-либо ветви экономического знания, как видно, пользы ждать не приходится.

Остановимся на некоторых специфических чертах российских условий в конце XX в. для рыночного развития.

Прежде всего важно подчеркнуть, что Россия начала переход на рыночные принципы, опираясь на единый народнохозяйственный комплекс национальной экономики, охватывавший всю территорию страны и опиравшийся на соответствующую энергетическую, транспортную и информационную инфраструктуру. Не с чистого листа, а обладая громадным потенциалом, страна выставляла себе рыночные ориентиры. Общество поддержало перемены и поверило в то, что рыночная мотивация приведет к росту эффективности экономики и повышению уже достигнутого на тот момент уровня жизни населения. По многим параметрам стартовая позиция России вполне вписывалась в рыночные вызовы новой эпохи, эпохи глобализации рыночных принципов экономического развития.

Между тем Россия — единственная в мире страна, обладающая самой большой территорией, которая покрывает десяток часовых поясов и имеет практически все природные зоны. Вовлечение всей территории в экономический оборот было одним из результатов советского периода развития. Для страны характерен

также многонациональный состав населения, этнические группы которого проживают, как правило, на исторически закреплённой за ними территории. Ясно, что в условиях рыночного развития сохранение единства страны невозможно без обеспечения единого рыночного пространства на всей территории России. А это невозможно достичь без учета территориального, национально-культурного, социально-исторического и других факторов, которые напрямую не подвластны рыночной мотивации, а нередко и противоречат ей. Снять такие противоречия возможно путем гармонизации общенациональных, общегосударственных и частных интересов, что особенно актуально для российских условий. Одномоментный переход на ориентацию только на частные интересы неизбежно приводит (о чем свидетельствует опыт российского переходного периода) к формированию угрозы целостности страны, созданию основ для противоречий между 89 российскими регионами, появлению признаков рыночной дезинтеграции.

Вместе с тем само геополитическое положение России, по существу выступающей связующим звеном между Востоком и Западом, Севером и Югом, дает несомненные преимущества стране в ее рыночном развитии. Однако ни те, ни другие факторы автоматически не включаются в рыночный процесс и предполагают национальный консенсус для своего использования.

Нельзя забывать также, что структура экономики и хозяйствующих субъектов допереходной России носили *смешанный характер*, несмотря на тотальное господство государственной собственности. Поэтому с самого начала рыночное строительство могло разворачиваться как построение не *чисто рыночной модели*, а *модели рыночной смешанной экономики*. Тем самым объективно ставилась задача, адекватная не условиям XIX в., а реалиям конца XX в., когда все развитые страны фактически имели *смешанную экономику* на прочной рыночной основе.

Особую роль в механизме функционирования российской экономики до 1991 г. играла партийная доминанта. Фактически именно этот неэкономический фактор обеспечивал сочетание индивидуальных и общественных интересов в пользу последних, а через партийные структуры поддерживалось состояние контроля и ответственности по горизонтали и вертикали в обществе и экономике. Обычно партийная составляющая как политический элемент не подвергается исследованию в экономических работах, даже если они относятся к России. Но без партийной дисциплины не было бы и советской экономики. Поэтому когда не стало

¹ Globalization, Growth, and Poverty. P. 121—144.

партийного принуждения, в общественных отношениях возникла пустота, которая долгое время держала экономику в стопоре, ибо важнейшие черты *ответственности* бизнеса и государства перед обществом, обычные для нормальных демократических условий, на время оказались отодвинутыми из практики российских рыночных преобразований. И в этом также проявилась особенность российского пути к рыночной экономике.

Реализм достигнутого и надежда на будущее

Позади десятилетний период перехода России на рыночный механизм экономического развития. Для экономических процессов десять лет — это время нормального воспроизводственного цикла, когда происходит адаптация народного хозяйства и отдельных производителей и потребителей к изменяющимся условиям, к обновлению основных средств, технологий, новым требованиям к персоналу, когда утверждается новая структура экономики, отвечающая вызовам наступившего времени. Переходный период по своей природе кардинально отличается от нормального воспроизводственного цикла. Его «аномалия» состоит в том, что это — изменение не внутри устоявшейся системы, а переход от одной к другой системе организации народного хозяйства. Поэтому здесь не может быть воспроизводственного цикла в чистом виде, но вполне могут быть варианты трансформации, среди которых, *во-первых*, есть такие, которые максимально учитывают особенности национальной экономики и страны в целом, и *во-вторых*, что связано и с первым обстоятельством, предполагается выбор пути с наименьшими издержками для общества и минимизацией потерь для страны. Подобные рассуждения имеют смысл, когда они находятся в экономическом контексте. Если же в переходный период «правит бал» *политическая целесообразность*, то главным становится принцип — «любой ценой» сделать события необратимыми. Понятно, что при выдвижении на передний план политических мотивов и целей оценка самих трансформационных процессов и их результатов в рамках экономических и социальных координат приобретает условный, подчиненный характер. Поэтому с самого начала нельзя не отметить, что движущими факторами российского переходного периода оказались *неэкономические* факторы. Не случайно при таких обстоятельствах экономическая эффективность принималась во внимание преимущественно только через призму частного интереса лиц, оказавшихся

в разной степени организаторами приватизационных и других переходных процессов.

Если сосредоточиться на экономических результатах переходного десятилетнего процесса, то можно констатировать, что все внешние черты рыночной экономики в России сегодня имеются. Страна рассталась с монополизмом государственной собственности, и теперь абсолютное большинство экономических единиц и хозяйствующих субъектов образуют негосударственный сектор экономики, который имеет господствующие позиции во всех отраслях и сферах хозяйства. Значительную роль играют акционерные общества, крупнейшие из которых составляют наиболее активное звено экономики. Причем государство сохранило свою долю в акционерном капитале практически всех ведущих акционерных компаний.

Получила развитие рыночная инфраструктура экономики. К традиционному рынку товаров стали присоединяться рынок капитала, рынок труда, рынок услуг, рынок информации. Система частных банков образовала каркас финансовой составляющей рыночных преобразований. Государство формирует хозяйственное законодательство, чтобы установить адекватные «правила игры» и поддержать конкурентный механизм экономики. Появились государственные институты, регулирующие фондовый рынок и тарифы естественных монополий, обеспечивающие антимонопольную и фискальную политику, выполняющие таможенные и другие функции. Многообразие форм собственности и форм предпринимательства с самого начала придало российской экономике смешанный характер в период рыночной трансформации. Сильное воздействие на внутреннюю конкуренцию оказывают внешняя торговля и внутренняя конвертируемость рубля, когда у населения появился выбор не только на потребительском рынке, но и в сфере сбережений — производить личные накопления в долларах или евро или предпочесть рубли. В конечном счете граждане привыкли к тому, что свои проблемы им перекладывать не на кого и необходимо во всем искать выход самостоятельно. Рыночная атмосфера пронизала не только экономику, но и все сферы жизни общества. И с этой точки зрения можно сказать, что Россия разорвала финишную ленточку переходной дистанции и приобрела формально все рыночные атрибуты.

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на то, что народ России платит высокую цену за поворот к рынку. До сих пор страна по объему ВВП не вышла на уровень 1990 г., по-прежнему жизнен-

ный уровень населения ниже допереходных значений. Упал индекс человеческого развития и застыл показатель качества жизни, что не может не вызывать социальную напряженность в обществе. Даже в г. Москве, где можно наблюдать максимальное для страны продвижение рыночных реформ, 26% жителей имеют доходы ниже прожиточного минимума, а доходы 10% наиболее богатых граждан в 50 раз выше доходов 10% беднейших слоев столицы. Подобная социальная дифференциация порождает немало негативных явлений и в экономике, и в обществе в целом.

Накопились диспропорции в развитии различных рынков. Финансовый рынок резко рванул вперед, в результате финансовый сектор в целом вышел на собственную орбиту развития, оторвавшись от других сегментов экономики. Значительное отставание рынка труда не только не обеспечивает достаточный платежеспособный спрос, но и тормозит развитие внутреннего рынка вообще. В результате многих причин до сих пор не сформировалось полноценное единое рыночное пространство страны, что приводит к экономической обособленности регионов и росту противоречий между ними. Получается, что страна держится в основном за счет того потенциала, который был создан до 1991 г. Однако десятилетняя эксплуатация этого потенциала не формирует пока новых заделов, не создает структуру национальной экономики, адекватную рыночной модели. В результате даже в общих чертах пока не виден *новый* воспроизводственный процесс, наличие которого как раз бы свидетельствовало о создании *собственной* базы для экономического роста на рыночных принципах.

Включение России в полнокровные мирохозяйственные процессы проходит для страны с отрицательной результативностью: при положительном балансе внешней торговли утечка отечественного капитала за рубеж значительно больше, чем иностранные инвестиции в российскую экономику. Такая динамика выгодна мировому хозяйству и конкретным зарубежным партнерам российских компаний, поскольку они получают энерго- и трудоемкие сырьевые, энергетические и другие ресурсы, оставляя за собой лидерство в отраслях высокой переработки и технологий. Фактически по-прежнему лишь природные и энергетические ископаемые позволяют России сохранять свою нишу на мировых рынках.

Несмотря на то, что государство представлено в различных отраслях через государственную собственность или через участие в акционерных обществах, финансово-экономическая основа

функционирования государственных институтов остается довольно суженной, что уменьшает поле для маневра при проведении социальной политики и решении других общенациональных вопросов. Хотя в XXI в. большинство стран мира стремятся вкладывать растущие средства в *человеческий капитал*, поскольку именно от состояния образования, науки, различных форм профессиональной подготовки во многом будет зависеть конкурентоспособность государств на мировой арене, российские власти способны пока выделять на эти сферы мизерные финансовые ресурсы.

Одной из ключевых проблем, от которой зависит настройка экономического и социального организма общества, остается перекос во взаимосвязи интересов индивида, бизнеса и общества в сторону наиболее богатых граждан. Оптимальное рыночное развитие не может происходить без гармонизации соотношения существующих интересов и доходов. Именно благодаря этому обстоятельству в передовых странах большинство населения поддерживало и поддерживает рыночные принципы. Но при этом имеет место открытый демократический контроль за использованием государственных и общенациональных ресурсов. Российским гражданам о таком контроле остается только мечтать.

Безусловно, многовековой опыт рыночных отношений свидетельствует о том, что в конце концов объективные экономические законы проложат себе дорогу и на российской земле сформируется понимание и поддержка рыночного пути. Однако особенность XXI в. заключается и в том, что временной режим изменений очень жесток и затягивание решения проблем, давно закрытых в передовых странах, создает новые трудности в российском обществе.

Демократическим институтам нет альтернативы

Во всех странах, где рыночная экономика достигла расцвета, демократические институты находятся на высоком уровне. Исторически сложилось таким образом, что становление и развитие рыночных отношений эффективно происходило только тогда, когда одновременно развивалось и укреплялось демократическое общество. В результате в рыночном хозяйстве формировались не просто общепринятые «правила игры», а такие условия предпринимательской деятельности и функционирования рынков, которые содержали в числе важнейших элементов, с одной стороны, *ответственность* каждого перед обществом, а с другой — *контроль* со стороны общества за всеми участниками рыночной сис-

темы, в том числе и государственными институтами. Баланс обязанностей и ответственности не находился в застывшем состоянии, а изменялся вместе с эволюцией экономики и общества. Причем ведущим звеном выступает экономика, а демократические институты общества ищут адекватные ответы на вызовы экономики. Так, к примеру, в последнее десятилетие в развитых странах, особенно в США, заявила о себе так называемая «новая экономика», развивающаяся на базе современных информационно-коммуникационных и других высоких технологий, включая всемирную сеть Интернет. До сих пор западное общество еще не нашло ответов на все вопросы, которые поставила «новая экономика». Однако поиск ответов ведется открыто и публично, ибо это касается не только модификации «правил игры» в рыночной сфере, но и прав, свобод и возможностей каждого гражданина и демократических институтов в целом¹.

Конечно, ни одна развитая страна не имеет идеальной демократической системы. У каждой такой системы есть свои проблемы и противоречия. Но для всех национальных демократических систем, у которых немало своих специфических особенностей, характерно одно общее свойство — рыночный механизм служит обществу, а не подчиняет и не подминает его. При этом точно так же, как на практике нет стандартной для всех рыночной модели, так и нет стандартной модели демократического общества. Отсюда следует, что становление демократических институтов в России — это поиск решения собственных проблем, а не приспособление иного опыта к своим задачам. Другими словами, и в общественной сфере России не обойтись без собственного варианта или национальной модели демократических институтов.

Однако до сих пор демократические институты существуют в России либо в зачаточном, либо в формальном виде. Более того, рыночный практицизм и нигилизм, построенные на частном интересе, пронизали все институты общества и государства. С одной стороны, государственный аппарат чиновников всех уровней стал частью предпринимательской сферы, а с другой — наибольший успех имеет тот бизнес, который либо уже «питается» государственными ресурсами, прежде всего финансовыми, либо имеет своих «лоббистов» в различных ветвях государственной власти.

В результате, уния крупного бизнеса и чиновников превратилась в главный тормоз дальнейших рыночных преобразований и строи-

¹ Об этом см., например: Economic Report of the President. Washington, 2002. P. 36—42; Мир на рубеже тысячелетий. М.: Новый Век, 2001. С. 201—215.

тельства демократического общества в России. В этой связи весьма примечательной является характеристика, которую дают авторы доклада Всемирного банка переходным обществам, включая Россию.

«В концентрированных политических режимах крах коммунизма явился в большей степени результатом состязательности между конкурирующими элитами, чем широкого социального движения. Новые политические режимы возникли не в результате переговоров за круглым столом между потенциальными конкурентами, а, скорее, были созданы нынешними руководителями для консолидации своей власти. Как правило, эти новые режимы представляли собой президентские системы, где власть была сосредоточена в исполнительной ветви. Политические партии были слабы и не представляли широких интересов общества. Кроме того, старая номенклатура сохраняла ключевые позиции, особенно в экономике»¹. Далее исследователи обращают внимание читателей на роль инициаторов и лидеров рыночных трансформаций. «Победители в этих частичных реформах пожинали обильные плоды. Те, кто имел право контролировать ценные активы и политический доступ к возможностям получения незаработанных доходов, могли легко «приватизировать» указанные активы в обстановке нечетко определенных прав собственности, несуществующей этики корпоративного управления и недостаточных нормативных рамок. Пока существовали возможности получения незаработанных доходов, у «победителей» оставались мощные стимулы для сохранения своих преимуществ, и они использовали свои значительные средства, чтобы блокировать реформы, угрожающие ликвидацией таких преимуществ»².

Если государство выступает как своеобразная часть бизнеса, а не выразителем интересов общества, то создается тупиковая ситуация, ибо не формируются демократические основы жизни и само общество теряет перспективу, так как без контроля со стороны демократических институтов рыночная мотивация из метода повышения благосостояния всего общества превращается в самоцель, выгодную лишь избранной частью общества. Изменить характер государственных институтов и их роль в рыночном развитии можно только путем упрочения демократических начал во всех звеньях и на всех уровнях государственной власти. Полу-

¹ Переходный период. С. 241—242.

² Там же. С. 243.

чается, что формирование российской рыночной модели на современном этапе зависит, прежде всего, от *неэкономических факторов*. Без решительного поворота к демократическому контролю за деятельностью государства сложившиеся тенденции в экономике не изменить. Если чиновники, по существу, монополизировали свои должности, если не работает механизм демократической сменяемости кадров и регулярной отчетности, а институт выборов не вызывает у населения никакого доверия, то это означает, что обществом не контролируются ни общие «правила игры», ни функции государства. Как ни парадоксально это звучит, но современное общество в России не сформировало еще государственных институтов, по существу, а не по форме выражающие его интересы. А без контроля и поддержки демократических институтов государство не может стать ведущим звеном рыночной системы.

Российское общество вопреки желанию «победителей» заинтересовано в развитии рыночной модели экономики, ибо это объективно ведет и к укреплению демократизма. Ведь последовательное утверждение рыночных принципов означает, *во-первых*, завершение формирования единого национального рыночного пространства, *во-вторых*, полную поддержку конкуренции на всех рынках и бескомпромиссную борьбу с монополизмом, *в-третьих*, создание равных возможностей для экономической реализации всех форм собственности и предпринимательства, *в-четвертых*, наличие в достаточном количестве и качестве общественных благ — здравоохранения, образования, науки, культуры, охраны окружающей среды и др., *в-пятых*, оптимальное включение экономики России в мировое хозяйство с обеспечением ее конкурентоспособности и национальных интересов, *в-шестых*, рост благосостояния общества и создание условий для расширенного воспроизводства населения России, *в-седьмых*, формирование необратимой экономической основы для становления и развития демократических институтов в стране.

Разумеется, перечень позитивных последствий полнокровной реализации рыночной модели не ограничивается указанным числом. Здесь раскрыта лишь теоретическая база необходимого сценария экономического развития и указан демократический вектор преобразований в рыночных координатах. Однако ни одна правительственная программа, ни самое подробное законодательство не приведут к существенным изменениям, если не будет решаться общая задача — *снятие барьеров для полной реализации рыночных*

принципов при прозрачном контроле со стороны демократических институтов за равноправным соблюдением «правил игры» гражданами, бизнесом и государством. В структуре экономических и неэкономических факторов реализации российской рыночной модели демократическим институтам альтернативы нет. Исторически и практически доказано, что только полное господство демократических институтов может разрушить и монополию чиновника, и диктат бизнеса, и недоверие населения к власти. Выпадение любого звена из этой цепи сохранит у народа России появившееся в последние годы предубеждение к рынку и демократии.

ОТДЕЛ 3. ФЕНОМЕН АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА

1. ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ

На рубеже XXI в. особое внимание приковывается к фактору времени — решающему условию социально-экономического развития как отдельной страны, так и всего мирового сообщества. Если для человека возраст говорит о многом, то в случае с государством важен не сам по себе временной период, а его содержание. Особенно если это относится к таким странам, как США. Действительно, по сравнению с европейскими государствами, два с лишним столетия американской государственности — это не возраст для стран, корнями уходящими в древние века. Однако исключительные историко-географические условия позволили этой стране по многим параметрам опередить другие государства, сформировав свою рыночную модель развития. Не будет преувеличением сказать, что если XIX в. можно считать столетием европейского лидерства, то XX в., по существу, стал эпохой становления и укрепления гегемонии США.

В начале XX в. в мировом рыночном хозяйстве эта страна еще не занимала доминирующего положения. А вот в начале XXI столетия вряд ли следует отрицать очевидный факт — США являются безусловным локомотивом мировой экономики.

Это отнюдь не означает, что подобный путь и американская рыночная модель — идеальны и сами по себе требуют глобального распространения¹. Но факт остается фактом — по общим показателям динамичного развития экономики и относительной устойчивости национального хозяйства в США эта страна в XX в. не знает себе равных в мире. Внутренние и внешние факторы подъема национальной экономики оказались использованными с минимальными для страны потерями.

США — цитадель современного капитализма, и рыночная экономика в этой стране, особенно в ее новейшей форме, складывалась десятилетиями. Упор на традиционные атрибуты свободного предпринимательства — конкуренцию, рынок, частную собственность, устойчивые «правила игры» бизнеса и государства — не стал самоцелью американского общества. Постепенно в стране складывалась так называемая «смешанная экономика», ставшая

надежной основой как экономического роста, так и в значительной мере способствующая поддержанию социальной стабильности в обществе. Смешанная экономика — это прежде всего многообразие форм собственности и видов предпринимательства. По форме владения собственностью она включает: частную, государственную, государственно-частную, иностранную, кооперативную и общественную. По форме управления собственностью смешанная экономика США предусматривает такие формы хозяйственной организации и управления, как государственное предприятие, иностранное предприятие, квазигосударственная корпорация (смешанное общество), национальная корпорация (акционерное общество), партнерство, индивидуальное владение, кооператив, неприбыльная корпорация и международная корпорация (смешанный капитал). Это сочетание и взаимодействие рыночных принципов с экономическими функциями государства и внутрифирменным управлением в крупных компаниях. Несмотря на немалую долю государственной собственности в стране, само по себе государство напрямую предпринимательской деятельностью, в отличие от стран Западной Европы, занимается в ограниченных размерах.

В течение XX в. в экономике США сформировались устойчивые базовые тенденции. Основой национального хозяйства стало многообразие форм собственности и соответствующих видов предпринимательства. Своеобразный плюрализм собственности и бизнеса возник еще в прошлом веке, но затем он основательно закрепился. Правда, соотношение форм собственности и видов предпринимательства не застыло, а изменялось в зависимости от обстоятельств и времени. Об этом свидетельствует статистика (табл. 12). В 1939 г., когда были впервые собраны данные о численности всех видов хозяйствующих субъектов, их насчитывалось почти 1800 тыс. Из них 59%, или чуть более 1 млн., индивидуальная частная собственность, 15% партнерства, а 26% — корпорации. За 60 лет число предприятий в стране достигло почти 24 млн., среди которых индивидуальные предприятия составили 73%, а корпорации — 20%. Примечательно, что за этот же период население США выросло со 130 до 268 млн. чел. Иначе говоря, если население страны возросло в два раза, то количество предприятий — более чем в 13 раз. В основном этот рост произошел за счет бурного создания индивидуальных владений, хотя и число корпораций также существенно увеличилось — в 10 раз. В 1997 г. на одну предпринимательскую единицу приходилось в среднем 11 человек всех возра-

¹ Общие черты американской рыночной модели уже рассмотрены в отделе 1, п. 8.

тов, включая детей и пенсионеров. По сравнению с 1939 г. это число сократилось в 6 раз. Конечно, средние величины могут говорить лишь об определенной тенденции, а не о реальном распределении занятых по формам собственности и видам хозяйственной деятельности. Вместе с тем устойчивость американской рыночной модели определяется и этим фактором.

Среди всех предприятий по численности абсолютное большинство принадлежит индивидуальным владениям. Но их экономический вес значительно уступает корпорациям. Это означает, что акционерный капитал и соответственно акционерная собственность, представленные корпорациями, составляют экономическое ядро американской рыночной модели.

Таблица 12

Динамика роста частных предприятий США

Тип предприятия	1939 г.		1970 г.		1997 г.	
	Кол-во, тыс.	Доля, %	Кол-во, тыс.	Доля, %	Кол-во, тыс.	Доля, %
Всего предприятий	1793	100	1200	100	23645	100
Предприятия в индивидуальной собственности	1052	59	9399	78	17176	73
Партнерства	271	15	936	8	1759	7
Корпорации	470	26	1665	14	4710	20

Составлено по: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Part. 2. Wash., 1975. P.911; Statistical Abstract of the United States. Wash., 2000. P. 535.

Корпорации по существу выступают локомотивом американской экономики. Однако их абсолютное экономическое превосходство не противостоит деятельности ни партнерств, ни индивидуальных предприятий, общее количество которых продолжает из года в год расти и которые имеют свою нишу в экономике.

Не случайно один из факторов динамизма и стабильности американской рыночной модели — это особая роль малого бизнеса. Малый бизнес охватывает предприятия всех форм собственности. Так, в 1993 г. среди всех корпораций 70,8% имели годовой оборот менее 500 тыс. долл., а среди партнерств только 7,4% показали оборот свыше 500 тыс. долл. Среди предприятий в индивидуальной собственности таковых оказалось всего 1,3%.

В 1997 г. почти 4 млн. частных предприятий имели число занятых от 1 до 4 человек, а на предприятиях с персоналом до

20 человек было занято свыше 27 млн. работников¹. Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о том, какую роль играет малый бизнес в экономике США. С одной стороны, он выполняет те функции, без которых невозможно нормальное развитие экономики и общества. С другой — он дает работу, обеспечивает занятостью самые разные слои общества, тем самым в рамках своих возможностей решая одну из больших проблем рыночной экономики — проблему безработицы. Особенно это относится к районам США, где нет крупных компаний и где появление новых рабочих мест целиком связано с малым бизнесом.

Малый бизнес быстро и легко приспосабливается к новым обстоятельствам, адаптируется к различным формам конкурентной борьбы. Вместе с тем, выступая как социальный стабилизатор, малый бизнес представляет собой одну из непростых сфер рыночной экономики. С этой точки зрения США не являются исключением. Экономическая свобода в условиях рыночной экономики и частной собственности формально создает исходные условия индивидуума начать свое дело в малом бизнесе. Его практически может каждый, но удержаться и развить его удастся далеко не всем. Капитализм основан на жесткой конкуренции и требует высокой эффективности хозяйственной деятельности, его главный мотив — прибыль. Не случайно поэтому именно среди небольших фирм США наибольшее число банкротств и просто хозяйственных провалов и неудач.

В 1998 г. в США было зарегистрировано создание более 155 тыс. новых фирм, но и в этот же год прекратило существование почти 72 тыс. фирм, почти 70% из них принадлежало к малому бизнесу. В судах находилось на рассмотрении свыше 1430 тыс. дел, связанных с несостоятельностью отдельных компаний или индивидуальных лиц². Рыночная конкуренция никому не дает покоя, стимулируя успех одних предпринимателей и очищая экономику от неудачных экспериментов.

Вместе с тем, учитывая социальную значимость малого бизнеса для американского общества и его уязвимость в рыночной среде, в США сложилась всеобъемлющая система государственной поддержки малых предприятий, она координируется федеральным органом — Администрацией малого бизнеса. Очевидно, что и в будущем малому бизнесу не обойтись без поддержки госу-

¹ Statistical Abstract of the United States. Wash., 2000. P. 544.

² Ibid. P. 548, 549.

дарства, но по-прежнему всю ответственность за свою экономическую деятельность несет он сам. В рыночном хозяйстве социальный стабилизатор не может стать социальным иждивенцем.

Структура национальной экономики относится к числу важнейших черт рыночной модели любой страны. Дело в том, что оптимальная для определенного времени структура экономики служит надежной основой национальной безопасности, позволяет поддерживать экономический рост и обеспечивать конкурентоспособность национальных товаров на мировом рынке. Изменение структуры происходит порой во время циклических экономических кризисов, которые создают чрезвычайное напряжение во всем обществе. С одной стороны, экономика инерционна, не терпит суеты, требует времени для перестройки и приспособления к новым условиям функционирования и воспроизводства, а с другой — в ходе XX столетия настолько ускорилось изменение технологической базы производства и возросла конкурентная борьба, что структурные подвижки стали практически перманентными. Последнее десятилетие XX в. для экономики США выглядит удачно. Во многом это обусловлено той экономической структурой, которая сложилась к этому периоду (табл. 13).

Таблица 13

Отраслевая структура валового внутреннего продукта США, %*

Отрасль	1947 г.	1970 г.	1990 г.	1998 г.
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство	8,9	3,2	1,8	1,4
Добывающая промышленность	2,9	1,7	1,9	1,3
Строительство	3,8	4,7	4,2	4,3
Обрабатывающая промышленность	28,9	25,9	17,9	16,4
Транспорт	5,8	3,9	3,0	3,2
Связь	1,3	2,3	2,5	2,9
Электро- и газоэнергетика	1,6	2,3	2,7	2,5
Торговля	18,7	17,0	15,2	15,9
Финансы, страхование, недвижимость	9,8	14,1	17,8	19,1
Услуги	8,8	11,6	18,4	21,0
Федеральное и штатные правительства	8,3	13,2	13,8	12,5

Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975. Part 1. P. 233; Statistical Abstract of the United 2000. P. 452.

* Примечание: Из-за округления сумма по столбцам может не совпадать со 100.

Статистика США позволяет получить представление о приоритетах в экономическом развитии страны. После Второй мировой войны за полвека более чем в 4 раза упала доля сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства в валовом внутреннем продукте США. Почти в 2 раза — с 28,9 до 16,4% — уменьшилась доля обрабатывающей промышленности, а на добывающую промышленность в конце 1990-х гг. приходилось всего 1,3% по сравнению с 2,9% в 1947 г. После 1990 г. доля транспорта находится на уровне 3%, а вот стабильностью отличается строительство, доля которого удерживается около 4%. Постоянно растет значение электро- и газоснабжения и обслуживания. Примерно такая же тенденция у сферы услуг — рост с 8,8 до 21,0% — и в финансовой отрасли, которая по размеру своей доли в 1998 г. занимала второе место после услуг. Если в 1970 г. отмечен некоторый скачок в размере доли федерального и штатных правительств, то затем эта доля опустилась ниже 13%. При оценке отраслевой структуры американской экономики через структуру ВВП необходимо иметь в виду, что в данном случае ВВП рассматривается со стороны создания, а не использования. Скажем, роль федеральных и штатных властей в использовании ВВП намного выше. Можно было бы определять структуру по распределению занятых, что предполагает примерно равную производительность труда. Есть и другие методики расчета структуры национальной экономики США. Заметим, что сопоставимые данные за вековой период американская статистика предоставляет по созданию и использованию ВВП, но использование ВВП не рассматривается в отраслевом разрезе.

Итак, вступив в XXI в. традиционно базовые отрасли хозяйства — добывающая и обрабатывающая промышленности, а также сельскохозяйственное производство — уступают по темпам развития сфере услуг, финансовой системе, связи. Однако не все здесь однозначно. Дело в том, что, к примеру, в обрабатывающей промышленности есть немало отраслей и подотраслей — в основном высокотехнологичные и наукоемкие производства, — которые задают пульс фактически всей экономике.

Революционные перемены происходят в средствах и системах связи. Наряду с расширением видов телефонной связи значение обычной телефонной связи неизмеримо возросло из-за распространения Интернета. Интернет производит переворот не только на информационном поле. Новое звучание и реальное значение приобретает фактор времени как в процессе принятия деловых

решений бизнесом, так и в скорости и полноте информирования всего населения. Так или иначе, структура экономики США не может не реагировать на вызовы времени, ибо Интернет дает возможность, по существу, всему населению страны (а также большому числу людей в мире в целом) быть не просто свидетелями событий, а их активными участниками. Можно сказать, что американская экономика вплотную подошла к тому, что она становится частью информационного общества. В результате возник и формируется новый элемент американской рыночной модели — информационный. Его значение требует отдельного рассмотрения¹, поскольку оно не замыкается только рамками США. По информационной составляющей США значительно опережают другие страны и в этом смысле формируют своеобразную «моду» как на состав смешанной экономики, так и на мобильность рыночной национальной модели. Первичный доступ к информации дает американским фирмам специфические конкурентные преимущества.

В этой связи вполне уместен вопрос: а какова роль государства в рыночном хозяйстве США? Американский опыт включения государства в рыночное развитие вполне можно назвать удачным «браком по расчету». Действительно, на рубеже третьего тысячелетия отчетливо видно, что рынок и государство в США нашли «доброе согласие». Государство вполне восприняло рыночные принципы экономического развития и стало их своеобразным гарантом, а рынок выдвинул американское государство на лидирующие позиции в мире по экономической эффективности и общим показателям развития национального хозяйства. События уже в XXI в. показывают, что ни одна сторона не собирается расторгать «брак», а наоборот, видит для него блестящие перспективы в наступившем столетии. И если в теоретических работах и в политических дебатах в США по-прежнему еще гуляет выражение о «вмешательстве» государства в экономику, то в основанной не на риторике, а на прагматическом подходе практической деятельности речь идет в основном об оптимизации экономических, социальных и правовых функций государственной власти всех уровней и ветвей.

Вполне понятно продолжение дискуссий о роли федерального правительства, о цене активных позиций государства в эконо-

мике. Ведь в США государство почти не имеет доходов от своей собственности, а федеральный бюджет формируется в основном за счет налоговых поступлений от граждан и предпринимательских единиц. Следовательно, расходы государства — это то, что оно получает от своего населения и бизнеса. Поэтому формально налогоплательщики заинтересованы как минимум в двух вещах: во-первых, платить меньшие налоги и, во-вторых, иметь правительство наименее «дорогое» для страны, но наиболее эффективное для общества. Вот почему можно сказать, что история американской экономики и американского государства — это история поиска «золотой середины» в практической экономической политике, которая, с одной стороны, не давала бы оснований для обвинений в содержании громадного правительственного аппарата, а с другой — способствовала бы раскрытию всех преимуществ рыночной системы на разных этапах развития страны.

Одной из характерных черт американской рыночной модели выступает дефицит федерального бюджета. Дефицитное финансирование государственного хозяйствования использовалось Ф.Рузвельтом для решения задач «Нового курса», да и вообще с 1934 по 1998 г. только 7 раз — в 1947, 1948, 1949, 1956, 1957, 1960 и 1969 финансовых годах — США не имели дефицита. Получается, что свою экономическую функцию государство как бы не может выполнять, не наращивая государственный долг из-за перманентного дефицита. Понятно, что причины и природа дефицита федеральной казны не сводятся только к чисто экономическим факторам. Немалое воздействие оказывают здесь политические и военные события, да и просто периодические экономические кризисы. Чем больше увеличивается долг, тем больше средств требуется для его обслуживания, тем большая часть бюджета тратится уже не на будущее, а на покрытие «старых грехов». Экономически эффективное государство не должно перекладывать на будущие поколения своего населения оплату своих текущих расходов (табл. 14).

Как свидетельствуют данные американской статистики, в последней декаде XX в., с одной стороны, наметилась тенденция стабилизации расходов федерального бюджета на уровне 20—21% ВВП, а с другой — происходило сокращение дефицита вплоть до случившегося в 1998 г. превышения доходной части над расходной (профицит). Администрации Б.Клинтон удавалось, не снижая активной роли государства в жизни американского общества, подготовить страну к вступлению в третье тысячелетие с безде-

¹ Влияние информационно-коммуникационных технологий подробно анализируется в п. 9, 10, отдел 3.

фицитным федеральным бюджетом. Между тем после Второй мировой войны пик дефицита федерального бюджета приходится на 1983 г. — 6,1% ВВП — как раз при администрации Р.Рейгана, который, как известно, особенно активно вводил дерегулирование экономики и призывал избавиться от «бремени» государства. На деле же «рейганомика» вошла в историю страны, в частности, с самым большим приростом государственного долга.

Таблица 14

Поступления, расходы и дефицит федерального бюджета США, в % к ВВП страны

Год	Поступления	Расходы	Дефицит	Год	Поступления	Расходы	Дефицит
1934	4,8	10,7	-5,9	1994	18,4	21,4	-3,0
1943	13,3	43,6	-30,3	1995	18,8	21,1	-2,3
1945	20,4	41,9	-21,5	1996	19,3	20,7	-1,4
1959	16,1	18,7	-2,6	1997	19,8	20,1	-0,1
1983	17,6	23,6	-6,1	1998	19,9	19,1	+0,8
1992	17,8	22,5	-4,7	1999	20,1	18,7	+1,4
1993	17,8	21,8	-3,7	2000	20,8	18,4	+2,4

Составлено по: Economic Report of the President. Wash., 2002. P. 414.

Разумеется, экономические и другие условия в США и мире в конце 1990-х гг. XX в. отличались от ситуации при президенте Р.Рейгане. Но все же нельзя не отдать должное экономической стратегии правительства Б.Клинтона. Представляется, что демократическая администрация поймала частоту «резонанса» американской экономики и смогла наиболее результативно на тот период использовать потенциал национальной рыночной модели. Она опиралась на жесткие меры государственного регулирования экономики и мобилизации средств федеральной казны, высвобожденных в связи с завершением в конце 1980-х гг. многомиллиардной «Программы перевооружения Америки». Бюджетная программа администрации Дж.Буша-младшего вновь построена на дефицитном финансировании государственных ресурсов, что объясняется необходимостью борьбы с терроризмом.

Как известно, американская экономика имеет самый емкий в мире внутренний рынок, что позволяло многие воспроизводственные проблемы решать в рамках национальных границ. Но в последней четверти XX в. все большее значение стал приобретать внешний фактор. Если в 1960-е гг. США мало волновали процессы экономического объединения европейских стран в ЕС и дру-

гие интеграционные явления в мире, то затем США сами стали инициатором образования подобных союзов и на Североамериканском континенте, и в бассейне Тихого океана. Глобализация рынка втянула все страны в мирохозяйственные процессы, которые самым непосредственным образом стали влиять на развитие каждого государства. Другими словами, сохраняя свои лидирующие позиции в мировой экономике, США становятся все более зависимыми от тенденций в мировом масштабе. Взаимозависимость национальных экономик в мировом хозяйстве, ранее характеризовавшая другие страны, теперь стала одним из факторов развития и самих США.

В результате еще при администрации Р.Рейгана федеральное правительство взяло решительный курс на поддержку американских компаний на внешних рынках. Причем началось все с изменений принципиального характера, внесения поправки в антитрестовское законодательство, согласно которой снимались ограничения на слияние и поглощение компаний, если это предпринималось для экспансии на мировом рынке. Благодаря этому, с одной стороны, возросло число американских фирм, вступивших в международную конкуренцию, а с другой — усилилась экономическая мощь отечественных компаний. Не случайно одной из трех составляющих экономической стратегии администрации Б.Клинтона было все большее открытие зарубежных рынков для американских фирм. Задача администрации Б.Клинтона состояла в том, чтобы не просто добиться положительного сальдо во внешней торговле, а вовлечь во внешнеторговый бизнес все более широкий круг американских фирм разного масштаба.

Крупнейшие корпорации США уже не одно десятилетие прочно закрепились на мировом рынке. Федеральные власти различными способами поддерживают своих гигантов. Здесь в ход идут и дипломатические, и политические, и экономические приемы, а порой и военные угрозы. В США разработана стратегическая программа государственной поддержки среднего и малого бизнеса в его продвижении на мировой рынок. Помимо того, что немало федеральных ведомств и органов штатов имеют систему консультационных пунктов для американских фирм по вопросам внешней экспансии, местные власти во всех штатах также открыли учреждения для бизнесменов штата, интересующихся развитием торговли за пределами страны. Так или иначе, американское государство стимулирует отечественные компании активнее внедряться на рынки других стран.

Чтобы помогать своим компаниям непосредственно в странах-партнерах, американское правительство открывает бизнес-центры в тех государствах, которые могут стать перспективными потребителями американских товаров и услуг. К примеру, на территории России функционирует восемь бизнес-центров (главная задача которых оказывать информационную, правовую и иные виды помощи гражданам и фирмам США), изучающих российский рынок или уже работающих на нем. Понятно, что такое государственное содействие позволяет американскому бизнесу с наибольшей эффективностью и в наименьшие сроки разворачивать зарубежную деятельность.

Глобализация рынка, особенно ускорившаяся накануне XXI в., существенно влияет на модели экономического развития отдельных стран. Что касается американской рыночной модели, то все очевиднее становится роль государства в обеспечении и развитии конкурентоспособности американских компаний как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Везде, где американский капитал встречает зарубежных конкурентов, он не остается без «тыловой» поддержки своего правительства. Образно говоря, если на внутреннем рынке фирмы конкурируют своими торговыми марками, то на внешнем рынке к торговой марке добавляется внушительный звездно-полосатый стяг.

Во многих развитых странах государство не равнодушно к судьбе своих национальных производителей на мировом рынке. Более того, поскольку экспортная составляющая ВВП таких стран нередко достигает 30—50%, то любое сокращение позиций своих фирм на внешнем рынке болезненно воспринимается внутри страны. Поэтому активная роль государства во внешнеэкономической экспансии это фактически традиционная черта национальной рыночной модели и в Западной Европе, и в Японии, и в ряде других стран. Не случайно США здесь не выступают первооткрывателями, а все активнее воспринимают международные тенденции в этой сфере. Международные расчеты, проведенные на базе данных по 123 странам, показали, что 1% прироста внешней торговли давал 0,34% прироста реального дохода на душу населения за период с 1960 по 1985 гг. Характерно также и то, что рост экспорта расширяет занятость, уменьшает безработицу. Так, после 1993 г. всего за два года благодаря увеличению экспорта в США образовалось 446 тыс. новых рабочих мест.

Здесь важно отметить еще одно обстоятельство. Если на внутреннем рынке как американское, так и другие государства

создают лишь одинаковые «правила игры» для отечественных фирм, то на мировом рынке любое государство стремится помочь снизить риск и даже выступить в определенной степени гарантом для «родных» компаний. Вот почему отношения мирового рынка не являются простым увеличением или сложением национальных внутренних рынков. При этом наибольшего успеха на мировом рынке может добиться тот, кто максимально учтет именно закономерности мировой торговли и международной экономической политики в своей внешнеэкономической экспансии. Сохраняя свою уникальность, американская рыночная модель, во-первых, все более опирается на чисто экономические тенденции и, во-вторых, все менее отгораживается от «розы ветров» на мировом рынке. Конкурентоспособность все явственнее становится единственным критерием успеха на поле экономических баталий — мировом рынке. И США активно осуществляют свою экономическую экспансию.

Следует сказать, что в последней четверти XX в. возникла тенденция перемещения центра тяжести мировой экономики в Азию, точнее, в ее юго-восточную часть. Высокие темпы экономического роста и накопления капитала в странах этого региона, поддержанные, можно сказать, экономическим взлетом Китая, поставили на повестку дня вопрос о том, что XXI в. может стать столетием Азии. Казалось бы, все логично. Хотя в Азии расположены самые разные по уровню развития страны, все же это континент наибольших размеров, где проживает большая часть населения планеты. В целом Азия обладает наиболее благоприятным сочетанием запасов минерального сырья, полезных ископаемых, энергетических ресурсов, и т.п. Внешне все складывалось таким образом, что азиатская модель развития могла стать диктатором моды мирового сообщества в наступающем столетии. Однако яркие краски процветающего азиатского мира поблекли после прокатившейся по странам этого региона серии финансовых обвалов в 1997—1998 гг. и затянувшейся депрессии в Японии. Пока только лишь КНР оказалась вне сферы прямого влияния этого финансового кризиса. В результате странам Азии теперь не до лидерства, во всяком случае, в ближайшие десятилетия.

На фоне этих событий США вошли в третье тысячелетие с большим экономическим перевесом. Что удержало эту страну в русле экономического роста — трезвые расчеты архитекторов ее политики или ошибки лидеров других стран? Конечно, здесь нет однозначного и лаконичного ответа, ибо его можно найти лишь

после кропотливого и всестороннего анализа всей совокупности явлений как в мире, так и в самих США. Но уже сейчас можно сказать, что известную устойчивость США в значительной мере обеспечивает накопленный экономический потенциал и избранная модель развития, чутко реагирующая на вызовы времени.

Поскольку наступающее столетие — эпоха усиления взаимозависимости стран и одновременного роста уровня и форм конкурентной борьбы, постольку не избежать появления новых и использования некоторых старых приемов поддержки государством национального капитала и защиты цветов «национального мундира». Подобная тенденция коснется всех стран, но реализована будет по-разному. В США делается упор на то, чтобы каждый работоспособный гражданин мог решать все свои проблемы максимально самостоятельно, но для этого, как минимум, у него должна быть работа. А уровень занятости зависит не только и не столько от бизнеса, сколько от условий предпринимательства внутри и вне страны: значит, от оптимально избранной для данного периода времени стратегии и тактики государства в экономике. Со стороны внешних факторов развития критерием такой оптимальности экономической политики федерального правительства может быть поддержание «полной занятости» в отечественной экономике и необходимой конкурентоспособности национальных компаний на внутреннем и внешнем рынках. Независимо от партийной окраски федеральной администрации любой президент в Белом доме будет решать одинаковую задачу — обеспечение экономической безопасности США. Представляется, что именно в XXI в. проблема национальной экономической безопасности концентрирует в себе весь спектр социально-экономических забот федерального правительства США.

Итак, в рыночной модели ничего принципиально нового не появляется, но сама модель является основой обеспечения экономической безопасности США в новых условиях, когда даже бесспорное американское лидерство в мировой экономике само по себе никому не гарантирует. Несмотря на резкое усиление интеграционных процессов в различных регионах мирового хозяйства в последней четверти уходящего века, в целом в мире не происходит нивелировки темпов развития отдельных стран и регионов. Скорее, наоборот, возрастает неравномерность их развития. А это вытекает не из тенденции к интеграции, а из тенденции усиления международной конкуренции.

Если рассматривать перспективы экономического развития США и мирового хозяйства в целом только в системе экономиче-

ских координат, без учета расклада в мире военных, политических и других сил и их соответствующего влияния, то существует прямая зависимость между уровнем международной конкуренции, или конкуренции на мировом рынке, и степенью неравномерности развития отдельных стран. В этих условиях США сохраняют целый ряд стартовых преимуществ в начале наступившего столетия. Одним из них является американское лидерство на прорывных направлениях современных и будущих технологий, включая информационные. Но преимущества не избавляют США от той высокой цены, которую вызывает бремя их лидерства. В начале нынешнего века подобного бремени США не испытывали. Уже видно, что экономический портрет XXI в. вряд ли будет похожим на портрет прошлого столетия.

На рынке есть деловые партнеры, а не друзья. Это экономически примитивное утверждение воочию подтверждается в отношениях не только между компаниями, но и между странами. А деловой принцип был, остается и будет сердцевинной американской рыночной модели.

Может так сложиться, что экономические позиции США в наступающем столетии немало будут зависеть от того, какую роль будет играть Россия. Экономически сильная Россия может не только в известном смысле «уравновесить» европейскую и азиатскую составляющие, но и сформировать свой полюс экономического роста в мировом хозяйстве. Представляется, что в интересах США иметь на евроазиатском пространстве сильное российское государство, не только решающее свои собственные проблемы, но и участвующее в решении глобальных проблем человечества, которые в XXI в. напомнят о себе с возрастающей силой.

Если встать на рыночные позиции в мировом сообществе, то стремление США сохранить свое мировое лидерство означает не что иное, как обеспечить себе исключительное, или в определенном смысле **монопольное** положение. Получается, что, в целом призывая все страны к открытости рынка, к свободе конкуренции, Америка отнюдь не хочет предоставить равные права и возможности другим странам. На практике сильная Америка внедряет в мировой экономический порядок XXI в. двойной стандарт — один подход ко всем, другой — к интересам США и американского капитала. Очевидно, было бы наивно рассчитывать на иную экономическую стратегию американского государства, когда на рубеже XXI в. ему нет равных в мире по многим параметрам.

Рынок никому не прощает иллюзий. Рынок признает и уважает только одну силу — экономическую. И именно сообразно

соотношению сил в экономической борьбе распределяются лавры победителям и неудачи проигравшим. США делают все, чтобы не оказаться среди проигравших. Рынок не может функционировать без поддержки и защиты государства, а на международном уровне — без защиты институтами мирового сообщества. Но в то же время рынок никому не дает гарантий. Всегда остается вероятность, что в тот или иной момент рынок напомнит о своей непредсказуемости. В этом случае государство должно иметь необходимые резервы для «коррекции» ситуации в интересах национальной экономической безопасности.

2. ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ «НОВОГО КУРСА» Ф.РУЗВЕЛЬТА

Жизненность идей «Нового курса». Постепенно рыночная система хозяйства охватывает весь земной шар и становится общепризнанным механизмом мировой экономики. Однако при всей универсальности рыночного механизма его утверждения в различных странах проходит по-разному. Об этом красноречиво свидетельствует и опыт ведущих индустриальных стран мира. Примечательной в этой связи является экономическая история США.

Казалось бы, с высоты сегодняшних проблем события прошлого могут интересовать только историков, но не политиков, бизнесменов, государственных мужей. Между тем принцип «не изобретай велосипед» при поиске решения острых вопросов в экономике и политике хорошо усвоен на Западе. Не случайно поэтому в США за последние годы, по меньшей мере дважды, внимание нации обращалось к переломным 1930-м гг., когда администрация президента Ф.Рузвельта своим «Новым курсом» сумела вывести страну из глубочайшего экономического и социального кризиса.

В первый раз — в начале 1980-х гг., — когда «рейганомика» дала стране шанс восстановить свои силы и подняться на гребень циклического подъема и напомнила скептикам о неисчерпаемых силах рынка и свободы предпринимательства. И вновь — в начале 1990-х гг., — когда республиканская администрация не смогла преодолеть очередной циклический, затяжной экономический спад и рядовые избиратели вновь слышали от демократов уже современную версию о необходимости капитального ремонта рыночного здания американской экономики. По существу, всегда обсуждался и решался один вопрос — что может и чего не может обес-

печить рынок в экономическом развитии страны. Другими словами, как определить *оптимальную экономическую роль государства*.

Жизнь показывает, что критерии такой оптимальности, а потому и параметры самой экономической роли государства в рыночной системе подвижны. То, что подходило при Ф.Рузвельте, не вписывалось в ситуацию во времена Р.Рейгана и на 100% не могло повториться при Б.Клинтоне. Ведь сегодня на фоне растущей интернационализации хозяйственной жизни Америка столкнулась с такой международной конкуренцией практически во всех сферах мирового хозяйства, которой ранее просто не существовало. Уход в небытие идеологической конфронтации двух мировых систем во весь рост обнажил экономическое соперничество между странами, которое во многих случаях стало существенным фактором внутриэкономического развития. Поэтому США, чтобы помочь американскому рынку, приходится решать задачу с учетом не только внутринациональных, но и международных факторов. Стало быть, оптимальность экономической роли государства стала определяться не только в рамках национальных границ. База оптимальности расширилась, и ее определение усложнилось.

Новый курс Ф.Рузвельта воочию продемонстрировал то, что уже в XX в. (тем более в XXI столетии) государству не уйти от ответственности за судьбу своего народа, за судьбу рыночной системы. В 1983 г. в США на общенациональном симпозиуме, посвященном законодательной основе «Нового курса», красной нитью прошел вывод о том, что федеральное правительство не только должно поддерживать общество, находясь за его спиной, оно должно быть его партнером в прогрессе и процветании.

В последнее время и в российском обществе проявляется растущий интерес к экономической политике, проводившейся в США в начале 1930-х гг. президентом Ф.Д. Рузвельтом. Новый курс стал примером успешного решения экономических проблем в кризисных ситуациях посредством активного государственного участия в хозяйственной жизни.

Новый курс Ф.Рузвельта интересен для российского общества как пример комплексного проведения программы крупных политических, экономических, социальных и др. мероприятий. Эта программа, возникшая как средство преодоления величайшего в мировой истории экономического кризиса 1929—1933 гг., остается источником знаний и опыта действий в критических обстоятельствах, угрожающих основам развития общества. В ряде стран Европы этот кризис породил феномен фашизма, в США

Новый курс позволил утвердиться и доказать свое превосходство принципам демократии и рыночной экономики.

Опыт Нового курса важен для России прежде всего как пример служения демократической власти интересам всего общества в критической экономической обстановке. Он отличался решительностью, творческим характером и неподдельным стремлением добиваться блага для всего общества, а не его отдельных групп. Именно благодаря этому, несмотря на определенные ошибки и неудачи, политика Нового курса показала неисчерпаемый созидательный потенциал демократического общества, его способность преодолевать труднейшие экономические и социальные испытания и выходить в результате на более высокие ступени экономического развития и социальной зрелости.

Сегодня, когда кризис 1929—1933 гг. стал принадлежностью экономической хрестоматии, не следует забывать, что для современников он был тяжелейшим испытанием, причины и сущность которых долгое время оставались им непонятными. Этот кризис в буквальном смысле слова многими воспринимался как стихийное бедствие. Поистине гигантские масштабы кризиса и его затяжной характер порождали сомнения в общей жизнеспособности экономической системы и ее основополагающих институтов. «Катастрофическое мышление» охватило все общество на фоне провала традиционных экономических рецептов.

В этих условиях требовалось незаурядное мужество, твердая вера в созидательный характер демократических принципов, смелость и решимость к действию, и, наконец, — масштабное государственное мышление, чтобы найти и успешно реализовать выход из кризисной ситуации¹. Эти качества совместил в себе Ф.Д. Рузвельт и проявил их в своей политике Нового курса. С высоты современных знаний экономический кризис 1929—1933 гг. можно охарактеризовать как переломное событие в процессе социально-экономического развития стран капитализма. Это был комплексный кризис, в котором переплелось действие многих важных факторов. Во-первых, это был структурный кризис, означавший переход к новому поколению индустриальных технологий и требовавший не только модернизации оборудования, а практически полной реконструкции производственного

¹ Драматизм ситуации и принципы решения проблем глубоко рассмотрены в двух статьях: Васильев В.С. Франклин Д. Рузвельт и Джон М. Кейнс: Экономическая политика в годы «Великой депрессии» // США • Канада: Экономика, политика, культура. 2001. № 10, 11.

аппарата и методов управления хозяйственной деятельностью. Во-вторых, это был кризис системы свободной, т.е. нерегулируемой конкуренции, которая в отсутствие действенной системы государственного регулирования привела к беспощадной борьбе олигополистических структур, сопровождавшейся разрушительными последствиями для общества. В-третьих, это был социальный кризис из-за отсутствия социальной системы, способной смягчать последствия действия конкурентного механизма, ради эффективности использования производственных ресурсов генерирующего безработицу. Можно перечислить еще ряд жизненно важных для общества сфер, которые затронул этот кризис. Однако важно подчеркнуть, что этот кризис не означал отрицания базисных принципов демократического общества и рыночной экономики. Напротив, опыт США по преодолению этого кризиса, исходной базой которого стал Новый курс Рузвельта, подтвердил жизненную силу этих принципов.

О предпосылках Нового курса

Появление Нового курса было вызвано множеством причин. Безусловно, первоочередную роль сыграли факторы экономического и социального характера — небывалое падение производства, громадный скачок безработицы, потеря доверия к финансовым институтам и т.п. Вместе с тем события в мире в то время развивались таким образом, что, по мнению американских специалистов 1930-х гг., нельзя было полностью отбрасывать угрозу какого-то повторения на американской земле варианта итальянского или германского фашизма. Во всяком случае, зигзаги истории таковы, что фашизм оказался альтернативным решением проблем того периода в отдельных странах.

Уйти от вызовов времени Америка не могла, даже находясь за надежным разделительным водным пространством — Атлантикой. Мир становился все более взаимозависимым, и внешние факторы национального развития приобретали все большее значение.

Доминировавшее в то время в западной экономической науке представление о всесии «невидимой руки» в рыночной экономике также не способствовало подготовке теоретической платформы Нового курса. Скорее, наоборот. Поэтому не случайно в команде Ф.Рузвельта оказалось не меньше практиков — банкиров, юристов, бизнесменов, менеджеров, чем людей из университетов и исследовательских центров. Главная задача была — дейст-

воват, не откладывать принятие решений, не загонять «болезнь» внутрь, а дать глоток свежего воздуха задыхающейся экономике. Теория «невидимой руки» сказала и на американской Конституции, и на американском хозяйственном законодательстве в целом. Получилось так, что нетрадиционные подходы правительства к решению экономических и социальных проблем могли оказаться выходящими за рамки законов и Конституции. Иначе говоря, масштабность и глубина вставших перед страной проблем не вмещались в существовавшее правовое пространство, ибо последнее формировалось при иных исторических обстоятельствах и предпосылках. В этих условиях автору Нового курса потребовалось немало мужества, чтобы убедить американский конгресс предоставить ему чрезвычайные полномочия. Именно таким образом Ф. Рузвельту удалось разрубить заколдованный круг между конституционными ограничениями и требованиями реальной жизни.

Если в стране есть противовесы, которые могут сбалансировать ситуацию даже в случае временного отступления от конституционных норм, то отсутствие надлежащего законодательства не становится препятствием для принятия решительных действий в интересах страны. Здесь должны быть не только устойчивые демократические традиции, но и надежный механизм их реализации.

Нельзя не упомянуть еще об одной важной стороне Нового курса. Дело в том, что состояние страны в результате кризиса 1929—1933 гг. было определено как угроза ее экономической безопасности. И поэтому уже в ходе реализации экономической политики администрации Ф. Рузвельта при президенте США был образован **Совет по национальной экономической безопасности**, который фактически координировал все мероприятия в рамках Нового курса.

Как показала историческая практика, предпосылки программы Рузвельта превратились затем в реальные меры Нового курса. Причем впоследствии принятие любого акта обязательно сопровождалось утверждением соответствующего механизма и соответствующей структуры по реализации намеченных дел. Ни один акт Нового курса не оказался принятым лишь для «галочки», для «сохранения» политического лица. Эффективность и действенность различных аспектов экономической политики Рузвельта не могла быть одинаковой. Но причины этого лежали не в организации проведения реформ Нового курса.

Ключевые элементы Нового курса

Поставив в центр правительственной политики задачу поддержания предпринимательской активности, Рузвельт предложил целый комплекс мер активного влияния на экономику. Основными в экономической системе Нового курса являлись следующие мероприятия:

- оказание поддержки финансово-банковской системе и промышленным и торговым предприятиям при помощи крупных займов и субсидий;

- стимулирование частных инвестиций при помощи налоговых льгот;

- стабилизация падающих цен путем девальвации доллара и допущения усиления инфляционных тенденций;

- принудительное картелирование промышленных предприятий;

- государственное регулирование уровня промышленного производства;

- введение отраслевых «кодексов честной конкуренции», определявших единую политику цен, фиксировавших размеры производства, распределявших рынки сбыта, рекомендуящий уровень заработной платы.

Примечательны масштабы и насыщенность мер, предпринятых Рузвельтом уже в первые 100 дней его президентства. За период с марта по июнь 1933 г. он направил конгрессу 15 посланий и ввел в действие 15 законов, которые стали базой дальнейшего развертывания процесса преодоления кризиса и оздоровления экономики США.

Церемония инаугурации Рузвельта состоялась 4 марта 1933 г. Это было время, когда спад производства уже достиг своего дна, и страна находилась в полосе затяжной депрессии. На следующий день, 5 марта, по решению президента в США были закрыты банки, чтобы прекратить приступы паники на денежном рынке. Еще через несколько дней, 9 марта, был принят чрезвычайный закон о банковской деятельности (*Emergency Banking Relief Act*). Принятие закона положило конец натиску публики на коммерческие банки и стало основой реорганизации банковской системы США. Закон предоставлял президенту исключительные полномочия в области кредитной политики, принципов наличного денежного обращения и монетарных операций с золотом и серебром.

На основе этого закона устойчивые банки получили разрешение продолжать операции, а неустойчивые банки были поставлены под контроль специальных государственных уполномоченных. Именно этот закон послужил базой для отхода США от золотого стандарта.

Закон о регулировании сельского хозяйства (Agriculture Adjustment Act) вводил регулирование уровня цен на некоторые товары и предоставление субсидий фермерам за сокращение производства. Источником средств служил налог на предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья.

Администрация кредитования фермеров (Farm Credit Administration) была создана с целью объединения разрозненных агентств по предоставлению различных услуг фермерам. Это решение законодательно было оформлено конгрессом 16 июня 1933 г. с добавлением процедур, облегчавших условия получения фермерами кредитов под залог.

Закон о ценных бумагах требовал обеспечения всей полноты информации о предлагаемых к публичному размещению новых выпусков ценных бумаг. Это требование обеспечивалось посредством обязательной процедуры их регистрации в Федеральной торговой комиссии. В 1934 г. для осуществления контрольных функций на рынке ценных бумаг конгрессом была учреждена Комиссия по ценным бумагам и биржам.

Гражданский корпус содействия охране и восстановлению лесов (Civilian Conservation Corps Reforestation Relief) был учрежден 31 марта в качестве меры для снижения безработицы среди городской молодежи. Этот орган ведал обеспечением федеральных работ по строительству дорог, лесонасаждениям, гидромелиорации, обустройству национальных парков и т.п.

Закон о федеральной чрезвычайной помощи (Federal Emergency Relief Act), принятый 12 мая, учредил Федеральную администрацию чрезвычайной помощи (Federal Emergency Relief Administration), которая ведала распределением средств федеральной программы чрезвычайной помощи. 500 млн. долл. — половина ресурсов программы — было передано штатам непосредственно, а вторая половина предоставлялась по принципу: 1 долл. федеральных средств выделялся в дополнение к каждому 3 долл., которые правительства штатов и местные органы власти ассигновали на меры по снижению безработицы.

Закон о создании Управления долины Теннесси (Tennessee Valley Authority Act), вступивший в силу 18 мая 1933 г., утвердил

право правительства владеть и управлять гидроэлектрокомплексом в долине Теннесси и наделял государственную корпорацию полномочиями производить и распределять электроэнергию в регионе, охватывающем шесть штатов. Закон о ссудах владельцам жилья (Home Owners Refinancing Act) предусматривал создание Ссудной корпорации владельцев жилья, которая была уполномочена выпустить облигации на 2 млрд. долл. для обеспечения рефинансирования ипотечных закладных. Решение об отказе от золотого стандарта полностью запрещало экспорт золота и устанавливало свободно колеблющийся курс доллара относительно других валют. Чрезвычайный закон о железнодорожном транспорте (Emergency Railroad Transportation Act) упорядочивал управление мощностями и предоставление услуг железных дорог с целью устранения дублирования и упрощения всех операций.

Закон об оздоровлении промышленности (National Industrial Recovery Act), принятый 16 июня, учреждал Национальную администрацию по оздоровлению промышленности (National Recovery Administration) и наделял правительство полномочиями регулировать зарплату, цены, продолжительность рабочего времени, а также процесс конкуренции в промышленности. На основе этого закона была создана Администрация общественных работ (Public Works Administration).

Закон Гласса—Стигала («Glass-Steagall Banking Act») вывел коммерческие банки из сферы инвестиционного бизнеса, поскольку этот закон запрещал финансовым институтам прием депозитов и первичное размещение ценных бумаг. Перечисленные важнейшие решения, принятые только за первые 100 дней пребывания у власти администрации Рузвельта, заложили фундамент системы государственного регулирования экономики США. Масштабы этих решений, их действенный характер способствовали переходу американской экономики к оздоровлению. Важно подчеркнуть, что решительная и динамичная политика администрации Рузвельта вызвала психологический перелом нации, на смену «катастрофическим настроениям» пришел созидательный настрой. Эта политика генерировала чувство уверенности в том, что правительство владеет ситуацией и день ото дня усиливает свое позитивное влияние на экономическую жизнь. И хотя период 1930-х гг. принес еще целый ряд трудностей и испытаний для экономики США, а также других стран капитализма, потенциал преобразований, заложенный в новом курсе, позволил в итоге успешно преодолеть их и вывести экономику США на более высокий уровень развития.

К числу основных сфер воздействия Нового курса следует отнести промышленность, аграрный сектор, рынок труда и сферу социального обеспечения. Основой воздействия на промышленность стал принятый 16 июня 1933 г. Закон об оздоровлении промышленности (National Industrial Recovery Act-NIRA). В соответствии с этим законом была создана Национальная администрация по оздоровлению промышленности (National Recovery Administration-NRA), которая широко применяла различные методы по внедрению «кодексов честной конкуренции», которые включали пункты о размерах производства, распределения рынков между компаниями, регулирование величины заработной платы и размеров рабочего времени. Аппарат NRA пронизал всю страну. «Кодексы честной конкуренции» превратились в административный рычаг ориентации производства на ведущие компании в каждой отрасли. Другая цель NRA — добиться согласия между предпринимателями, наемным персоналом и потребителями. Достаточно сказать, что всего было одобрено 750 кодексов для самых разных компаний. NIRA впервые в истории США регламентировал три основных параметра наемного труда:

- была введена минимальная заработная плата;
- установлена максимальная продолжительность рабочего дня;
- запрещен детский труд.

Проводя активную политику усиления воздействия государства в области экономики, правительственные органы приняли в 1930-е гг. серию централизованных программ-заказов, особо оплачиваемых из федерального бюджета. Сюда вошли заказы на накапливаемые и приобретаемые государством стратегические материалы, сырье и оборудование. Правительство Ф. Рузвельта осуществило и перестройку в области военных контрактов: оно приняло развернутую программу единых межведомственных заказов на оборудование и военную технику для военных целей, приобретение и аренду земли и другие специальные программы по укреплению экономического и военного потенциалов США.

Еще ранее, до принятия NIRA, 12 мая 1933 г. был принят основополагающий акт аграрного законодательства (Agricultural Adjustment Act-AAA). Согласно AAA производство пшеницы, хлопка, кукурузы, риса, табака, мяса и молока сократилось настолько, чтобы соотношение между ценами на эти товары и на промышленные товары соответствовало соотношению среднего уровня сельскохозяйственных и промышленных цен за пятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне. Были также приняты

отдельные законы по табаку, хлопку, кукурузе, картофелю и т.д. Главная цель этих актов была в том, чтобы поднять цены на сельскохозяйственную продукцию. Наряду с сокращением производства в аграрном секторе Новый курс предусматривал и консолидацию фермерских долгов.

Созданные в мае 1933 г. Федеральные организации помощи безработным начали осуществление крупномасштабных общественных работ.

В 1935 г. Конгресс США принял закон о социальном страховании, который Ф. Рузвельт подписал 14 августа. Этот закон впервые в истории США ввел страхование двух видов — по старости и по безработице.

Всего по всем программам и с целью повышения покупательной способности населения было израсходовано в США в 1933—1939 гг. около 20 млрд. долл., из которых свыше 12 млрд. приходилось на финансирование общественных работ федерального правительства. Сумма в 20 млрд. долл. равна почти всей сумме дефицита в государственном бюджете США за июль 1933 г. — июль 1939 г. Для поддержания спроса Рузвельт стал применять финансовые инъекции. Администрация Рузвельта постоянно занимала, перезанимала и расходовала деньги, увеличивая скорость их обращения. Значительные суммы расходовались на оказание финансовой помощи банковским и кредитным учреждениям, промышленным трестам и транспорту, строительству, безработным, фермерам.

Главным источником финансирования стал внутренний государственный долг американского правительства. Следует отметить, что ко времени прихода Рузвельта к власти государственный долг США был небольшим по сравнению с другими странами. В Великобритании, например, государственный долг в начале 1930-х гг. составлял около 30% национального богатства, тогда как в США — менее 8%. Чтобы достигнуть уровня задолженности Великобритании, США могли увеличить свой внутренний долг примерно на 50 млрд. долл., учитывая экономические условия и цены 1933 г. Излишне говорить, что в условиях развитого рынка ценных бумаг государственный долг финансировался путем эмиссии государственных облигаций и казначейских векселей, по которым выплачивались проценты и которые высоко котировались ввиду их высокой надежности.

Безусловно, каждый элемент Нового курса имел различные последствия для развития страны. И эти последствия требуют де-

тального рассмотрения. Но основная идея Нового курса, как магистральной программы экономических реформ, как никогда актуальна для России. Несмотря на все существующие политические, социальные и хозяйственные трудности и на все отличие от США, Россия обязана в ближайший период ответить на вызов времени и войти в число современных в технологическом, экономическом и социальном смысле держав. Стратегия ответа России на вызов времени могла бы состоять в определенном усилении государственного регулирования на основе продуманной долговременной концепции рыночных реформ. Это действительно историческая задача, которую необходимо решать современным российским реформаторам.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Так сложилось, что 2000 г. Соединенные Штаты встретили с администрацией Демократической партии в Белом доме. Многие факторы благоприятствовали амбициозным претензиям президента Б.Клинтона способствовать вступлению США в XXI в. еще более могущественными и процветающими, еще раз показать всему миру преимущества американской модели развития и эффективной своевременной реакции на вызовы времени, с которыми столкнулись все страны, включая и Соединенные Штаты Америки. Однако было бы неправильно умалять деятельность и самой администрации в последние годы, обращая внимание лишь на удачное сочетание внутренних и внешних обстоятельств. С первых дней нахождения у власти администрация Клинтона занимала активную позицию практически по всем проблемам социально-экономического развития страны. Политические конкуренты — республиканцы, уступив демократам исполнительную власть, сохранили множество рычагов законодательного воздействия на администрацию.

Экономическая наука и экономическая политика

По различным признакам во второй половине XX в. американская экономическая наука стала претендовать на лидирующие позиции в мире. Если взять за критерий число нобелевских лауреатов по экономике, то, безусловно, большинство из них — это граждане США. Конечно, можно оспаривать решения Нобелевского комитета и иметь свое мнение о достижениях экономистов

разных стран, но факт остается фактом — американская экономическая наука находится не в стороне от актуальных вопросов развития экономики страны¹.

Обилие видных экономистов позволило сформировать в США своеобразный «нобелевский фон», при котором ни одна теория, ни одно течение экономической мысли не довели над другими взглядами и позициями, а, наоборот, дополняли друг друга. Именно это обстоятельство оказалось решающим и при становлении и развитии учебных курсов по *экономике* в вузах страны, и при определении взаимоотношений между экономической наукой и экономической политикой, между учеными и политиками.

С определенной долей условности все теоретические направления современной американской экономической мысли можно разделить на две большие группы — классическую и кейнсианскую, если исходить из истоков. Понятно, что в послевоенное время классическое направление превратилось в неоклассическое, а кейнсианское — в неокейнсианское. Другие экономические школы (монетаризм, институционализм, экономика предложения, экономика рациональных ожиданий и пр.) находятся либо в рамках основных течений, либо на стыке их.

Если не затрагивать иных теоретических тонкостей, то фактическим водоразделом между неоклассическим и неокейнсианским направлениями является *экономическая роль государства* в рыночной системе. Иными словами, неоклассики по-прежнему уповают на «невидимую руку» рынка, а неокейнсианцы не видят современной экономической рыночной системы без активной роли государства и его соответствующих рычагов и атрибутов (промышленной, кредитно-денежной и фискальной политики, антимонопольного регулирования, социальной поддержки и др.).

Начиная с «нового курса» Ф.Рузвельта, демократы традиционно тяготеют к дополнению рыночных принципов социальной и экономической ответственностью государственных институтов, что, в конечном счете, сближает их с лагерем неокейнсианцев. Однако при администрации Клинтона появился ряд относительно новых существенных моментов:

— во-первых, нередко декларируется, что экономическая политика администрации не опирается на какую-либо одну *теоретическую* модель, а исходит из синтеза современных *теоретических* подходов к реалиям сегодняшнего дня и перспективам будущего;

¹ Подробно об американцах — нобелевских лауреатах по экономике см.: отдел 1, п. 7.

— во-вторых, «снят с вооружения» и политиков, и практиков лозунг «рынок любой ценой», а также призыв «долгой государству», или «чем меньше государства, тем лучше». Безусловно, в политической риторике никто не смеет даже намеками подвергать сомнению божественную силу «свободного рынка», точно так же, как никто не ратует за «государство-левиафан»;

— в-третьих, все свои многочисленные функции в американском обществе и на мировой арене государство должно выполнять в рамках сбалансированного федерального бюджета (дефицитное финансирование — не самоцель);

— в-четвертых, на рубеже XXI в. государство готово помочь своему народу адекватно ответить на вызовы будущего — глобализация рынка, усиление конкуренции, обострение глобальных проблем, резкое повышение роли человеческого потенциала, информационная революция, чтобы в новых условиях обеспечить экономическую безопасность страны;

— в-пятых, государство осознает свою ответственность за то, чтобы подготовить страну к новой роли в мировом сообществе в будущем столетии. Другими словами, своей практической деятельностью администрация Клинтона как бы раздвигает рамки экономической теории до международных масштабов, улавливая довлеющее значение интернациональных тенденций над национальными на рубеже тысячелетий.

Прагматизм в экономической политике Вашингтона позволяет государственным мужам легко обращаться с любыми постулатами и догмами в экономической теории. Чтобы вывести страну из жесточайшего кризиса, президент Ф.Рузвельт в 1933 г. перестал уповать на игру рыночных сил и употребил государственную власть в ключевых сферах хозяйственной жизни. В США и в других странах все чаще вспоминают опыт «Нового курса» Ф.Рузвельта по разным причинам. В США — потому, что национальная экономика время от времени становится похожей на «раздутый шар», готовый лопнуть в самый неподходящий момент. Продолжается рост цен на корпоративные ценные бумаги, резко возросло число слияний и поглощений, особенно в финансовом секторе, ползет вверх цена на недвижимость. Не случайно поэтому многочисленная литература по «Новому курсу» дополнилась новым фундаментальным монографическим исследованием¹, со-

стоящим из четырех основных разделов — макроэкономическая политика, расширение государственных программ и регулирования федерального правительства, экспансия социальных программ, международные программы и отношения. В книге содержится подробный анализ того, насколько Соединенные Штаты усвоили уроки Великой депрессии и каково значение этих уроков вообще.

История взаимосвязи экономической науки и экономической политики в США показывает, что экономическая политика достигает наибольшей эффективности тогда, когда она вооружена теорией, но не находится у нее в плену, и когда ощущает пульс времени, ибо для политики нет ничего губительней, чем потерять связь с реальным временем.

Скажем, экономическая политика администрации Клинтона не могла не учитывать, какова структура национального богатства страны. Профессор Йельского университета Роберт Шиллер произвел собственные подсчеты структуры богатства. Все национальное богатство страны в 1996 г. оценивалось в 114 трлн. долл. Как видно из табл. 15, львиная доля богатства — это человеческий капитал, или совокупные доходы населения. Известно, что национальное богатство можно структурно определить и по другим компонентам. Между тем избранный Р. Шиллером метод подсчета наглядно показал, что главное достояние Америки, ее решающий потенциал — это люди, весомость которых напрямую выражается и в стоимостном выражении, и в размере накопленных доходов. Отсюда и формируется отношение государства к своим гражданам, человеческая составляющая экономической политики федерального правительства США.

Таблица 15

Структура национального богатства США в 1996 г.

Все богатство	100 %
Человеческий капитал	73,7%
Финансовые активы	16,2%
Недвижимость	7,9%
Товары длительного пользования	2,2%

Источник: NBER Reporter. Spring 1998. P. 17.

¹ The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century. Ed. by M.Bordo, C.Goldin, E.White. Chicago, 1998.

На страницах научных изданий, да и в периодической печати еще довольно часто можно обнаружить дискуссию о роли государства в американском обществе. На самом деле уже давно считается нормальным, что именно государство должно проводить эффективную экономическую политику на основе стратегии своего хозяйственного поведения.

По экономическому докладу президента, с которым он ежегодно обращается к Конгрессу США, можно получить довольно полное представление об опорных точках экономической политики федеральной администрации.

Особый интерес представляют два экономических доклада американского президента. В феврале 1997 г. Б.Клинтон представил доклад, в котором подводились итоги первого четырехлетия пребывания демократов в Белом доме, а в 2001 г. доклад носил вроде бы «прощальный» характер, хотя также содержал анализ проделанной правительством работы в экономической области, положения дел в национальной экономике и в обществе в целом.

Главное, что подчеркивал и с чего начинал свой доклад в 2001 г. Б.Клинтон, это создание новых рабочих мест и общее сокращение безработицы. Здесь следует обратить внимание, что само по себе федеральное правительство не расширяло свою работодательную функцию, а наоборот — сокращало число федеральных служащих. Но при такой экономической политике администрации бизнес открывал новые рабочие места. За восемь лет в стране образовалось 22 млн. новых рабочих мест, а уровень безработицы упал с 7,5 до 4%. Инфляция в среднем держалась не выше 2,1%, что, в конечном счете, позволило сократить уровень бедности в американском обществе¹.

В значительной мере указанные результаты стали следствием следующих направлений деятельности администрации:

Сокращение дефицита федерального бюджета. С 1992 г. страна неуклонно сокращала дефицит, который последний раз был в 1997 г., а затем наращивался профицит, достигший в 2000 г. более 260 млрд. долл.²

Инвестиции в образование и технологии. По мнению Б.Клинтона, ликвидация дефицита бюджета не должна повлечь сокращение инвестиций в образование, науку, технологии. В гря-

душей новой глобальной экономике американские дети должны получать образование мирового класса, а 12-летний школьник должен иметь доступ и свободно ориентироваться в Интернете. В противном случае экономический рост потеряет свою питательную среду.

Рыночная экспансия. США активно расширяют внешние рынки для своих компаний. Разработана и методично внедряется внешнеэкономическая стратегия страны. Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА), Всемирная торговая организация (ВТО), Корпорация по частным инвестициям за рубежом (АПИК) и Зона свободной торговли для всего Американского континента — это лишь часть объектов постоянного внимания федерального правительства. Экспортные отрасли не только более динамичны, но и обеспечивают своим работникам зарплату в среднем на 13—16% выше, чем в других отраслях.

Реформирование правительства. Реформирование деятельности правительства не является самоцелью, ибо главная задача государства — создать условия для процветания своих граждан и их бизнеса. И хотя задачи перед государством неимоверно усложнились, число федеральных служащих сократилось до уровня 1930-х гг. XX столетия. Исполнительная власть стала меньше по численности занятых, но активнее и эффективнее по своей реальной деятельности. Именно федеральное правительство взяло на себя ответственность подготовить национальную экономику к вызовам XXI в.

Как бы ни складывались внутренние и внешние обстоятельства экономического развития США, без целенаправленной экономической политики администрации Клинтона достичь профицита федерального бюджета в 1998 г. не удалось бы. Этот факт выделил США среди всех других индустриальных стран, которые не смогли избавиться от дефицита государственных бюджетов в преддверии нового столетия. Что отсюда следует?

Во-первых, государство может играть активную роль в экономике не обязательно за счет дефицитного финансирования. Это означает, что неокейнсианский подход в наше время может реализовываться без роста государственного долга, но при большей маневренности государственных финансов. В конечном счете, госбюджет легчает за счет уменьшения значения того элемента расходной части, которая предназначена для обслуживания государственного долга.

Во-вторых, приобретает новый ракурс сама дискуссия о роли государства в рыночной системе. Во многом решается проблема

¹ Economic Report of the President. Wash., 2001. P. 317, 343.

² Ibid. P. 367.

снятия ответственности будущего поколения за нынешнюю неэффективную деятельность правительства. Растет доверие граждан к государству, которое «живет по средствам». В определенной степени снимается противопоставление рынка и государства, ибо последнее выступает самым надежным гарантом рыночных принципов.

Как известно, сменившая в 2001 г. демократов республиканская администрация Дж. Буша-младшего оказалась вынужденной скорректировать свою экономическую политику, поскольку, во-первых, 2001 г. оказался годом циклического спада в американской экономике и, во-вторых, существенное воздействие на атмосферу в стране и обществе оказали террористические акты 11 сентября. «Америка столкнулась с уникальным моментом в своей истории, — признает Дж. Буш-младший, — наша нация в состоянии войны, наша родина атакована и наша экономика в состоянии рецессии»¹. И хотя страна вновь пришла к дефицитному финансированию государственных расходов, стратегические цели ее остались прежними.

Внутренние и внешние аспекты

Для понимания концептуальных основ экономической политики современной администрации США важное значение имеет феномен американского лидерства. Хотя само по себе это явление имеет ряд аспектов: политический, военный; информационный, экономический и др., его базой, безусловно, выступает национальная экономика. Множество обстоятельств в течение XX в. способствовало росту экономического могущества США, выдвижению страны на первое место в мире по экономическим показателям. Но прошлые успехи не могут гарантировать стране безоблачной жизни в будущем. Мир стал настолько динамичным, настолько изменчивым, что сегодняшние тенденции не всегда могут служить исходной базой для прогнозирования будущего.

Как считает Экономический совет при президенте, наиболее существенными изменениями в мире в конце XX в. стали окончание холодной войны, индустриализация развивающихся стран, растущая глобализация². Все это можно оценивать с различных позиций, в том числе теоретических.

Окончание холодной войны и распространение рыночных принципов развития по всему земному шару может означать, что

экономические законы, законы рынка и конкуренции приобретают главенствующее значение как в национальном, так и международном масштабе. Возникает новое состояние мирового сообщества, когда роль каждой страны, включая и США, будет зависеть в основном от конкурентоспособности компаний и национальной экономики в целом. В этой связи появляется практическая задача поддержания свободных конкурентных отношений на мировом рынке. А здесь ситуация более сложная, нежели в любом национальном хозяйстве, так как в международной торговле фактически все государства до сих пор в той или иной мере поддерживали компании своих стран. Поэтому содержание антимонопольного регулирования на международном рынке радикально отличается от защиты конкуренции на внутреннем рынке. Как показывает опыт последних лет, эта задача должна решаться на межгосударственном уровне. Иначе говоря, именно государство на этом уровне втягивается в сугубо экономические отношения, которые, во-первых, определяют конкурентную среду на мировом рынке и, во-вторых, оказывают обратное влияние на состояние конкуренции внутри стран.

В результате мы имеем ситуацию, когда одновременно формируется и теоретическая концепция, и практическая платформа «мирового экономического порядка» XXI в. Как видно, и теоретически, и практически само объективное развитие выдвигает государство на ключевые позиции как в национальном, так и мировом хозяйстве. Подобную тенденцию уловило американское государственное руководство, и поэтому США, не дожидаясь теоретических разработок в рамках известных экономических течений, пошли по пути здравого прагматизма, исходя из задачи отстоять национальные интересы страны и в необычных условиях XXI столетия.

Различные экономические школы складывались исторически на базе развития отдельных стран. Поэтому и практические рекомендации таких школ относились в основном к вопросам внутриэкономического развития того или иного государства. В условиях, когда постепенно главенствующими становятся интернациональные, а не национальные тенденции, когда растет взаимозависимость стран в мировом хозяйстве, экономическая политика ищет новую, современную теоретическую опору. И не только экономическая политика, но все современное содержание мирового развития требует новой парадигмы, нового обобщения современных реалий, которые по многим критериям непохожи на прежние тенденции и закономерности.

¹ Economic Report of the President. Wash. 2002. P. 4.

² Economic Report of the President. 1997. P. 236—247.

Если встать на рыночные позиции в мировом сообществе, то стремление США сохранить свое лидерство означает не что иное, как обеспечить себе исключительное, или в определенном смысле *монопольное* положение. Фактически, агитируя за открытость рынка, за свободу конкуренции, Соединенные Штаты не хотят пользоваться лишь теми же правами и возможностями, что и другие страны. Волей-неволей сильные США внедряют в мировой экономический порядок XXI в. двойной стандарт — один подход ко всем, другой — к своим интересам. Очевидно, было бы наивно рассчитывать на другое поведение Вашингтона, когда сегодня Соединенным Штатам нет равных в мире по многим параметрам. И это тоже одна из концептуальных основ экономической политики администрации Клинтона и Дж.Буша-младшего.

Рынок никому не прощает иллюзий. Рынок признает и уважает только одну силу — экономическую. И именно сообразно соотношению сил в экономической борьбе распределяются лавры победителям. США делают все, чтобы не оказаться среди проигравших. Рынок не может функционировать без поддержки и защиты государства, а на международном уровне — без защиты институтов мирового сообщества. Но в то же время рынок никому не дает гарантий. Никогда на сто процентов «приручить» рынок невозможно. Всегда остается вероятность, что в тот или иной момент рынок напомнит о своей непредсказуемости. В этом случае государство должно иметь необходимые резервы для «коррекции» ситуации в интересах национальной экономической безопасности.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

История взаимоотношений американского государства с рынком, со свободным предпринимательством носит уникальный характер. В Северной Америке сложились по-своему идеальные условия для становления и развития капитализма, для формирования государства, вырастающего и крепнущего вместе с укоренением в хозяйственной жизни рыночных принципов. Иначе говоря, государство и рынок в США набирали силу одновременно, хотя при этом экономическая функция государства в наибольшей мере проявилась лишь в первой половине XX в.

Примечательно историческое совпадение: в 1776 г. провозглашается североамериканское независимое государство и в том же году в Англии выходит основополагающая работа Адама Сми-

та «Исследование о природе и причинах богатства народов». Конечно, эти события не равнозначны. Но с вершин сегодняшнего дня мы видим, как принципы, заложенные в «Богатстве народов», послужили ориентиром для экономической политики США.

Из всего многообразия факторов, определяющих природу и причины богатства Америки, выделим роль государства и попытаемся выявить движущие силы активной позиции государства в переломные периоды развития американского общества.

Обеспечение национальной экономической безопасности

Исторические факты свидетельствуют о том, что объединение штатов в единое государство диктовалось стремлением не только обрести политическую независимость, но и создать благоприятные условия для динамичного экономического развития на всей территории США. Экономические кризисы XIX в. не несли угрозы значительных разрушений, и экономическая роль государства предопределялась общей логикой хозяйственного развития страны — укреплением промышленности, строительством железных дорог, образованием крупных корпораций, поддержкой национального бизнеса, а не «тушением» всплеск циклических кризисов (таких, как кризис перепроизводства 1819 г.). В этот период государство разными методами стимулировало развитие национальной экономики, предоставляя частному бизнесу свободу инициативы и целевую поддержку. К концу XIX в. не экономические кризисы, а бурный рост промышленных и банковских «гигантов» вынудил государство начать разработку и внедрение анти-трестовского законодательства, чтобы поддержать конкурентный механизм национальной экономики, обеспечить национальную экономическую безопасность.

Несмотря на то, что на практике федеральное правительство различными способами участвовало в экономической жизни общества, в стране не утихали дискуссии о степени вмешательства государства в экономику. Хотя фактически ни один бизнесмен не мог обойтись в той или иной мере без содействия федерального правительства или правительства штата, хорошим тоном считалось сваливать на государство все беды и неудачи как частного бизнеса, так и страны в целом.

Однако Великая депрессия заставила американцев задуматься не только об экономических проблемах, но и о судьбе нации и всего государства. Именно громадное социальное напряжение

внутри страны, вызванное огромной безработицей, создало реальную угрозу национальной экономической безопасности. Государство в лице Ф.Рузвельта взяло на себя всю полноту ответственности за вывод страны из кризиса, восстановление и стабилизацию экономики и социального климата в американском обществе. Весь комплекс мер федеральных властей, получивший название «Новый курс», не вписывался ни в теоретические постулаты всеисилия «невидимой руки» рынка, ни даже в существовавшие законодательные акты. Кризис 1929—1933 гг. и реализация «Нового курса» стали переломным этапом в осмыслении роли американского государства в экономике. Впервые в истории США при президенте Ф.Рузвельте был образован Совет по национальной экономической безопасности, который фактически координировал все мероприятия в рамках «Нового курса».

Через 60 лет после избрания президентом США Ф.Рузвельта в Белый дом пришел президент Б.Клинтон, а в 2001 г. управлять страной начала республиканская администрация Дж.Бушамладшего, которые также в рамках своей администрации образовали Совет по национальной экономической безопасности. Но теперь, по мнению американских специалистов, угроза национальной экономической безопасности обусловлена внешними источниками: международной конкуренцией в мировой экономике и терроризмом. Свою задачу экономическая «команда» Белого дома видит в обеспечении повышения конкурентоспособности американских товаров и услуг как на внутреннем, так и на мировом рынке. И вновь речь идет о поддержании социальной стабильности в обществе, но иными методами.

Может показаться странным, что США как ведущая мировая держава обеспокоены своей экономической безопасностью, проявляя известную «неуверенность в завтрашнем дне». На самом деле на рубеже XXI в. международная экономическая конкуренция во все большей степени становится важнейшим внутренним фактором развития всех стран, в том числе и США. Принять вызов такой конкуренции может только страна в целом, а не отдельная, пусть и транснациональная, корпорация. Именно поэтому в таких условиях эффективность американского государства выражается в обеспечении национальной экономической безопасности. Расширяется перечень критериев эффективности деятельности государства, к которым можно отнести все показатели экономической безопасности страны, достигнутой благодаря соотвествующей политике федерального правительства. Если же

попытаться дать определение экономически эффективного государства, то в самом общем виде можно сказать, что это — *государство, которое отстаивает свои национальные интересы и обеспечивает свою национальную экономическую безопасность в условиях неограниченной международной конкуренции*. Количественное выражение такого определения равнозначно выявлению оптимума между открытостью национальной экономики и поддержкой своих производителей на внутреннем и внешнем рынках.

В этой связи новый ракурс получает рассмотрение экономической роли государства в целом. Так как условия развития мирового хозяйства и американской экономики в конце второго тысячелетия существенно отличаются от подобных условий начала и даже середины XX в., то появилось основание исследовать экономическую роль государства не по степени *вмешательства* в рыночный механизм, а по *степени участия в обеспечении внутренних и внешних условий* функционирования национальной экономики. Иными словами, экономически эффективным государство может быть только тогда, когда эффективной является сама экономика. Но и при «плохом» государстве не может быть «хорошей» национальной экономики, развивающейся на основе рыночных принципов.

В рыночном хозяйстве структура национальной экономики динамично изменяется. Одни отрасли ослабевают и даже отмирают, другие — укрепляются и начинают играть ведущую роль. Переломные моменты наступают в годы циклических экономических кризисов. Особенно существенные изменения стали происходить во второй половине XX в., когда новые технологии, прежде всего в информационной сфере и сфере коммуникаций, фактически приводят к революции в условиях хозяйствования как в США, так и в других странах. Формируется новая конкурентная среда на информационном поле, которое, с одной стороны, как бы предоставляет всем равные шансы и свободу выбора, а с другой — порождает монополизм и диктат собственников «информационных ценностей» современного общества.

Опираясь на частную собственность во всех ее проявлениях, американская экономика постепенно расширяла свою базу, которая своей устойчивостью обязана многообразию форм собственности и организационных видов предпринимательства. Если в стране существование и развитие той или иной формы собственности определяются экономическими причинами, а не чисто административными ограничениями, то снимаются предпосылки

для нелегального бизнеса, и любой предприниматель может рассчитывать при необходимости на защиту государства, которому он платит налоги. Очевидно, с этой точки зрения государство может считаться экономически эффективным *только* тогда, когда в стране сохраняется возможность для эффективного функционирования любого вида предпринимательства в рамках существующего хозяйственного законодательства.

Экономическая история США показывает, что динамизм рыночной экономики зависит не от одного какого-либо звена в цепи малого и большого бизнеса, а от сочетания всех видов и форм деловой активности. При этом экономическое доминирование большого бизнеса в XX в. оказывается необходимым, но недостаточным фактором. Мозаика среднего и малого бизнеса как раз и содержит надежные предпосылки для использования всех возможностей общества в процессе экономического роста.

«Правила игры» в рыночной среде

Специфические исторические условия развития рыночной экономики в США не сказались на формировании важнейших черт рыночной системы. Наоборот, на Американском континенте, можно сказать, действовали классические рыночные «правила игры», или «правила поведения» всех участников рынка, всех экономических единиц национальной экономики. К числу основополагающих черт рыночной экономики относится конкуренция.

Есть конкуренция — есть развитие и движение вперед. Нет конкуренции — неизбежно возникают застойные явления либо в форме монополизации производства, либо в ином виде. Поэтому важно, чтобы конкурентный механизм мог бесперебойно работать повсюду — без ограничений по любому признаку.

В этой связи особого внимания заслуживает территориальный аспект рыночной среды. Известно, что территориальный фактор рынка нередко обусловлен не просто географическими параметрами, а напрямую связан с национальными, культурными, климатическими, историческими и иными условиями проживания населения и деятельности бизнеса. Однако отсюда не следует, что по признаку территориальности или по любому другому признаку внутри США рынок дробится на множество частей. Особенность национальной рыночной экономики состоит в ее *целостности*. Нормальное, естественное развитие рыночных отношений не терпит никаких преград на пути свободного перемещения товаров, капитала, рабочей силы.

Более того, единое экономическое, рыночное пространство в рамках границ отдельного государства (как США, так и других стран) обязательно предполагает и равенство всех условий, однозначность «правил игры» как для населения, так и для бизнеса. Не случайно поэтому в истории США общенациональному рынку отводилась не последняя роль в процессе объединения разрозненных территорий и штатов и создания целостного государства. Примечательным здесь является факт активного участия федерального правительства в формировании транспортной инфраструктуры в стране, которая во многом предопределила единство национального рынка. Еще в XIX в. правительство поддерживало распространение рыночных связей по всей стране, обеспечивая за счет бюджетных средств 70% расходов на строительство каналов и 30% — на прокладку дорог¹. А в южных штатах доля участия правительства была еще выше, т.к. строительство железных дорог на 75% финансировалось государством².

В рыночной среде критерием эффективности служит прибыльность любого бизнеса. Однако по мере развития американской экономики и общества все отчетливее стали проявляться сферы, где прибыльность не может выступать единственным или идеальным критерием эффективности. В ряде случаев вообще невозможно говорить об эффективности, измеряемой прибылью, скажем, в таких важнейших для современного общества сферах, как образование, фундаментальная наука, защита окружающей среды и др. Здесь «невидимая рука» рынка оказывается бессильной в том, чтобы определить значимость подобных сфер для общества. В XXI в. роль «нерыночных» сфер в развитии американского общества будет расти, но господствующими по-прежнему останутся «правила игры», которые свойственны рыночной экономике в целом. При таких обстоятельствах роль государства еще более усложняется. С одной стороны, государство — своеобразный гарант рыночной системы, с другой — оно не может не поддерживать те сферы жизнедеятельности общества, где рыночная мотивация «пробуксовывает». Отсюда следует, что государство по характеру своей экономической деятельности становится одновременно и составляющим элементом рыночного устройства, и стабилизирующим фактором общественного развития в целом.

¹ The Government and the Economy: 1783—1861 / Ed. by C. Goodrich. Indianapolis, 1967. P. XVI, XVII.

² Healths M., Lively R.A. The American System // Business History Review. 1955. March. P. 86.

И здесь необходимо еще раз остановиться на так называемом «вмешательстве» государства в рыночную экономику. Действительно, если государство стремится подменить или даже в определенной мере заменить рынок и конкуренцию, то тут налицо реальное вмешательство. Но в случае, когда государство выступает лишь гарантом «правил игры», гарантом рынка и конкуренции, то в этой части оно органически вписывается в рыночные принципы поведения.

История американской экономики и американского государства — это история дискуссий о роли федерального правительства и в то же время история поиска оптимума в практической экономической политике, которая, с одной стороны, не давала бы оснований для обвинений в «громадности государства», а с другой — способствовала бы раскрытию всех преимуществ рыночной системы на разных этапах развития страны.

Государственное воздействие — количественные параметры

Исследование экономической эффективности американского государства на аналитическом уровне предполагает также выражение этого явления в количественных показателях. Правда, многие из используемых в этих целях показателей не всегда напрямую определяют экономическую эффективность деятельности государства.

Если говорить об экономической и социальной роли государства, то для ее определения наиболее существенными являются два показателя — масштабы государственной собственности и доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте страны. Так как в США государственная собственность мало связана с хозяйственной деятельностью, в экономической литературе приоритет отдается доле государственных расходов в ВВП.

Приведем некоторые сравнительные данные. В конце XIX в. среднемировой уровень государственных расходов в ВВП составлял 8,3%, в то время как в США — 4%. Но уже в 20-х гг. средний показатель по развитым странам возрос до 15,4%, а в 60-х гг. — до 27,9 и в начале 80-х гг. — до 42,6%. Причем ни в одной из индустриальных стран эта доля не опускалась ниже 30%, а в США в 2000 г. удельный вес совокупных расходов федеральных властей и властей штатов в ВВП равнялся 29%¹. Таким образом, хотя США и отстают от европейских стран по доле государственных расходов в

¹ Подсчитано по: Economic Report of the President. Wash., 2002. P. 320, 418.

ВВП, они находятся в русле общемировых тенденций. Иными словами, государство стало залогом стабильности и устойчивости всего общественного развития.

Анализ структуры государственных расходов свидетельствует о том, что большая часть расходов американских федеральных властей — это затраты социального характера, обеспечивающие стабильность общества. В Отчете о мировом развитии Всемирного банка «Государство в меняющемся мире» (1997 г.) отмечается, что «именно возросшее влияние государства переместило акцент с количественного аспекта государственного влияния на качественный, другими словами, внимание переместилось с размера государства как такового и объема его вмешательства на его эффективность и степень удовлетворения нужд населения»¹.

Так как основным источником бюджетов штатов и федерального правительства являются налоги, которые платят граждане США, то вполне понятно, что они, во-первых, заинтересованы в том, чтобы налоги были меньше и, во-вторых, чтобы деньги налогоплательщиков расходовались эффективно. Не случайно столь популярны среди американских избирателей лозунги типа «долгой громадное правительство» или «чем меньше правительство, тем лучше». Поэтому, борясь за пост президента, Дж. Буш-младший в 2000 г. не устал повторять: «Нет бюрократии, нет большому правительству!». В то же время Совет экономических консультантов при президенте США счел необходимым выделить еще в 1997 г. стержень экономической политики федерального правительства: «Правительству следует обратить свое внимание на те сферы, в которых рынок не проявляется адекватно своей сути, в которых возможностей индивидуума недостаточно для получения желаемых результатов и в которых коллективное действие через правительство есть наиболее эффективный путь»². Этот вывод актуален и сегодня.

Правда, возлагая на себя ответственность за регулирование неподвластных или слабо подвластных рынку сфер, федеральное правительство внедряет в сам государственный регулирующий механизм рыночные принципы и рыночную мотивацию, которые помогают «правительству достичь целей общества»³. Рынок служит не только частному бизнесу, но и как инструмент государства — всему обществу. Не случайно Совет экономических консультан-

¹ Цит. по: Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 7.

² Economic Report of the President. Wash., 1997. P. 20.

³ Ibid. P. 189.

тов в своем докладе президенту США специально посвятил этой проблеме отдельную главу «О роли правительства в рыночной экономике США»¹, где говорится о необходимости сокращения расходов федеральных властей и повышении эффективности их действий. Но было бы очень просто определять эффективность государства только через сокращение затрат на содержание аппарата. Определение экономической эффективности государства не может быть сведено к модели «затраты — выпуск», а включает множество различных параметров, которые часто не поддаются экономическому измерению. Как свидетельствует американский опыт, чем меньше влияние субъективного фактора на процесс принятия решений, тем выше результативность и объективность работы государственных институтов.

Точно так же, как для работы органов государственного управления требуются соответствующие законодательные нормы, для функционирования рыночной экономики необходимо отлаженное правовое пространство. Именно поэтому столь большое внимание уделяется в американской экономике правовому обеспечению всех видов деловой активности. По существу, хозяйственное право выступает как юридическая основа рыночной экономики. Каждый человек, каждый бизнесмен, каждая компания могут чувствовать себя уверенно в любом деле, если они знают, что соблюдают закон и защищены законом.

Универсальность рыночных принципов как в бизнесе, так и в некоторых видах государственной деятельности не обладает свойством самоподдерживания. Если вновь обратиться к истории США, то можно обнаружить, что по мере развития национальной экономики и возникновения и укрепления крупных компаний развивалось законодательство по защите конкуренции, против проявлений монополизма в разных формах. Но конкуренция, отбирая лучших и наиболее эффективных в рыночном хозяйстве, сама способствует созданию монополий. Защитить свободу конкуренции и предотвратить рождение монополий — двуединая и довольно сложная задача, которая должна постоянно решаться государством.

Рынок, государство, демократия

«Эффективное государство, — отмечается в Отчете Всемирного банка «Государство в меняющемся мире», — жизненно не-

обходимо для предоставления товаров и услуг, а также для создания правил и институтов, позволяющих рынкам процветать, а людям — вести более здоровую и счастливую жизнь. Без этого невозможно устойчивое развитие как в экономической, так и в социальной сфере»¹. С таким выводом трудно не согласиться. История США, которая изобилует падениями и взлетами федеральной власти, убедительно свидетельствует о том, что защищать рынок и конкуренцию, защищать права своих граждан может только экономически и политически сильное государство. По словам Ф.Рузвельта, «сильное, деятельное правительство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти»².

Можно по-разному относиться к американской истории, но очевидным является факт, что в США сложилась система государственной власти, впитавшая в себя демократические признаки рыночной экономики. В результате в экономически и политически сильном государстве практически заинтересованы и бизнес, которому нужны ясные и стабильные «правила игры» как внутри, так и вне страны, и все слои населения, права которых гарантируются государством. Экономически эффективное государство — это сильное демократическое государство. Здесь критерием эффективности выступает поддержание демократических устоев общества и рыночных принципов развития экономики. В свою очередь, демократическая и рыночная системы являются надежным основанием для формирования и развития соответствующего государства, институтов и атрибутов его власти.

Однако было бы неправильно делать вывод о том, что в США уже найден оптимум эффективности государства вообще и его хозяйственной роли в частности. Динамизм и турбулентность современного мирового развития постоянно выдвигают новые вызовы, на которые как раз и должно реагировать государство. Поэтому независимо от партийной принадлежности и теоретической ориентации президента и его администрации американский Белый дом и Капитолий не могут почивать на лаврах демократизма и экономического лидерства в мире, ибо переход всего мирового сообщества на рубеже XXI в. на рыночные рельсы экономического развития ломает старые стереотипы международных отношений и никому, в том числе и США, не дает гарантий «уважения старых заслуг».

¹ Economic Report of the President. Wash., 1997. Chapter 6.

¹ Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 6.

² Franklin D. Roosevelt. Fireside Chart. 1938. April 14.

Заключительный вывод таков: если экономическая политика государства создает благоприятные условия для раскрытия всех факторов экономического роста, то такое государство само выступает одним из решающих элементов развития национальной экономики. В этой связи можно говорить о том, что, чем стабильнее экономический рост, тем эффективнее выполняет свою экономическую роль государство.

5. ДИНАМИКА МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Третье тысячелетие сделало первые шаги по планете. Если подводить итоги не всего второго тысячелетия, а лишь его последнего столетия с американской точки зрения, то без оговорок можно констатировать, что, во-первых, США удалось пересечь первыми финишную черту экономического прогресса XX в. и, во-вторых, Америка сумела накопить как внутренний потенциал, так и достаточно прочное влияние во всем мире для того, чтобы быть готовой к вызовам грядущего времени.

Может показаться, что унификация во всемирном масштабе принципов хозяйствования — повсеместное господство конкуренции и рынка — приводит к большей предсказуемости мирового экономического развития, уменьшению турбулентности и повышению стабильности, формированию долговременных устойчивых тенденций. Нельзя отрицать, что в мировом хозяйстве движение в этом направлении происходит. Однако триумф рынка не привел к триумфу капитализма. Капитализм меняется. Капитализм XXI в. не может быть похожим на капитализм XX в. Существенные изменения в капиталистическом хозяйстве и обществе вынуждают даже самых удачливых предпринимателей предупреждать мировую общественность о кризисе капиталистической системы. Отдавая должное чрезмерно алармистскому характеру подобных заявлений, все же нельзя не обращать на них внимание ни ученым, ни бизнесменам, ни простым гражданам. Известный финансист Дж. Сорос обратил внимание на первопричину современных проблем. «Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной. Однако такое положение дел возникло сравнительно недавно»¹. Дело в том, что «де-

нежные ценности и операционные рынки не предоставляют адекватного базиса для общественного единства»¹.

Разбор аргументации Дж. Сороса предполагает специальный анализ. Но уже сейчас становится очевидным, что прогнозировать мирохозяйственные процессы наступившего столетия на базе тенденций XX в. — это значит воспроизводить для будущего картину прошлого. Но ведь и до сих пор каждое столетие, особенно это относится к XX в., вносило свои черты в мировое развитие. Итак, какова же взаимосвязь между экономикой США и мирохозяйственными процессами на переломе человеческой цивилизации, когда триумфальное шествие рынка по всему миру пока не смогло ответить на вызовы текущего и будущего времени? Могут ли США возглавить адаптацию мирового хозяйства к новым условиям подобно тому, как американская экономика выполняет роль «локомотива» для других стран?

Американские позиции сегодня

Статистика бесстрастно свидетельствует о ведущей роли США в мировой экономике. Остановимся на данных, приведенных в табл. 16.

Эксперты МВФ в группу 29 развитых экономик включили 15 стран Европейского союза, четыре новые индустриальные азиатские территории (страны) — Республику Корею, Сингапур, Тайвань, Гонконг, а также 9 других стран — США, Японию, Канаду, Австралию, Исландию, Израиль, Новую Зеландию, Норвегию и Швейцарию. Известно, что в соответствии с международным статусом Тайвань выступает как провинция КНР, а Гонконг — с 1 июля 1997 г. как специальный административный регион КНР. По классификации МВФ, КНР и Индия входят в состав группы 128 развивающихся стран, а Россия — в группу 28 стран с переходной экономикой. При этом доля КНР в 2000 г. в мировом ВВП составила 11,6%, мировом экспорте товаров и услуг — 3,7% и в населении мира — 21,1%. Российские показатели оказались соответственно 2,5, 1,5 и 2,5%².

Пока ни одна страна в мире не может конкурировать с американским экономическим лидерством. 22,0% — такова доля США в мировом ВВП при том, что население страны составляет

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1999. С. XVII.

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1999. С. XVIII.

² World Economic Outlook (October 2001. Washington: IMF, 2001. P. 185.

всего 4,6% населения мира. Только страны Европейского союза хотя и уступают США по размеру ВВП, но почти в 3 раза больше имеют долю в мировом экспорте товаров и услуг — 36,0%. А если учесть тесные связи между США и ЕС, то нельзя не видеть, что более 50% мирового экспорта товаров и услуг — это экспорт из этих стран.

Таблица 16

Доля отдельных стран и их групп в совокупном ВВП, экспорте товаров и услуг населению мира в 2000 г., %*

Страны	Число стран	ВВП		Экспорт товаров и услуг		Население	
		Развитые экономики	Мир	Развитые экономики	Мир	Развитые экономики	Мир
Развитые экономики	29	100,0	57,1	100,0	75,7	100,0	15,4
Основные индустриальные страны	7	79,5	45,4	62,9	47,7	74,3	11,5
США		38,5	22,0	18,8	14,2	29,7	4,6
Япония		12,8	7,3	9,2	7,0	13,6	2,1
ФРГ		8,1	4,6	11,0	8,4	8,9	1,4
Франция		5,6	3,2	6,6	5,0	6,3	1,0
Италия		5,4	3,1	5,1	3,9	6,1	0,9
Великобритания		5,5	3,1	6,7	5,1	6,3	1,0
Канада		3,5	2,0	5,5	4,2	3,3	0,5
Другие развитые экономики	22	20,5	11,7	37,1	28,1	25,7	4,0
Европейский союз	15	35,0	20,0	47,6	36,0	40,2	6,2
Зона евро	12	28	16,0	37,9	28,7	32,3	5,0
Новые индустриальные азиатские экономики	4	6,0	3,4	13,1	9,9	8,6	1,3

Источник: World Economic Outlook (October 2001). Washington: IMF, 2001. P. 185.

* Примечание. ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности национальных валют.

В свою очередь США имеют большие возможности влиять также на импортные потоки товаров и услуг, поскольку емкость американского внутреннего рынка привлекает к себе все без исключения страны.

И хотя в табл. 17 приведены данные лишь по части потребительских товаров, но и это дает представление о роли и месте аме-

риканского внутреннего рынка в мировой торговле. При этом всякий раз, когда интересы американских фирм в той или иной мере ущемляются либо на территории США, либо на рынках других стран, американское правительство, не колеблясь, встает на защиту отечественных производителей, используя в том числе и разного рода ограничения на импорт. В последнее время хронический характер приобретают торговые противоречия между США и ЕС. Можно даже сказать, что американо-европейские «торговые войны» сыграли роль катализатора изменений во Всемирной торговой организации. Не стал исключением и 2002 г., когда по инициативе США вновь вспыхнула «стальная война» между ЕС и Америкой. Роль мировой торговли в современном мировом развитии настолько велика, что американская сторона никогда не откажется от активного влияния на нее. И сегодня двигатель американского «локомотива» обороты не сбавляет.

Таблица 17

Годовая емкость рынка США и других стран

Товары	КНР	Индия	Бразилия	США
Телевизоры, млн. шт.	13,6	5,2	7,8	23,0
Стиральный порошок, кг. на человека (млн. тонн)	2,5	2,7	7,3	14,4
Шампунь, млрд. долл.	3,5	2,3	1,1	3,9
Фармацевтика, млрд. долл.	1,0	0,8	1,0	1,5
Автомобили, млн. шт.	5,0	2,8	8,0	60,6
Энергетика, мегаватт мощности	1,6	0,7	2,1	15,5
	236542	81736	59950	810964

Источник: Harvard Business Review. 1998. July — August. P. 70.

Правда, специалисты приходят к выводу, что разогрев американской экономики во многом происходит за счет раздувания фондового рынка. Профессор Массачусетского технологического института Р.Дорнбуш, чьи учебники по экономике теперь хорошо известны и российским студентам, совсем недавно отметил: «Проблема Америки проста: акции вознеслись до небес. Очевидно, что их стоимость должна быть высока — американская экономика непрерывно растет на протяжении последних 100 месяцев, нет нехватки в технологии и конкуренции, инициатива процветает и потребители тратят все, что зарабатывают — и даже больше. Но нет оснований к тому, чтобы курс акций рос посто-

янно...»¹. По мнению другого американского аналитика, США сегодня являются «заложником роста цен на акции»². Именно из-за завышенной рыночной оценки активов корпораций величина ВВП США оказывается переоцененной на несколько процентных пунктов.

Современные мирохозяйственные процессы

Динамика мирового хозяйства в XX в. сложилась таким образом, что наиболее интенсивные изменения сформировались и начали происходить во второй половине столетия. К числу наиболее существенных событий такого рода можно отнести интеграционный процесс, который на сегодня охватил фактически все регионы мира. Постепенно экономическая интеграция перешагнула рамки регионов и стала распространяться на субрегиональном и межрегиональном уровнях. В результате одним из важнейших факторов мирового развития стал Европейский союз, объединивший 15 стран. Можно сказать, что чисто по количественным параметрам вместо распавшегося Советского Союза укрепился Европейский союз, который в значительной мере прихватил и нишу в мировом хозяйстве, когда-то принадлежавшую СССР. Подобная рокировка конкурентных сил на мировой арене вынудила США к активному участию, во-первых, в самих интеграционных процессах и, во-вторых, в воздействии на пути и формы интеграционных явлений в разных уголках земного шара.

Если Европа является политическим союзником США, то ЕС стал одним из главных конкурентов американской экономики. Не случайно поэтому внутри ЕС появились силы, пытающиеся ослабить европейскую интеграцию в угоду США. В деловой зарубежной печати начали обсуждаться проекты объединения англоговорящих развитых стран и прежде всего их ведущей пятерки — США, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Авторы подобной инициативы в поддержку такого интеграционного объединения приводят ряд доводов.

Во-первых, указанные страны в настоящее время по данным Женевского Мирового экономического форума относятся к числу наиболее конкурентоспособных государств.

Во-вторых, новый союз укрепит в мире гегемонию англоговорящих народов как наиболее богатых и сильных наций.

¹ Цит. по: Независимая газета. 1999. 25 июня.

² Forbes Global Business & Finance. 1999. February 6. P. 74.

В-третьих, и это, по мнению авторов идеи, наиболее важно, новое образование основывается на общих культурных, правовых, политических и моральных традициях, что позволит ему поддерживать мир во всем мире более надежно, чем это прежде удавалось кому-либо. Мир получит «эффективного глобального полицейского, который говорит по-английски»¹.

В этих условиях Великобритании, особенно ее деловым людям, лучше всего «присоединиться к успешному американскому каравану»², оставив ЕС. От нас можно добавить, что в таком «караване» будет задавать тон американский английский язык.

Но пока теоретические прожекты о создании англоговорящего сверхгосударства остаются мечтами небольшой группы футурологов, реальные интеграционные процессы вынуждают США к активным действиям. Данные табл. 16 дают нам достаточное представление и о мощи ЕС, и о потенциале других групп стран с развитой экономикой. Вот почему, чтобы противостоять растущей конкуренции ЕС, США предприняли и продолжают изыскивать целый ряд экономических и других шагов для сохранения, а в некоторых сферах и развития своих лидирующих позиций в мировом хозяйстве. Создано и активно заработало Северо-Американское торговое соглашение (НАФТА), объединившее США, Канаду и Мексику. Запущен механизм функционирования Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), куда подключилась и Россия. Подписана декларация и оговорены сроки поэтапного образования экономического союза государств всего Американского континента. И в других регионах мира без участия США созданы и продолжают возникать различные торгово-экономические блоки.

Все это дает нам основание утверждать, что в мировом хозяйстве происходят серьезные структурные изменения. Налицо не просто перегруппировка экономических сил, а фактически формируются новые векторы мирового развития в наступающем столетии. С растущей конкуренцией в мировом хозяйстве даже сильные страны предпочитают бороться не по одиночке, а ищут союзников. Поскольку формы и методы конкурентной борьбы постоянно обогащаются, постольку интеграционные союзы могут возникать на самой неожиданной основе.

Тем или иным способом США заинтересованы ослабить своего основного конкурента в современных условиях — ЕС. Появ-

¹ Forbes Global Business & Finance. 1999. April 5. P. 32—35.

² Ibid.

ляется все больше свидетельств, что и агрессия НАТО против Югославии была инициирована США тоже в рамках этой стратегии. Получается, что усиление международной конкуренции не исключает, а, наоборот, предполагает использование *неэкономических* методов борьбы. Отсюда следует, что оставаться на *чисто рыночных позициях* не может ни одна страна. Даже такая могучая, как США.

Выше уже отмечалось о торговых баталиях между США и ЕС. На самом деле фактически все развитые страны в той или иной степени не соблюдают принципы свободной международной торговли, хотя формальных деклараций о верности свободе на мировом рынке не счесть. Последние исследования показывают, что только из-за протекционизма индустриальных стран сельское хозяйство развивающихся стран теряет до 20% своего дохода. В 1997 г. страны—члены ОЭСР выделили своим аграрным производителям 151 млрд. долл. США субсидий. А сами США в 1999 финансовом году в качестве субсидий своим фермерам направили 18 млрд. долл., что представляет собой наибольшую субсидию начиная с 1987 г.¹ При этом *хорошо слышно* по всему миру, как американцы громче других призывают либерализовать мировую торговлю вообще и сельхозтоварами в частности.

Анализ мирохозяйственных процессов и экономического поведения стран, в том числе и США, в современном мире показывает, что каждое государство при выборе модели своего развития и реальной экономической политики руководствуется прежде всего своими национальными интересами и факторами поддержания надлежащей конкурентоспособности с учетом складывающихся мировых тенденций. При этом *рыночные принципы, рыночные условия* выступают лишь одним из факторов, а не единственным критерием выбора оптимального для страны и бизнеса решения.

Особую актуальность и значимость приобрели в последние годы проблемы функционирования мировых финансов. Вообще степень открытости национальной экономики и уровень ее вовлеченности в мирохозяйственные связи легко прослеживается прежде всего через финансовую систему. Поэтому и влияние тех или иных событий в мировой экономике на национальное хозяйство также происходит через финансовую систему. Еще более стало очевидным, что ни одна проблема (будь-то на национальном или мировом уровнях) не может быть полностью решена,

¹ См.: Economic Report of the President. 1999. P. 267—305.

если сохраняются какие-либо перебои или неувязки в финансовой системе. Вот почему МВФ встал перед необходимостью внедрить в своих рамках такую структуру взаимоотношений всех своих 182 стран-членов, которая бы стала надежным барьером на пути нарушения договоренных «правил игры» кем бы то ни было. Деловой риск и авантюризм на финансовом рынке несовместимы. Чем больше развивается глобализация в мировых финансах, тем больше должны быть дисциплинированы все участники мирового рынка капиталов.

Не случайно поэтому проблема новой международной финансовой архитектуры превратилась в злободневный предмет научных исследований и дискуссий, а также реальной экономической политики ведущих стран мира. 25 февраля 1999 г. профессор Калифорнийского университета (Беркли) Бэрри Эйхенгрин представил в Вашингтоне свою книгу «Навстречу новой международной финансовой архитектуре: практическая постазиатская повестка дня», в которой он рассматривает целый комплекс вопросов функционирования мировой финансовой системы, делая упор на повышении роли регулирующих институтов в ослаблении эффекта стихийного развития событий во всех сегментах мирового финансового рынка. Б. Эйхенгрин приходит к выводу, что в складывающихся современных условиях МВФ должен «стать менее пожарным и более полицейским»¹.

Образно говоря, в бушующем море мировых финансов без маяков и лоцманов не обойтись. Правда, в числе первых кандидатов на эти роли могут претендовать именно США и их представители. Ведь американский капитал составляет ядро как МВФ, так и Всемирного банка. Как видно, мы являемся свидетелями *настройки* нового механизма функционирования всей мировой экономики.

Если вторая половина прошлого века во всех странах и в мировом хозяйстве оказалась под мощным воздействием достижений науки, техники и технологии и мир пережил плоды научно-технической революции, то в XXI в. человечество вступает на волне информационной революции, которая, с одной стороны, является прямым развитием НТР, а с другой — привносит в систему национальных и мировых коммуникаций электронную сеть, позволяющую, в частности, решать все вопросы в разных уголках земного шара в режиме реального времени. Новые технологии

¹ Цит. по: IMF Survey. 1999. March 22. P. 87.

рождают новую идеологию бизнеса и общества. Известный исследователь, профессор Массачусетского технологического института Лестер Туроу отмечает, что «эти силы направляют экономическую систему по новым направлениям. Вместе они порождают новую экономическую игру с новыми правилами, требующими новых стратегий, чтобы побеждать»¹. Иными словами, в XXI в. рыночный мир, как это ни парадоксально звучит, может потерять перспективу, опираясь лишь на «невидимую руку» рынка. США настроены и впредь быть среди первых, а это означает, что они уже сейчас осваивают новые экономические стратегии, не цепляясь за теоретические догмы уходящего времени.

Кельнский саммит и вызовы времени

Прошло уже более четверти века, как семь ведущих индустриальных стран мира ежегодно устраивают встречи своих лидеров для обсуждения наиболее актуальных экономических проблем. В последние годы к саммиту группы семи подключилась и Россия. Показательным для реакции участников встречи в Кельне (ФРГ) 18–20 июня 1999 г. на вызовы времени является их итоговое коммюнике.

На какие проблемы концентрировали свое внимание руководители США, ФРГ, Великобритании, Японии, Италии, Франции, Японии и России и призывали мировое сообщество сосредоточиться на их решении в ближайшее время? Всего в коммюнике 49 пунктов, расположенных в 10 разделах. Но все начинается с вопроса о глобализации. «Глобализация — сложный процесс, связанный со стремительно растущим движением идей, капиталов, технологий, товаров и услуг по всему миру, — уже привела к глубоким изменениям в наших обществах. Она сплотила нас как никогда»².

Понятно, что подобные заявления не могут не отличаться декларативным характером, им свойственно также меньше замечать разногласия, а больше говорить об общих проблемах, целях и достижениях. Поэтому, не преувеличивая практическую и научную значимость высказанных в коммюнике положений, нельзя не видеть, что лидеры ведущих государств постарались не забыть многое из того, что сегодня продолжает волновать человечество. Это видно и по разделам коммюнике:

¹ Thurow C. Lester. The Future of Capitalism. (How today's economic forces shape tomorrow's world). N.-Y., 1996. P. 3.

² Цит. по: Независимая газета. 1999. 23 июня.

- возвращение мировой экономики на путь устойчивого роста;
- создание системы мировой торговли, работающей на благо каждого;
- разработка политики увеличения занятости;
- инвестиции в развитие человека;
- укрепление социальных гарантий;
- углубление партнерства в целях развития;
- выдвижение кельнской инициативы по задолженности;
- активизация усилий по защите окружающей среды;
- содействие нераспространению, контролю за вооружениями и разоружению;
- преодоление глобальных рисков.

Если вдуматься в содержание зафиксированных проблем, то ни одна из них не может быть решена без координации действий большинства стран мира. Более того, *чисто рыночные методы* при этом оказываются явно недостаточными. По существу, мир встал перед необходимостью поиска *адекватного* современному периоду развития человечества *механизма функционирования* экономики и жизни общества. В этом поиске США не собираются играть пассивную роль.

6. ВЫЗОВЫ НАСТУПИВШЕГО ВЕКА

Последние годы XX в. внесли существенные коррективы в прогнозы футурологов об архитектуре мирового экономического развития в XXI в. Резкий скачок в темпах экономического роста ряда азиатских стран во второй половине двадцатого столетия послужил основанием для объявления грядущего века «веком Азии». Однако сюрпризы финансовых потрясений прежде всего в Японии и других странах Юго-Восточной Азии, а также другие факторы в 1990-е гг. не подорвали американское лидерство, а, наоборот — укрепили его на принципиально новой основе — всеобщности рыночных отношений в мире и бурно возрастающей роли информационных технологий в развитии мирового сообщества. В результате региональная структура мирового ВВП, насчитывавшего в 2000 г. более 40 трлн. американских долларов, предстала по паритету покупательной способности национальных валют в следующем виде:

- Северная Америка — 23,1%;
- Европа зоны евро — 16,1%;
- остальная Европа — 7,0%;

- Япония — 8,0%;
- остальная Восточная Азия — 16,0%;
- Южная Азия — 6,8%;
- Латинская Америка и страны Карибского бассейна — 8,6%;
- Африка и Средний Восток — 6,0%;
- другие территории и страны — 8,4%.

Простые арифметические подсчеты показывают, что страны Азии имели наибольшую долю (более 30%) в мировом ВВП, в то время как Европа и Северная Америка довольствовались равными долями. Однако если обратиться к вкладу отдельных стран в мировой ВВП, то США далеко оторвались от других государств. По подсчетам экспертов Мирового банка, на втором месте закрепилась КНР. Оттеснив Германию на пятое место, четвертую позицию заняла Индия. Вообще среди 15 крупнейших национальных экономик мира семь стран принадлежат к государствам с развивающимися рынками.

Как видно, конфигурация мировой экономики меняется. И хотя США вступают в XXI в. бесспорным лидером, намного оторвавшимся от конкурентов, азиатские гиганты все больше сокращают разрыв, оттесняя Европу и наращивая свою конкурентную силу. И если даже двадцать первое столетие не станет «веком Азии», все же Азиатский континент уже заявил о себе, как об одном из решающих факторов мирового экономического развития.

Наверное, было бы неправильно свести оценку XX в. только к характеристике динамики экономического развития. Ведь уходящее столетие фактически стало эпохой кардинальных изменений в мире и мировом сообществе. Но нам важно сосредоточиться на ключевых моментах, среди которых выделяется один — американское лидерство. Именно США удалось с максимальной эффективностью для себя использовать перипетии двадцатого столетия. Именно США быстрее других адаптировались к изменяющимся условиям, подчиняя своим интересам турбулентность истории во всех уголках земного шара.

В этой связи если сравнивать начало XX и XXI вв., то теперь у США значительно более прочные позиции в мире по многим параметрам и прежде всего в мировом хозяйстве. Однако как раз в это же время США сталкиваются с вызовами, которые сформировались именно на рубеже третьего тысячелетия и на которые еще предстоит Америке ответить.

Рыночный вызов Америке

Среди экономических вызовов США в XXI в. своей фундаментальностью выделяется рыночный. Действительно, именно рыночный механизм и демократическое государственное устройство стали главными факторами, обеспечившими выход США на лидирующие экономические позиции в мире и сформировавшими самое крупное национальное богатство. Но теперь уже почти весь мир вступил в XXI в. на основе рыночных принципов развития экономики и рыночная основа стала базой как мирового хозяйства, так и абсолютного большинства национальных экономик. Преимущества США, вытекающие из рыночной модели развития, постепенно растворяются во всеобщности рыночных отношений, впервые в истории человеческой цивилизации достигших глобальных масштабов. Более того, сам процесс глобализации опирается на всемирную рыночную инфраструктуру.

И хотя рыночные отношения возникли впервые не в Америке, но история распорядилась таким образом, что именно на территории США сформировалась и укрепилась идеальная либеральная рыночная модель, благодаря которой американский бизнес и американское общество сумели максимально эффективно для своего времени мобилизовать все доступные им внутренние и внешние ресурсы для своего процветания. При этом другие страны и даже целые континенты были отягощены грузом самых различных проблем, которые сдерживали или ограничивали использование рыночных принципов в экономике. Но уже в последней декаде XX столетия рыночный путь развития с различными национальными модификациями охватил весь мир и зародилась основная экономическая закономерность наступившего столетия — *повсеместное господство конкурентно-рыночного механизма*. Тем самым возникла *теоретическая возможность* для других стран не только следовать по рыночному пути, но и попытаться достичь американских результатов. Иными словами, всячески способствуя широкому распространению рыночной мотивации труда и бизнеса, Америка сама способствовала становлению своих конкурентов в мировом хозяйстве. Однако мировая экономика и национальная экономика хотя и имеют общую рыночную основу, все же существенным образом отличаются, ибо на мирохозяйственном уровне действие рыночных законов отличается от их реализации внутри любой страны, в том числе и в США. Ведь на мировом рынке контрагентами выступают не только частные фирмы различных размеров, но и сами государства.

Последнее обстоятельство рождает сразу несколько проблем в мировом рыночном хозяйстве. Так, декларируемая свобода конкуренции наталкивается на различный экономический «вес» отдельных государств, которые намерены поддерживать не вообще конкуренцию, а прежде всего конкурентоспособность своих национальных компаний и защищать национальные интересы. И тут становится очевидным, что на сегодняшний день очень мало стран могут потягаться с экономическим могуществом США. Это означает, что мир вступает в XXI в. не только на рыночных рельсах, но и с осознанием американской монополии по многим параметрам. Получилось таким образом, что американское экономическое лидерство с помощью распространения рыночных принципов стало базой для своеобразной американизации мира, или американизации цивилизации. Такое состояние устраивает США, но не может устраивать другие страны, в том числе и политических союзников Америки.

Дело в том, что настоящий рынок и подлинная конкуренция не признают ничьей монополии. Поэтому, несмотря на заслуги США в создании мирового рыночного хозяйства, никто не желает мириться с американской монополией. Сам мировой рынок бросает Америке свой вызов — играть в мировом хозяйстве по конкурентным, единым для всех «правилам игры». Рано или поздно США по мере повышения конкурентоспособности других стран и регионов будут вынуждены соблюдать равные «правила игры». А пока американцы без ложной скромности стараются использовать монопольное положение своей страны.

Между тем в ряде стран до сих пор велик соблазн заимствовать американскую рыночную модель, чтобы достичь тех же результатов. Но экономическое развитие любой страны происходит в определенных исторических и социальных условиях, которые исключают простое копирование чужого опыта. Американская модель соткана из тех же рыночных принципов, что и другие национальные модели экономического развития. Но в американском варианте соотношение этих принципов, их своеобразное сочетание и взаимосвязь с экономической активностью государства являются уникальным и не похожим ни на какие другие модели. Тем самым еще раз подчеркивается, что рынок — это лишь средство достижения экономической эффективности, а не панацея на все случаи жизни. Как всякое социальное средство, рынок может быть использован по-разному, и только в условиях каждой отдельной страны формируются оптимальные пути его примене-

ния. Вот почему в современном рыночном мире американская экономическая модель служит образцом, которому хочется подражать, но не шаблоном, который можно «наложить» на любую национальную экономику. И кто знает, может XXI в. станет свидетелем рождения рыночной модели более эффективной, чем американская. Ибо новое столетие совсем не гарантирует, что не появятся новые тенденции, новые ресурсные ограничения, новые технологические прорывы и необычные демографические факторы. Избрав рыночный путь, надо всегда быть готовым к неожиданным изменениям и вызовам. Здесь фактор времени занимает не последнее место.

Новая экономика — новые вызовы

Мир и в особенности США, вступают в третье тысячелетие с новой экономикой. Общим основанием новой экономики, безусловно, стали глобальные рыночные отношения. Однако наиболее существенную черту такого экономического феномена выражают информационные технологии. Не случайно поэтому экономику развитых стран все чаще называют информационной, поскольку именно благодаря революционным изменениям в сфере распространения и применения информации, во-первых, резко возросло значение информационного фактора, во-вторых, появились совершенно новые экономические тенденции и еще более усилилась взаимозависимость всех происходящих в мировом хозяйстве процессов и, в-третьих, объективно расширилась база для активного участия государственных институтов в обеспечении эффективного функционирования рыночного механизма путем поддержания и развития адекватной времени информационной инфраструктуры. Подобно тому, как в XIX в. развитие железнодорожного транспорта стимулировало быстрый рост акционерного капитала, ставшего впоследствии ведущей формой капитала в рыночной экономике, на рубеже XX и XXI вв. информационные технологии не могут обойтись без финансовых ресурсов государства. И, прежде всего, это обнаружилось в США.

Новая экономика бросила вызов экономической теории. Сложившиеся постулаты и теоретические выводы, построенные на закономерностях экономики индустриального типа, оказались не в состоянии объяснить целый ряд явлений новой экономики. На научных конференциях и форумах происходит коллективный поиск теоретических решений возникших современных экономических проблем. Так, выступая на конференции Ассоциации объ-

единенных общественных наук в Бостоне 6 января 2000 г. нобелевский лауреат по экономике Дуглас Норт заявил, что «мир, в котором мы живем, изменяется настолько быстро, что почти невозможно прогнозировать или строить политику на основе существующей теории. Нынешняя теория статична, она создана для решения проблем, существующих в определенный момент. Но сегодняшние проблемы динамичны»¹. Именно информационные технологии, считает председатель ФРС США А.Гринспен, потрясли экономику и последние годы, в результате чего нынешние условия «существенно отличаются» и не имеют «прецедентов». Об этом он заявил в Белом доме 5 апреля 2000 г. на посвященной новой экономике конференции, проведенной под председательством президента США Б.Клинтона².

Можно сказать, что Америка накануне третьего тысячелетия, с одной стороны, активно способствовала глобальному распространению рыночных принципов и информационных технологий, а с другой — эффективно использовала последние, во-первых, для динамичного изменения структуры своей экономики и внешней торговли, сочетающихся с беспрецедентным многолетним экономическим ростом, и, во-вторых, для укрепления своей конкурентоспособности и лидирующих позиций в мировом хозяйстве. В этой связи профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс отмечает в своем исследовании «Уроки новой экономики», что темп роста производительности труда в США в 1990 гг. фактически удвоился: с 1,5% в год поднялся примерно до 3% в год. Безусловно, темп роста производительности способствовал и темпу роста ВВП страны, который начиная с 1997 г. превысил 4% в год³. Информационные технологии своеобразным путем потянули американскую экономику и американское общество вперед. Информационная система *Интернет* сделала переворот в информационном обеспечении как бизнеса, так и обычных граждан. С 1995 по 1998 г. отрасли американской экономики, производящие компьютеры и телекоммуникационное оборудование, обеспечивали вклад в прирост ВВП ежегодно от 21 до 31%. Как указывается в докладе Совета экономических консультантов при президенте США, свыше 119 млн. американцев в ноябре 1999 г. имели дос-

туп в Интернет. Электронная связь позволила кардинальным образом повлиять и на практику, и на теорию бизнеса. Так, благодаря Интернету, 98% заказов фирм стали поступать только электронным способом, что сэкономило бизнесу лишь на оперативных издержках более 300 млн. долл. ежегодно. Объем сделок и операций между компаниями через Интернет растет стремительно. Если в 1998 г. он составил 43 млрд. долл., то в 1999 г. этот объем достиг уже 109 млрд. долл., а в 2000 г. — рост до 251 млрд. долл. Интересно, что и размер розничной электронной торговли достиг в 1998 г. величины в 50 млрд. долл.¹

По всему видно, что электронные технологии, вызвавшие информационную революцию, существенно меняют представление как о бизнесе, так и о жизни вообще. Даже в сфере реальной экономики перестают работать прежние теории и навыки. Вся система американского образования и прежде всего деятельности школ бизнеса перестраивается с учетом коренной ломки традиционных методов ведения бизнеса и свободного доступа к разнообразной информации в режиме реального времени. Динамизм жизни требует еще большего динамизма теории. Не случайно поэтому в академических кругах Америки со всей серьезностью воспринимают вызовы, брошенные информационными технологиями.

США находились у истоков электронной революции и теперь они стремятся быстрее других стран использовать приносимые ей выгоды. И в этом стремлении американское государство намерено активно поддерживать своих граждан и национальный бизнес. Ведь бурное распространение информационных технологий рождает немало проблем в самых различных сферах — юридической, деловой, научной, образовательной, технической, хозяйственной, финансовой и других. Администрация США разработала специальную программу поддержки, обеспечения и финансирования информационных технологий. Образован «Исследовательский Фонд XXI столетия» США, в который через федеральный бюджет 2001 г. направлено примерно 43 млрд. долл. Но уже в бюджете 2000 г. американским правительством только на исследования в области информационных технологий выделено 2,3 млрд. долл.²

На данном этапе практического применения информационных технологий становится очевидным, насколько глубоким и

¹ IMF Survey. 2000. 24.01. P. 17.

² The Moscow Times. 2000. 7.04. P. 12.

³ Независимая газета. 2000. 3 июня; Economic Report of the President. Wash., 2000. P. 53.

¹ Economic Report of the President. Chapter 3.

² Ibid. P. 124—125.

всеобъемлющим есть и еще более становится их влияние на все стороны жизни современного общества. Данная проблема ждет своего самого обстоятельного изучения¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что, как и всякое явление в жизни, информационные технологии имеют не только положительные, прогрессивные последствия, но и несут некоторый отрицательный заряд. Если рассматривать эту проблему лишь с экономической точки зрения, то, видимо, нельзя не обратить внимания на то, что наряду с реальной экономикой начинает развиваться *виртуальная экономика*, которая, прежде всего, связана с фондовым рынком, где электронные финансовые операции все больше играют самодовлеющую роль.

Хотя и в традиционной рыночной экономике фондовый рынок играет особую роль и движение ценных бумаг на нем чаще всего не совпадает с тенденциями в реальном секторе, что вполне отражает специфику фиктивного капитала, имеющего собственные закономерности роста, все же в условиях бурного внедрения информационных технологий быстро растет сам по себе информационный бизнес и при этом существенным образом меняется механизм фондового рынка. Наряду с обычными фондовыми биржами набирают силу электронные биржи, и вообще миграция капитала на фондовом рынке в режиме реального времени происходит на всем *мировом электронном пространстве*, что резко повышает динамизм финансовых потоков и их влияние на национальные экономики, с одной стороны, и уменьшает возможность воздействия государства на состояние рынка капитала в собственной стране — с другой. Получается, что информационные технологии объективно усиливают обособление фондового рынка от других сегментов национального и мирового рынка, что, во-первых, не может не приводить к «раздуванию» фиктивного капитала, и, во-вторых, усиливает диспропорции между различными секторами экономики. Не случайно поэтому, что, характеризуя американскую экономику последних лет, специалисты нередко употребляли выражение «экономика мыльного пузыря», поскольку рыночная капитализация ценных бумаг американских корпораций достигала угрожающих размеров для экономики и общества.

В связи с этим весьма примечательным является интервью хорошо известного российским читателям почетного профессора Гарвардского университета Джона Гэлбрейта, помещенное в жур-

¹ Об этом см. подробно отдел 3, п. 9, 10.

нале МВФ «Финансы и развитие» под заголовком «Вызовы нового тысячелетия». Отвечая на вопрос редактора журнала о главных событиях уходящего столетия и грядущих вызовах, Дж. Гэлбрейт отметил: «Двадцатое столетие было отмечено тремя катастрофами — двумя войнами и Великой депрессией... Теперь мы имеем две величайших потребности — мир и избежать другой мировой депрессии»¹. Все, конечно, хорошо знают, что резкое падение фондового рынка послужило осенью 1929 г. толчком к длительному экономическому кризису, сначала поразившему США, а потом и другие страны. Не только умудренный жизненным опытом Дж. Гэлбрейт, но и многие специалисты в США и других странах Запада опасаются, что как бы раздутый фондовый рынок вновь не стал причиной нового экономического кризиса, который в современных условиях может иметь непредсказуемые последствия как для Америки, так и для всего мирового сообщества. А катализатором этого процесса невольно выступают как раз информационные технологии. Поскольку основой *новой экономики* остаются рынок и конкуренция, постольку сохраняется угроза возникновения рано или поздно циклического спада. Тем самым мы являемся свидетелями современных процессов, когда новой экономике свойственны не только новые вызовы, но и ранее существовавшие черты, которые в изменившихся условиях приобретают модифицированные формы.

На конец апреля 2000 г. рыночная капитализация ценных бумаг американских корпораций составила 17,9 трлн. долл.², а объем ВВП США к тому времени еще не достиг отметки в 10 трлн. долл.³, т.е. рыночная капитализация оказалась равной почти 180% от национального ВВП. Для сравнения, такой же примерно уровень капитализации в Великобритании, а в Германии он едва превышает 50% ВВП страны⁴. Правда, по уровню концентрации капитала на фондовом рынке США далеко уступают другим развитым странам. Так, 10 крупнейших американских корпораций занимают всего 18% объема рыночной капитализации в стране, в то время, как аналогичный показатель в Финляндии составляет 89%, Гонконге — 87%, Великобритании — менее 50%. Имеющий наибольшую в мире рыночную капитализацию

¹ Finance & Development. 1999. December. P. 2.

² The Economist. 2000. 13 May. P. 111.

³ Economic Report of the President. P. 306.

⁴ The Economist. 2000. 6 May. P. 88.

американский концерн «Дженерал электрик», на фондовом рынке США отхватил всего 3%. Конечно, абсолютные размеры капитализации американского фондового рынка во много раз превосходят аналогичные параметры других стран. Капитализированный фондовый рынок Японии составляет 25,6% от соответствующего рынка США, Великобритании — 16%, Германии — 7,8%, а Финляндии — менее 2%¹. Если сравнить соотношение показателей капитализации с соотношением параметров ВВП стран, то получается, что лидерство США еще более ощутимо. Отсюда легко понять, насколько велик потенциал американского влияния на все мирохозяйственные процессы. Нетрудно посчитать, что рыночная стоимость акций «Дженерал электрик» на 50% превышает рыночную капитализацию всего фондового рынка Финляндии, на котором компания мобильной связи «Нокиа» имеет доминирующее преимущество — 69%.

Конкуренция как на внутреннем, так и на внешнем рынках все больше перемещается в электронную сферу. Дело не в том, что в других сферах конкуренция затихает. Дело в том, что электронный рынок становится ведущим и в значительной мере влияющим на ход экономического развития и отдельных стран, и всего мира. С одной стороны, благодаря электронному рынку лидирующие позиции США в мире укрепились, а с другой — именно электронный мировой фондовый рынок стал ареной жесточайших конкурентных схваток.

Чтобы противостоять американскому напору, Лондонская фондовая биржа и биржа во Франкфурте-на-Майне объявили о слиянии и образовании общей биржевой площадки под названием «IX» (Международные обмены). На этом процесс не заканчивается и новая европейская биржа образует совместное предприятие в соотношении 50% : 50% с американской электронной биржевой системой НАСДАК, что значительно ускоряет оперативность биржевых операций на рынках Северной Америки и Европы. На этом волна слияний бирж не завершается. Уже объявлено об образовании международной биржи «Евронекст», включающей биржи Парижа, Брюсселя и Амстердама. А биржи в Милане и Мадриде намерены присоединиться к англо-немецкому объединению «IX»². В свою очередь, особую напористость проявляет американская НАСДАК, которая уже имеет соглашения с

¹ Подсчитано по: The Economist. 2000. 13 May. P. 111.

² The Economist. 2000. 6 May. P. 111.

биржей в Сиднее, Канадой, Аргентиной, Южной Кореей, Гонконгом. Электронный фондовый рынок постепенно покрывает своей паутиной весь земной шар¹.

Поскольку мировой электронный фондовый рынок еще более усиливает взаимозависимость стран, постольку велико желание всех участников, чтобы этот рынок стал максимально прозрачным. Вместе с тем среди ученых появились проекты использовать спутниковую систему и для того, чтобы сделать прозрачным весь мир, чтобы от глаз общественности не ускользали никакие события — будь-то действия правительств или операции компаний. По мнению авторов данного проекта, «прозрачный мир» может позволить избежать новых войн и конфликтов или значительно смягчить их последствия².

Очевидно, что информационные технологии с возрастающей скоростью будут менять экономическую и общественную жизнь. Больше того, между странами усиливается конкуренция по наиболее эффективному использованию Интернета. Отставание в сфере электронных коммуникаций грозит еще большим отставанием в социальном прогрессе XXI в. Конкуренты США не хотят оставлять «электронное преимущество» американцам. Особенно велик темп подключения к сети Интернет в странах Азии. Так, в КНР за 1999 г. число пользователей Интернета удвоилось с 4 до 8,9 млн., в Южной Корее каждый третий гражданин имеет выход в Интернет. В целом же, по последним оценкам, США и Канада сохраняют лидерство по использованию сети — более 140 млн. пользователей; в Европе их — 83 млн., Азиатско-Тихоокеанском регионе — 70 млн., Южной Америке — 10 млн., Африке — 3 млн. пользователей Интернета³. Именно благодаря активной поддержке государства Интернет в США вошел в деловую жизнь и быт американцев точно так же, как когда-то появился и внедрился телефон.

Судьба Интернета наглядно показывает, что сам по себе рынок не может решить емкие и нестандартные технические и экономические проблемы. И в самой либеральной западной экономике государство считает своим важнейшим долгом и ответственностью перед всем народом возглавить и стимулировать внедрение современных информационных технологий. По всему видно,

¹ The Economist. 2000. 6 May. P. 87.

² Ibid. P. 81—83.

³ Независимая газета. 2000. 3 июня.

что США не только приняли вызов времени, но и постарались его использовать для повышения своей общей конкурентоспособности. Сегодня во время пиковых нагрузок один час пользования Интернет обходится для американца меньше, чем за один доллар, в то время как в Великобритании это стоит более 2,5 долл., Германии — почти 2 долл., а в Японии — 1,3 долл.¹ Известно, что тарифы на международные телефонные услуги во всех странах значительно выше, чем в Соединенных Штатах.

Информационные технологии не изменяют природу рынка, природу бизнеса, природу государства, но изменяют взаимосвязь рынка, бизнеса и государства, ибо в мире конкуренции только оптимальное и активное взаимодействие всех этих факторов может поддержать национальную конкурентоспособность на должном уровне.

Противоречия глобализации

Явление глобализации стало наиболее распространенным предметом для научного анализа, политических дискуссий и деловых переговоров в последние годы. Не всегда сам термин «глобализация» считается удачным. Нередко, имея в виду доминирование США в мире, процесс глобализации склонны рассматривать как процесс американизации. Поэтому ряд исследователей предпочитает использовать термин *интернационализация*, полагая, что в современном мире растет взаимозависимость стран, экономик, культур, а не навязывание миру какого-то одного стандарта. Дж.Гэлбрейт предлагает использовать термин «*интернационализм*», делая упор на повышение роли международных институтов в жизни мирового сообщества².

По-видимому, в мире происходит не механическое объединение национальных моделей экономического развития, а, как мы уже выше отмечали, распространение рыночных принципов в глобальном масштабе. Именно с рыночных позиций и можно рассмотреть суть процесса глобализации и его противоречия. Действительно, без сформировавшегося мирового рынка не могла бы сложиться мировая торговля, мировая финансовая система, международные экономические институты. Конечно, с одной стороны, США имеют возможность оказывать на глобализацию наибольшее влияние, но с другой — они не могут распространить

свою модель на все страны хотя бы потому, что для этого в мире просто не хватит ресурсов, чтобы все жили по-американски. Значит, для США выгодно направить глобализацию по содержанию и форме в русло своих национальных интересов, т.е. использовать ее для поддержания и усиления национальной конкурентоспособности. Но ведь и другие страны также намерены выиграть, а не проиграть в ходе глобализации. Вот почему глобализация становится одной из главных арен конкурентной борьбы.

На современном этапе глобализации бесспорное преимущество у США. Но XXI в. не просто обостряет конкуренцию, он в новых экономических, технологических политических и социальных условиях ставит перед человечеством вообще и США в частности вопросы о перспективах цивилизации. Если в системе международной безопасности военная мощь США дает некоторое основание говорить об «однополюсном» мире, то в координатах мирового хозяйства *однополюсность* исключается по определению, ибо сам характер рыночных отношений и природа конкуренции не терпят никакого гегемонизма, а предполагают множественность конкурирующих субъектов. Мировое рыночное хозяйство — это многополюсный мир. Активно участвуя в создании мирового рыночного хозяйства, Америка тем самым объективно формировала механизм международных экономических отношений, подрывающий ее мировое лидерство. Вместе с тем рыночная основа мировой экономики дает всем странам, в том числе и России, занять подобающее им место, отстоять свои «*полюса*» на конкурентном поле. Поэтому глобализация как мировой рыночный феномен бросает вызов экономическому лидерству США.

Сегодня американцы сохраняют немало возможностей, чтобы держать под контролем мирохозяйственные процессы. Выступая за открытую экономику, США приветствуют распространение в мире сложившихся у них стандартов рабочей силы, интеллектуальной собственности, движения капиталов, эффективности аграрного сектора, значимости сферы услуг и других параметров. Однако большинство стран мира не готовы к такому повороту событий. Хотя еще в середине прошлого столетия в мире расстались с колониализмом, но до сих пор существует, а порой и возрастает громадный разрыв между развитыми и развивающимися странами. В своей статье «Соединенные Штаты превыше всего» известный американский политолог Збигнев Бжезинский вынужден привести данные из доклада ООН о человеческом развитии за 1998 г., характеризующие экономическое неравенство в мире.

¹ Подсчитано по: Economic Report of the President. P. 111.

² Finance & Development. 1999. December. P. 3.

«Три самых богатых человека в мире имеют состояние, превышающее ВВП 48 наименее развитых стран вместе взятых. Американцы тратят на косметику 8 млрд. долл. в год... 6 млрд. долл. в год хватило бы для того, чтобы дать всем детям мира начальное образование... Американцы и европейцы расходуют 17 млрд. долл. на корм для домашних животных»¹. Но всего 13 млрд. долл. необходимо, чтобы обеспечить элементарной медицинской помощью и накормить всех нуждающихся по всему миру.

Обострение социальных контрастов в мире сильно тревожит и международные экономические институты. Так МВФ в лице своего Международного валютного и финансового комитета предложил «стратегию сокращения нищеты», настоятельно призывая развитые страны в срочном порядке подключиться к этому делу². Не осталась в стороне от острых проблем современности и Всемирная торговая организация. Как отмечено в годовом докладе ВТО, она не берет на себя функции «архитектора» глобализации, а лишь представляет собой форум для переговоров и установления «согласованных правил»³. Руководитель Центра международного развития Гарвардского университета либеральный экономист Дж.Сакс заявил о том, что «новый глобальный консенсус состоит в помощи беднейшим из бедных»⁴. Получается, что глобализация рынка, глобализация либеральных ценностей не приводит автоматически к экономическому росту, не решает проблем экономических и социальных диспропорций в мире. Более того, глобализация не означает универсализации рыночных моделей. Каждая страна может продвинуться вперед только на основе своей собственной модели развития. Выступая на ежегодной конференции Мирового банка, посвященной экономике развития, в апреле 2000 г. в Вашингтоне, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии 2002 г. Дж.Стиглиц подчеркнул, что экономическая политика любой стране не может быть навязана извне. А другой участник конференции гарвардский профессор Д.Родрик заявил, что «внутренняя стратегия должна быть скроена по характеристикам и условиям отдельной страны»⁵.

События последних лет показали, что США как локомотив мировой экономики и глобализации все больше начинают пони-

мать, что им невыгодно брать на себя ответственность за результаты мирохозяйственных процессов. Америка не хочет делиться достигнутыми успехами, в лучшем случае для других стран она может поделиться новыми продвижениями. Такой подход целиком находится в рамках рыночной идеологии. Правда, и здесь не обходится без «двойных стандартов». Известно, что в рыночной экономике свобода выбора и движения присутствует на всех рынках — товаров, услуг, капитала, труда. Однако в мировом хозяйстве такой свободы на всех рынках до сих пор не установилось. Развитые страны, в том числе и США, строго следуя за своим рынком труда, разными способами воздействуют и на другие рынки, отсекая «чужих» и поддерживая «своих».

В современном мире, насыщенном изменениями, технологическими революциями, социальными контрастами, растущей конкуренцией, трудно прогнозировать развитие событий на длительный период. Но при любом сценарии ближайшего будущего не может быть иллюзий о быстром решении накопленных проблем на основе «рыночного братства». Возможно, США одними из первых в XX столетии поняли, что рынок — это лишь средство, которое может дать положительный эффект лишь при умелом его использовании. Но когда это средство окажется всеобщим, то и для США важно найти новые приемы его применения. Тем более что XXI в. совсем не похож на своего предшественника.

7. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В американском обществе основополагающие принципы рыночной экономики, в том числе свобода предпринимательства и приоритет частной собственности, давно уже не являются предметом дискуссии — они на генетическом уровне стали атрибутами демократического общества.

В ряде стран, например Великобритании, время от времени проходят волны приватизации или, наоборот, вовлечения государства разными путями и формами в непосредственное участие в отдельных отраслях экономики в предпринимательскую деятельность. Среди развитых стран именно в Европе сильны традиции мощного государства на базе государственной собственности. И хотя в целом всем ведущим странам современного мира характерно многообразие форм собственности как основы смешанной экономики, как раз в США модель национальной экономики отличается минимальным, прямым влиянием государственной соб-

¹ Независимая газета. 1999. 24 нояб. С. 8.

² IMF Survey. 2000. 24 Apr. P. 113—114.

³ WTO Annual Report. 2000. May. P. 4.

⁴ IMF Survey. 2000. 6 May. P. 151.

⁵ Ibid. P. 150.

ственности. С точки зрения размеров государственной собственности США можно отнести к классическому, либеральному образу рыночного развития, ибо частный сектор является фактически всеобъемлющим во всех отраслях американской экономики.

Между тем опыт и история развития передовых стран дают немало свидетельств того, что влияние государства на экономические процессы не всегда является прямо пропорциональным величине государственной собственности или доле государственного предпринимательства в национальном хозяйстве. Чтобы выступать гарантом эффективного функционирования рыночного и конкурентного механизма, государство, во всех без исключения случаях, объективно занимает такое положение в обществе, которое обязывает его: во-первых, аккумулировать и выражать интересы общества в целом; во-вторых, поддерживать гибкие, но единые «правила игры» в национальной экономике; в-третьих, служить надежным «тылом», а нередко и «вперед смотрящим» для национальных компаний на мировом рынке.

Как раз потому, что именно в США государство нашло свою оптимальную «нишу» в национальной рыночной модели смешанной экономики, представляет научный и практический интерес исследование данной проблемы.

Исходный пункт — земельная собственность

Нет такой страны на земном шаре, где бы рыночное развитие смогло набрать обороты вне зависимости от собственности на землю и ее распределения между различными группами населения. Несомненно, и в экономической истории США этот фактор оказался весьма существенным. С момента провозглашения независимости в 1776 г. и по мере освоения и присоединения громадных территорий на Среднем и Дальнем Западе именно государству принадлежало несметное земельное пространство. Как раз это уникальное обстоятельство позволило привлечь в страну переселенцев практически из всех стран Европы и обеспечить всех желающих своей землей. Особенно активно процесс продажи государственной земли за символическую плату пошел после 1869 г., когда завершилось строительство первой железной дороги, соединившей Атлантическое и Тихоокеанское побережья США. Вскоре после этой дороги вошли в строй и другие железные дороги между западными, центральными, южными и восточными штатами. Можно сказать, что в результате этого сформировалась транспортная инфраструктура единого рыночного пространства, вклю-

чившего в хозяйственный оборот не только всю территорию США и действующий на ней бизнес, но ставшего основой для реального утверждения федеральной юрисдикции во всех уголках страны в рамках полномочий, определенных конституцией государства.

Наверное, не случайно в Конституции США нет специальных разделов или статей, посвященных констатации тех или иных аспектов собственности или собственности вообще, ибо изначально предполагалось, что американское общество развивается на основе частной инициативы и свободного предпринимательства. А вот единые «правила игры», помимо особенностей в отдельных штатах, на общем рыночном пространстве скрупулезно сформулированы в многотомном федеральном хозяйственном законодательстве, где также оговорены вопросы собственности.

Как известно, непосредственно в сфере предпринимательства американское государство практически себя не проявляет через отношения принадлежащей ему собственности. Здесь полное господство принадлежит частному бизнесу и различным формам негосударственной собственности. Однако в США по-прежнему государству принадлежит значительная доля земельной собственности. Так, в 1997 г. только в федеральной собственности находилось 28,8% всей земли США. Причем в восьми штатах доля федеральной земельной собственности превысила 43%. В частности, в Неваде федеральному правительству принадлежит 83,1% земли штата, Юте — 64,5%, Айдахо — 62,5%, Орегоне — 52,6%, Вайоминге — 49,9%, Аляске — 67,9%, Калифорнии — 44,9%, Аризоне — 45,6%¹. Среди подобных земель немало управляется оборонными, энергетическими, транспортными и другими федеральными ведомствами. Почти 12% федеральных земель занято национальными парками, заповедниками и рекреационными зонами общегосударственного значения².

Если в любом бизнесе собственность на землю выступает немаловажным стартовым условием, то в федеральном масштабе этот фактор играет существенную роль в обеспечении единого рыночного и экономического пространства страны. Общеизвестно, что вся территория США покрыта сетью дорог федерального значения. Вместе со штатными структурами федеральное правительство обеспечивает доступность любой точки страны для пред-

¹ Statistical Abstract of the United States 2000, P. 228.

² Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 2000, P. 228, 252.

принимательства, коммуникаций, информации, равных правил ведения бизнеса и примерно равных условий жизни. Можно сказать, что не последнюю роль сыграла именно федеральная инфраструктура в создании американского «качества жизни» как в крупных городах и мегаполисах, так и в небольших городках и фермерских хозяйствах. Это обстоятельство не только нейтрализует различия между городом и деревней, но и формирует «национальный образ жизни», опирающийся на силу и мощь федеральной власти и эффективность местного самоуправления.

Штурвал воспроизводства — в руках государства

История и современное развитие США красноречиво свидетельствуют о том, что государство на всех уровнях экономики и общества не только стремится создать оптимальные условия для бизнеса и жизни своих граждан, но и выступает значительным фактором воспроизводства в национальной экономике¹. С одной стороны, государство гарантирует соблюдение правовых основ бизнеса, имея разветвленную сеть соответствующих органов, а с другой — оно самым непосредственным образом воздействует на потоки капитала, товаров, услуг и миграцию рабочей силы по всей стране, что само по себе не может не влиять на динамику экономического роста и структуру экономики и валового внутреннего продукта (ВВП).

В последнем десятилетии XX в. доля всех государственным расходов в ВВП держалась на уровне 30%. Отсюда следует, что в сфере потребления ВВП почти 1/3 его величины находится под непосредственным воздействием всех государственных структур, а через каналы федерального правительства проходит более 1/5 ВВП страны. Не надо быть экономистом, чтобы понять весомость участия государства в фазе потребления процесса воспроизводства ВВП.

Здесь мы оставляем в стороне многочисленные каналы и рычаги участия государства в целом и отдельных штатов в воспроизводственном процессе (государственный рынок товаров и услуг, федеральная контрактная система, финансирование НИОКР и фундаментальных научных исследований, поддержка аграрного сектора и др.), с помощью которых обеспечивается как устойчивый спрос, так и формируются стратегические направления эко-

¹ Подробно об этом см.: например, «Соединенные Штаты Америки. (Конституция и законодательные акты)» / Пер. с англ. Под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс., 1993.

номического и социального развития страны¹. В то же время нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что немалый отряд наемных работников занят на постоянной основе в государственных институтах всех уровней.

Таблица 18

Число занятых в американских государственных органах всех уровней в 1999 г.

Уровень органа госуправления	тыс. чел.	%
Гражданские служащие федеральных органов	2799	14
Работники штатных и местных органов	17465	86
Штатных	4827	24
Местных	12639	62
Всего	20265	100

Источник: Составлено по: Statistical Abstract of the United States 2000. P. 330.

Если обратиться к табл. 18, то можно видеть, что больше всего людей работает в местных органах власти — 62%. А всего в различных учреждениях федерального, штатного и местного уровней занято свыше 20 млн. человек, что составило в 1999 г. 14,5% всего трудоспособного населения страны или 15,2% от всех занятых в США². Для сравнения следует заметить, что число занятых в общественном секторе — государственных структурах всех уровней — примерно равно наемному персоналу обрабатывающей промышленности (20,0 млн. человек) или в розничной торговле (22,4 млн. человек) — отраслях экономики, имеющих наибольшее число рабочих мест среди всех отраслей³. Простой арифметический подсчет показывает, насколько мощно влияние указанных сфер на воспроизводственный процесс в целом.

Не занимаясь непосредственно предпринимательской деятельностью и не обладая для этой цели никакой собственностью, американское государство имеет немалую возможность через огромный отряд своих служащих, объем их потребления и размер их общего жалования существенно воздействовать на состояние рынка в стране, его динамику и параметры спроса. А через механизм личного накопления возможно влияние и на изменение предложения, что, в конечном счете, отражается и на конфигурации национального экономического роста.

¹ Подробно об этом см.: Сулян В.Б. Американская экономика: особенности современной модели / США • Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3—4.

² Statistical Abstract of the United States 2000. P. 403.

³ Ibid. P. 420.

Экономическая мощь государственного чиновничьего аппарата и армии служащих опирается на разветвленную и порой пересекающуюся структуру правительств всех уровней. Об этом свидетельствуют данные табл. 19. К федеральному и штатным правительствам присоединяется почти 87,5 тыс. различных управленческих органов исполнительной власти местного уровня, значительная часть которых функционирует в специальных округах. Такое устройство государственного управления позволяет не оставлять без внимания в любом уголке страны не только состояние и эффективность рынка и обеспеченность населения *общественными благами*, но и условия деятельности *малого бизнеса*, доля которого в стране по численности среди всех форм предпринимательства колеблется вокруг 70%¹.

Таблица 19

Распределение правительств в США в 1997 г.

Уровень правительства	Количество
Федеральный	1
Штатный	50
Местный:	87453
В том числе:	
графский	3043
муниципальный	19372
городков	16629
школьных округов	13726
специальных округов	34683
Всего	87504

Источник: Statistical Abstract of the United States 2000. P. 299.

Конечно, трудно сравнивать федеральное правительство США и исполнительный орган графства или небольшого городка. Слишком разные тут «весовые категории». Тем более что федеральное правительство имеет свою собственную структуру различных федеральных органов по всей стране, а местные правительства уполномочены лишь на своей территории. Однако на всех уровнях правительств занятость их персонала относится к числу наиболее стабильной в стране. Поэтому нередко американцы предпочитают работать в различных правительственных структурах, нежели в частном секторе, хотя и получают относительно меньшую зарплату. Их привлекает не столько размер дохода,

¹ Statistical Abstract of the United States 2000. P. 535.

сколько его стабильный характер, а также последующие и текущие различного рода социальные гарантии.

Таблица 20

Выборочная структура произведенного ВВП США, в текущих ценах

Годы	Един. измерения	ВВП в целом	Обрабатывающая промышленность	Розничная торговля	Сфера услуг	Госсектор в целом	Федеральный сектор
1990	млрд. долл.	5744	1031	504	1059	793	294
	%	100	17,9	8,7	18,4	13,8	5,1
1995	млрд. долл.	7265	1286	638	1440	964	326
	%	100	17,7	8,7	19,8	13,3	4,5
1996	млрд. долл.	7636	1332	668	1540	996	331
	%	100	17,4	8,7	20,2	13,0	4,3
1998	млрд. долл.	8760	1433	782	1842	1100	361
	%	100	16,4	8,9	21,0	12,5	4,1

Источник: Составлено по: Statistical Abstract of the United States 1999. P. 460; Economic Report of the President 2000. P. 452.

Опыт США показывает, что эффективность функционирования государственного аппарата стала одним из решающих факторов экономического развития. Об этом свидетельствует и тот факт, что государство в широком смысле не только потребляет ВВП страны, но и участвует в его *создании*, что можно видеть по данным табл. 20. Здесь федеральный сектор является частью государственного сектора в целом, доля которого в производстве ВВП за последние семь лет имеет тенденцию к сокращению, хотя абсолютный вклад госсектора возрастает. Одновременно сокращается доля обрабатывающей промышленности и растет влияние сферы услуг. При этом поразительно стабильной оказалась позиция розничной торговли, объем которой возрастал прямо пропорционально ежегодному приросту ВВП. Однако если учесть, что в розничной торговле и в государственных структурах занято примерно одинаковое число людей, преимущество влияния государства на процесс создания ВВП налицо. Между тем здесь следует обратить внимание, во-первых, на то обстоятельство, что государство — не предприниматель и оно участвует в *создании* ВВП через оплату своих служащих и другими методами с помощью консолидированного бюджета и, во-вторых, на тот факт, что государство,

активно участвуя в потреблении ВВП страны, имеет возможность активно влиять на экономическое развитие американского общества как на стадии *производства*, так и на стадии потребления. А если учесть, что в процессе потребления ВВП государство имеет мощный перераспределительный механизм национального дохода, то это означает — *государство имеет возможность активно воздействовать на все фазы воспроизводства и экономического развития страны.*

По данным Бюро экономического анализа, являющегося частью структуры органов Министерства торговли США, к примеру, в 1998 г. ВВП страны вырос на 3,9%. При этом доля «заслуг» государства в этом приросте — 0,72%¹. Если сопоставить эти параметры с данными об участии государства в производстве и расходовании ВВП, то пропорции окажутся примерно одинаковыми. Хотя главное в этом процессе не пропорции, а тот факт, что *государство выступает одним из решающих факторов национального экономического роста.* Следует напомнить, что в том же 1998 г. доля ВВП США в мировом ВВП составила 20,8%². Нетрудно подсчитать, каков вклад американского государства и в создание ВВП всего мира. По существу в XXI в. экономика США вступила как *локомотив* мирового хозяйства. Такое положение предопределяет *монопольное* положение США в мировом сообществе по многим параметрам.

Государственная собственность и финансовая система

В любой рыночной экономике своеобразным индикатором «температуры» и отражением состояния «нервной системы» национального хозяйства и общества является финансовая система. Именно финансовые рычаги позволяют государству четко реагировать на все изменения экономического развития. Финансовые инструменты обладают наибольшей мобильностью и гибкостью. И если в материально-вещественной сфере доля собственности государства минимальна, то в финансовой сфере государство заявляет о себе в полный голос. Как в США, так и других развитых странах мы являемся свидетелями значительной государственной собственности на финансовые ресурсы. Ни одна частная корпорация или банк, будь они и транснационального масштаба, не могут померяться силами с мощью финансовых ресурсов амери-

канского государства. Некоторое представление об этом феномене дает табл. 21.

Таблица 21

Государственные финансы США

Структура	1990 г.	1994 г.	1995 г.
Все государственные доходы:			
млрд. долл.	2047	2513	2759
%	100	100	100
Доходы федерального правительства:			
млрд. долл.	1155	1421	1573
%	56,4	55,7	57,0
Доходы штатных и местных правительств, %	43,6	44,3	43,0
Все государственные расходы:			
млрд. долл.	2219	2673	2820
%	100	100	100
Расходы федерального правительства:			
млрд. долл.	1393	1630	1705
%	62,8	60,8	60,5
Расходы штатных и местных правительств, %	37,2	39,2	39,5
Государственный долг			
млрд. долл.	4127	5796	6116
%	100	100	100
Федеральный долг:			
млрд. долл.	3266	4721	5001
%	79,2	81,5	81,8
Долг штатных и местных правительств, %	20,8	18,5	18,2

Источник: Statistical Abstract of the United States 1998. P. 307.

Как видно, здесь приведены лишь основные параметры государственных финансов. Если в последующие годы абсолютные размеры указанных статей доходов и расходов и изменились, то их долевое соотношение в основном сохранилось. Мы не рассматриваем государственные бюджеты различных уровней, государственные ценные бумаги и другие институты финансовой сферы, поскольку они в той или иной степени являются производными от указанных в табл. 21. Важно обратить внимание на весомость государственной роли в финансовой сфере не только законодательным регулированием финансового рынка и банковской системы, но и мощным представительством своей собственностью на значительную долю финансовых ресурсов страны. Более того, в финансовом мире ценные бумаги американского государства выступают как наиболее надежные, часто выполняющие

¹ Survey of Current Business. 1999. February. P. 3.

² World Economic Outlook. Wash., 1999. P. 128.

стратегическую роль как для самого государства, так и для частных инвесторов.

Осенью 1999 г. в Вашингтоне состоялся экономический форум, посвященный американской экономике. Выступая на форуме, председатель Совета экономических консультантов при президенте США Мартин Бэйли обратил внимание на то, что нынешний экономический рост в стране характеризуется низкой инфляцией и низкой безработицей, а рост производительности труда во многом обусловлен активным использованием плодов революции в информационных технологиях¹. По мнению профессора Гарвардского университета Грэгори Мэнкью, современное экономическое развитие США, по существу, конституирует новую парадигму экономического роста, когда финансовая политика правительства приводит к тому, что ломается известная схема, при которой именно «высокая инфляция сопровождается высоким приростом ВВП и высоким уровнем занятости»². А экономист с Уолл-стрит Уильям Дадлей обратил внимание участников форума на то, что структурная перестройка экономики США происходит более или менее во время подъема, а не в результате циклического спада. А основой всех позитивных тенденций, по мнению У. Дадлей, выступают *финансовые условия*, которые оказались даже более благоприятными, чем ожидали граждане и бизнесмены³.

Не вступая в полемику с участниками форума, все же нельзя не отметить, что американское государство в последнее десятилетие смогло максимально использовать внутреннюю и внешнюю экономическую и политическую конъюнктуру для мобилизации финансовых и других ресурсов национального и международного капитала для обеспечения устойчивого экономического роста. Экономический спад, начавшийся в марте 2001 г., оказался не столь разрушительным, а мобилизационные возможности американской экономики — столь внушительными, что и в этом случае государство находит надежные рычаги для возобновления экономического роста.

Американская модель экономического развития воочию свидетельствует об относительности абсолютных величин и параметров. Так, степень влияния государства вовсе не находится в пря-

мо пропорциональной зависимости от размеров государственной собственности на материально-вещественные факторы производства и непосредственного участия государства в предпринимательской деятельности. Сам по себе общественный сектор экономики зависит от экономической мощи национального хозяйства и государства в целом. Решающее воздействие на экономические и социальные процессы государство имеет возможность оказывать благодаря своим мощным финансовым ресурсам и оптимальному их использованию в конкретных условиях динамики национальной и мировой экономики.

8. АКЦИОНЕРНЫЙ КАПИТАЛ — ОПОРНОЕ ЗВЕНО ПРОГРЕССА

Американское экономическое лидерство в современном мире не оставляет к себе равнодушных никого — ни простых людей, ни специалистов. Немало людей представляют США как земной рай, где даже трудности жизни предстают в розовом свете. Для ученых-экономистов США — это страна со сбалансированной и относительно стабильной экономикой, жестким конкурентным механизмом, активно отбирающим и внедряющим во все сферы хозяйства новые технологии и другие нововведения. По уровню производительности и общей эффективности американская экономика давно стала маяком для большинства стран мира. Нередко сами американцы и в академических трактовках, и в обыденных разговорах объясняют достижения США наличием в стране максимальной свободы для людей, для бизнеса, иными словами, самого либерального климата для предпринимательства. При этом, само собой разумеется, что такие столпы рыночной капиталистической экономики как частная собственность и капитал вообще не обсуждаются, ибо они по сути составляют основу общества и всей жизни.

Между тем именно в общей основе американского стремительного взлета в XX в. на вершину лидерства в мировом хозяйстве как раз и кроется одна из загадок успехов США. Дело в том, что частная собственность и первоначальный капитал наряду с другими специфическими обстоятельствами возникновения страны на Североамериканском континенте, с одной стороны, обеспечили удачный старт экономического развития, а с другой — не застыли в своих изначальных формах, а адаптировались к формирующимся новым условиям, постоянно отвечая на вызовы време-

¹ IMF Survey. 1999. November 8. P. 359.

² Ibid. P. 360.

³ Ibid. P. 361.

ни. В результате современные США имеют разнообразные формы собственности и капитала, что, в конечном счете, предопределяет *смешанный* характер американской экономики. Между тем стержневой опорой как предшествующего, так и современного развития выступает *акционерная собственность* и функционирующие на ее базе *акционерные общества* и *акционерный капитал*. Поэтому наше внимание обращено на акционерный капитал. Рассмотрим три взаимосвязанных вопроса — место и роль акционерных обществ — корпораций в национальной экономике, сложность и динамизм корпоративного мира, особое значение фондового рынка.

Акционерные предприятия — ведущее звено национальной экономики

Анализ акционерного капитала и американской экономики в начале XXI в. был бы неполным, если бы остались в стороне исторические корни сложившейся современной картины. Как известно, *капитал вообще* и *акционерный капитал* в частности, существовали задолго до возникновения рыночного хозяйства и капитализма в Европе. Но и ростовщический, и купеческий капитал того периода получили название *допотопного* капитала, ибо они не были рождены рыночным развитием, а предшествовали ему. Европа еще до капитализма знала общества, основанные на долевом участии партнеров, которые обеспечивали торговые связи со странами Востока. Но опять же такие общества лишь по форме напоминали возникшие на определенном этапе капиталистического хозяйства акционерные предприятия.

Иначе говоря, и в рыночной капиталистической экономике становление акционерного капитала обуславливалось рядом обстоятельств и условий, важнейшим из которых оказалась острая необходимость объединения индивидуальных капиталов для совместного бизнеса, имеющего общенациональное значение. И хотя история капитализма в США во многом отличается от истории капитализма в Европе, все же акционерные общества шли одним и тем же путем — его проложили железные дороги. «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 642.

Единое рыночное экономическое пространство страны фактически начало складываться после 1869 г., когда вошла в строй первая железная дорога, соединившая Восток и Запад США, также включив в активный деловой оборот земли центральной части. Как раз на этот же период приходится и первая волна возникновения акционерных обществ, создания фондового рынка и усиления позиций акционерного капитала. К сожалению, в то время еще не было систематических статистических наблюдений, и не выделялись определенные организационные формы бизнеса. Корпоративный сектор статистически стал выделяться на регулярной основе лишь в XX в. В 1870 г. в США оказалось зарегистрированным 470 тыс. фирм всех видов и всех отраслей¹. А о создании акционерных обществ — корпораций можно судить лишь по истории каждого из них. При этом почти все хорошо известные современникам мощные американские корпорации начинали свой путь сто и более лет назад либо как партнерства, либо как фирмы, принадлежащие одному хозяину.

Остановимся на некоторых примерах. Всемирно известная американская корпорация «Проктер энд Гэмбл» родилась как партнерство Уильяма Проктера и Джеймса Гэмбла 31 октября 1837 г. для производства мыла и свечей. Образованию фирмы способствовало, в частности, то, что У.Проктер и Д.Гэмбл были женаты на сестрах Оливии и Элизабет Норрис. Компания быстро развивалась, но только в 1890 г. она зарегистрировалась как корпорация — акционерное общество.

Крупнейшая в современном мире нефтяная корпорация «Эксон Мобил» обязана своим рождением Джону Д.Рокфеллеру, зарегистрировавшему в 1882 г. свою компанию «Стандарт Ойл Ко. оф Нью-Джерси». Долгий путь преобразований, развития, диверсификации, слияний и поглощений привел к тому, что в нынешних условиях корпорация «Эксон Мобил» — это нефтехимический гигант, имеющий свои перерабатывающие предприятия в 24 странах и систему снабжения нефтепродуктами более чем в 100 странах, стал функционировать как единая корпорация с 30 ноября 1999 г. и в этом же году ее оборот по продажам достиг 164 млрд. долл.² А в 2000 г. размер рыночной капитализации (т.е. величина акционерного капитала по ценам фондового рынка) «Эксон Мобил» превысил 286 млрд. долл. и позволил корпорации

¹ Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Part 2. Washington. D.C., 1975. P. 913.

² Fortune. 2000. July 24. P. F-37.

занять по этому показателю третье место в мире¹. А на первом месте тогда оказался образованный в 1892 г. американский концерн «Дженерал Электрик» с рыночной капитализацией свыше 477 млрд. долл., которая к 30 апреля 2001 г. достигла 482 млрд. долл.² В 2001 г. ситуация с распределением мест вновь изменилась. «Экссон Мобил» вышел на второе место с объемом продаж в 192 млрд. долл., а «Дженерал электрик» оказался на шестом месте, имея оборот по продажам в 126 млрд. долл.

В разных уголках мира давно уже знают автомобильную марку «Форд». Образованный Генри Фордом в 1903 г. как предприятие двенадцати партнеров, постепенно превратился в мощную корпорацию — крупнейшего в мире производителя автомобилей «Форд мотор компани», которая ныне имеет свой бизнес в более чем 30 странах, где занято свыше 340 тыс. работников и на которую поставляют различные детали, сборочные узлы и другую продукцию свыше 60 тыс. компаний по всему земному шару. И хотя с 2 января 1999 г. пост председателя совета директоров корпорации вновь занимает родственник ее основателя Уильям Форд, праправнук Генри Форда, фирма продолжает развивать свою стратегию как акционерная компания, работающая не только на американского потребителя, но и на мировое сообщество, предлагая почти 7 млн. различных автомобилей в год.

Для авиапассажиров большинства стран хорошо известна марка авиастроительного концерна «Боинг». И здесь фамилия основателя превратилась в название одного из самых крупных в мире производителей самолетов. Уроженец г. Детройта (штат Мичиган) Уильям Боинг открыл предприятие по созданию аэропланов в 1915 г., когда ему едва исполнилось 34 года. И если первый самолет был собран в гараже для катера У.Боинга, то современные лайнеры выпускаются на заводах, по своим площадям не уступающих большому городку. Понятно, что при таких масштабах и объеме производства никакой индивидуальный капитал не смог бы справиться — будь-то начало или конец XX в. Именно поэтому *акционерный капитал* позволил не только развернуть когда-то железнодорожное строительство и сопутствующие ему отрасли, но и стал своеобразным катализатором и несущим хребтом развития различных отраслей экономики, определяющих ее инфраструктуру и потенциал для дальнейшего роста. Можно сказать, что если с

технической стороны машинное производство предопределило материальную основу устойчивого развития рыночного капиталистического хозяйства, то *акционерный капитал выступил адекватной общественной формой подобного развития*, предопределяя и организационные формы предпринимательства, и роль акционерных предприятий в экономике и обществе. Эта тенденция хорошо просматривается по данным, представленным в табл. 22.

Таблица 22

Распределение предприятий по формам собственности в экономике США*

Форма собственности	Количество предприятий						Деловой оборот					
	1980 г.		1990 г.		1997 г.		1980 г.		1990 г.		1997 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Корпорации	2711	20	3717	19	4710	20	6172	90	10914	90	15890	88
Партнерства	1380	10	1554	8	1759	7	286	4	541	4	1297	7
Предприятия в индивидуальной собственности неаграрных отраслей	9730	70	14783	73	17176	73	411	6	731	6	870	5
Всего	13821	100	20054	100	23645	100	6869	100	12186	100	18057	100

Источник: Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States. Washington. 2000. P. 535.

* Примечание: Термин «предприятие» используется как обобщенное выражение любой юридической формы предпринимательской деятельности. Доли в процентах округлены до единицы.

Вначале остановимся на тех параметрах, которые можно легко подсчитать, опираясь на табличные данные. Последние 20 лет прошлого века весьма характерны для экономики США. После стагнации 1970-х гг. существенных срывов в экономическом развитии не наблюдалось. Страна входила в эпоху новых информационно-коммуникационных технологий, используя уже испытанные формы бизнеса и капитала. Наряду с так называемой «новой экономикой» продолжала развиваться «старая экономика» — традиционные отрасли хозяйства и институциональные формы его организации на всех уровнях — от общенационального до отдельной фирмы. С 1990 до 1997 гг. число всех предприятий возросло почти на 18%. При этом число корпораций поднялось на 12,7%, партнерств — на 13,2%, а предприятий в индивидуальной собственности — на 16,2%. Как видно, численное преимущество индивидуальных предприятий абсолютно в течение всего двадцатилетия. Однако хотя доля корпораций в общей численности всех

¹ Ведомости. 2001. 11 мая. FT 500. С. 1.

² Там же. С. А-1.

видов предприятий сохраняется примерно на одном уровне — 20%, экономический вес корпораций намного превышает соответствующие индикаторы остальных предприятий. Деловой оборот корпораций колеблется вокруг 90% от общего делового оборота. Такая закономерность характерна для всего периода после Второй мировой войны. Отсюда следует, что *корпорации, или акционерный капитал и акционерная собственность, экономически доминируют в американской экономике*, во многом предопределяя как ее структуру, так и механизм, и параметры развития. Можно даже сказать, что самая либеральная экономика в мире основной потенциал своего функционирования и развития с точки зрения формы капитала и собственности черпает из акционерного капитала и собственности. Что же касается индивидуальных предприятий, находящихся в частной собственности их владельцев, то их экономический вес незначителен, но они благодаря своей многочисленности создают общую благоприятную среду для предпринимательской деятельности в целом и для учета всех видов индивидуальных потребностей на различных рынках.

В начале второй половины XX в. известный американский исследователь Дж.К. Гэлбрейт посвятил анализу роли корпораций свою монографическую работу «Новое индустриальное общество», где он отметил, что сформировалось «две части экономики — мир корпораций, быстро развивающихся в техническом отношении, обладающих огромными капиталами и сложной организационной структурой, с одной стороны, и сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников — с другой, значительно отличаются друг от друга. Это не количественное различие; оно пронизывает каждый аспект экономической организации и деятельности, включая сами мотивы этой деятельности... Было бы целесообразно дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. Такое обозначение напрашивается: я буду называть ее «индустриальная система»¹.

Тем самым Дж.Гэлбрейт подчеркнул, что и среди корпораций выделяются крупнейшие, как, к примеру, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «АТТ», «ИБМ» и другие, которые как раз и составляют ядро индустриальной системы, а она выступает как определяющая черта «нового индустриального общества»². И хотя

в начале XXI в. уже говорится о «постиндустриальном обществе» в Америке, его индустриальная основа сохранила свое значение в полном объеме. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приведенные в табл. 23 и 24.

Таблица 23

Распределение корпораций по отраслям экономики США*

Отрасли и выборочные показатели	1989 г.	1990 г.	1997 г.
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство:			
количество	81	126	163
активы	40,7	68,3	92
деловой оборот	52,1	88,1	117,4
Добывающие отрасли:			
количество	26	40	33
активы	126,9	219,2	324,3
деловой оборот	176,7	111,4	150,3
Строительство:			
количество	272	407	488
активы	132,9	243,8	314,6
деловой оборот	267,2	534,7	779,0
Обрабатывающая промышленность:			
количество	243	302	325
активы	1709,5	3921,3	5966,3
деловой оборот	2404,3	3688,7	5177,7
Транспорт и коммунальное хозяйство:			
количество	111	160	209
активы	793,4	1522,0	2219,0
деловой оборот	523,8	936,3	1130,7
Оптовая и розничная торговля:			
количество	800	1023	1149
активы	646,9	1447,3	1947,9
деловой оборот	1955,5	3309,0	4703,8
Финансы, страхование, недвижимость:			
количество	493	609	745
активы	4022,2	10193,3	20905,6
деловой оборот	697,5	1954,7	2711,3
Услуги:			
количество	671	1029	1593
активы	178,2	572,8	1259,4
деловой оборот	279,9	779,3	1638,6

Источник: Statistical Abstract of the United States, Washington. 2000. P. 540.

* Примечание: Количество указано в тыс. долл., размер активов и делового оборота — в млрд. долл.

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. С. 45.

² Там же.

Таблица 24

Распределение корпораций по размеру принадлежащих активов среди отраслей экономики США в связи с деловым оборотом в 1997 г., %

Отрасли	Размер активов						
	Всего	до 10 млн. долл.	10–24,9 млн. долл.	25–49,9 млн. долл.	50–99,9 млн. долл.	100–249,9 млн. долл.	250 и более млн. долл.
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	100	70,1	6,9	4,9	4,8	7,7	5,8
Добывающие отрасли	100	14,1	5,0	2,7	3,3	5,5	69,4
Строительство	100	69,6	9,6	4,9	3,6	3,9	8,4
Обрабатывающая промышленность	100	11,8	3,9	3,2	3,4	5,1	72,7
Транспорт и коммунальное хозяйство	100	16,7	2,4	1,6	1,8	2,8	74,8
Оптовая и розничная торговля	100	40,0	9,0	4,8	4,1	5,5	36,7
Финансы, страхование и недвижимость	100	10,9	1,2	1,1	1,6	3,4	81,9
Услуги	100	54,7	4,9	3,1	3,8	4,9	28,5

Источник: Statistical Abstract of the United States, Washington. 2000. P. 541.

Из всех обследованных отраслей наибольшее число корпораций — более 1 млн. — оказалось в сфере услуг, оптовой и розничной торговле. Этим отраслям немного уступает финансовая сфера, страхование и недвижимость, но здесь корпорации обладают самыми большими активами — 20905,6 млрд. долл. Это обстоятельство еще раз подчеркивает значимость финансовых институтов в жизни современного американского общества. Но по деловому обороту пальма первенства принадлежит корпорациям обрабатывающей промышленности — 5177,7 млрд. долл. Причем здесь же и размер активов наибольший после корпораций финансовой сферы — 5966,3 млрд. долл. Характерно, что именно в указанных отраслях, как свидетельствуют данные табл. 24, наибольшая доля делового оборота отрасли — 81,9 и 72,7% соответственно — приходится на корпорации, имеющие активы в 250 млн. долл. и более. Более 70% — это доля крупнейших корпораций в деловом обороте также транспорта и коммунального хозяйства. В то же время в сфере услуг, строительстве и сельском хозяйстве наибольший оборот приходится на корпорации, имеющие активы в 10 млн. долл. Анализируя приведенные в таблицах данные, чи-

татель может убедиться, что в XXI в. США вступили, опираясь на экономическую мощь корпораций, крупнейшие из которых занимают ключевые позиции в ведущих отраслях. Причем имеет место ярко выраженная тенденция расширения так называемого «клуба миллиардеров». Так, если в 1980 г. в обрабатывающей промышленности было 244 корпорации с активами свыше 1 млрд. долл., то в 1999 г. оказалось уже 601¹.

Акционеры корпораций довольно хорошо ощущали благоприятные условия развития как корпораций, так и американской экономики в целом в 1990-е гг., когда значительная часть прибыли после уплаты налогов направлялась на выплату дивидендов. В 1990 г. на эти цели было направлено 63,6% прибыли, 1994 г. — 60,9%, 1995 г. — 55,5%, 1996 г. — 59,2%, 1997 г. — 59,8%, 1998 г. — 64,4% и в 1999 г. — 61,9%². Если же взять только 500 крупнейших американских корпораций, то их экономическая мощь впечатляет как рядового гражданина, так и специалиста. В 2000 г. деловой оборот этих предприятий достиг 7,2 трлн. долл. и на их предприятиях было занято 24 млн. человек. В результате продажи продукции, товаров и услуг на одного занятого составили в среднем 300 тыс. долл. в год. Если же сопоставить эти данные с показателями в целом по стране, то получается примерно следующая картина. ВВП США в 2000 г. достиг 10 трлн. долл., и в стране имели работу 135,5 млн. американцев. Простой подсчет показывает, что в среднем один работающий американец произвел почти 74 тыс. долл. в общий объем валового внутреннего продукта страны. Получается, что на одного работника 500 крупнейших корпораций приходится более чем в 4 раза валового выпуска, чем на одного работающего американца в целом по стране³. Более того, легко видеть, что «клуб 500» по общей величине делового оборота занимает в национальном ВВП долю, превышающую 70%.

Конечно, за подсчитанными средними величинами кроются определенные различия. Так, журнал «Форчун», который ведет учет 500 крупнейших корпораций с 1954 г., включает в деловой оборот всю деятельность, в том числе и за пределами США. В то же время ВВП подсчитывается только как продукт, произведенный на национальной территории. Да и сам «клуб 500» — это не монолит, а статистическое «общество» с постоянно меняющимся составом, где каждая корпорация преследует, прежде всего, свои

¹ Statistical Abstract of the United States 2000. P. 558.

² Подсчитано по: Ibid. P. 559. Table № 897.

³ Подсчитано по: Fortune. 2001. April 16. P. 227; Economic Report of the President. Washington. 2001. P. 274, 317.

цели и заботится о собственной судьбе. Поэтому «клуб 500» не имеет единой стратегии, да и тактика каждой компании зависит от множества свойственных для каждой фирмы факторов и обстоятельств. Но и при всем этом очевидно и то, что «вес» 500 корпораций в экономике страны и американском обществе соответствует их доле в ВВП по реальному влиянию и на всю структуру власти, и на внутреннюю и внешнюю политику, и на представление самих американцев о себе и о роли США в мире.

В совокупности обладая огромной экономической мощью, американские корпорации, особенно члены «клуба 500», и каждая в отдельности оказывают существенное влияние на ход экономических и социальных процессов. Как видно из табл. 25, ведущие компании «клуба 500» имеют годовой деловой оборот, превышающий десятки и сотни млрд. долл. Они предоставляют работу миллионам человек, а своей продукцией и услугами обеспечивают не только американцев, но и граждан многих стран мира. Чтобы показать потенциал влияния крупнейших корпораций США, нередко сравнивают их годовые обороты с ВВП или бюджетами отдельных стран. Конечно, подобные сравнения скорее имеют политическое значение, ибо субъекты сопоставления состоят в разных национальных экономических системах. Тем не менее важно знать, в каких «весовых категориях» находятся в мировом хозяйстве ведущие американские акционерные общества и некоторые (а может быть, и большинство) страны мира.

Таблица 25

Отдельные показатели ряда американских корпораций в 2000 г.*

Корпорации	Деловой оборот, млрд. долл.	Рыночная капитализация, млрд. долл.	Наемный персонал, тыс. человек	Деловой оборот на одного занятого, тыс. долл.
Эксон Мобил	210,4	288,4	100,0	2104
Дженерал моторс	184,6	50,5	386,0	478
Форд мотор	180,6	54,2	346,0	522
Дженерал электрик	129,9	407,0	341,0	381
ИБМ	88,4	167,6	316,3	278
АТТ	66,0	169,6	165,6	397
Боинг	51,3	53,3	198,0	259
Проктер энд Гэмбл	40,0	84,7	110,0	364

Источник: Составлено и подсчитано по: Fortune. 2001. April 16; Ведомости. 2001. 11 мая.

* Примечание: Данные о рыночной капитализации приводятся по указанным источникам, хотя этот показатель сильно зависит от конъюнктуры фондового рынка, которая может резко изменяться за короткий период.

В 2000 г. 7 корпораций из «клуба 500» журнала «Форчун» имели годовые обороты более 100 млрд. долл., а 16 корпораций — более 50 млрд. долл. Отсюда следует, к примеру, что такие гиганты, как «Эксон Мобил», «Дженерал моторс», «Форд мотор», выпускали продукции и услуг больше или почти столько же, как валовой внутренний продукт, рассчитанный в американских долларах по паритету покупательной способности национальных валют таких европейских государств, как Австрия, Греция, Дания, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швейцария, Швеция. Если же продолжить сравнение с ВВП развивающихся стран, то список может быть значительно продолжен. В случае сопоставления бюджетов отдельных стран мы могли бы насчитать не один десяток государств, чьи бюджеты уступают оборотам крупнейших корпораций США.

На 275 млн. человек, составляющих население США, сегодня приходится, как видно из табл. 22, почти 24 млн. различных компаний, среди которых абсолютное большинство — 73% — это предприятия в индивидуальной собственности. И хотя число корпораций в стране достигает 5 млн. и они дают почти 90% оборота всех видов предприятий, всего лишь 500 крупнейших корпораций своими гигантскими оборотами фактически определяют ритмичность и устойчивость экономического пульса страны, динамику ее развития. Получается, что на базе акционерной собственности и акционерного капитала сформировалась не только надежная основа для экономического прогресса, но и адекватные условия для концентрации капитала и бизнеса.

Однако реализовать свой потенциал акционерный капитал смог лишь развиваясь в демократическом обществе, в котором и монополист, и мелкий предприниматель, и хозяин торговой точки в одинаковой мере ответственны перед обществом. Громадный спектр отраслей и форм хозяйствования дает возможность любому легальному бизнесу найти свое место и играть свою роль в экономике и обществе. Поэтому экономическое доминирование корпораций воспринимается не как засилье, а как своеобразное «распределение ролей», которое сложилось в экономике на основе объективных законов, действие которых не ущемляет, а предопределяет соответствие между различными формами собственности, капитала и бизнеса¹. Когда же такое соответствие нарушается

¹ Подробно о миссии капитала см., например: Hernando de Soto. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. N.Y., London, Random House, 2000. О роли акционерного капитала см. также: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи. В кн.: Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 136—156.

и крупнейшие корпорации прельщаются монополистическими правами, тогда вступает в действие весь механизм государственного антимонопольного регулирования, который как раз и призван не просто поддерживать конкуренцию, но и определенный баланс в экономике.

Корпоративный мир и общество

Экономическая жизнь полна противоречий. Это утверждение верно к различным экономическим системам, включая систему акционерного общества. Понятно, что корпоративный мир неоднороден. В каждой корпорации есть свои особенности как управленческой структуры, так и внутрифирменного механизма. Однако есть немало и общего, что характеризует практически все компании, поскольку они опираются на предпринимательскую деятельность. И здесь не должно быть никаких иллюзий ни у простого человека, ни у академического исследователя. Откровенную характеристику акционерным компаниям дает известный американский финансист Дж. Сорос в своей последней книге: «Прибыль — вот мотивация любого бизнеса. Бизнес не ставит своей целью защиту общечеловеческих ценностей. Большинство бизнесменов — добропорядочные граждане, но это не отменяет того факта, что целью бизнеса является личное обогащение, а вовсе не общественное благо. Менеджеры несут основную ответственность перед владельцами бизнеса, а вовсе не перед чем-то неопределенным, называемым общественным интересом, хотя корпорации зачастую стараются действовать (или делать вид, что действуют) в духе ответственности перед обществом, ибо это выгодно для бизнеса»¹.

Действительно, для корпораций выгодно быть законопослушными, иметь благоприятный имидж среди населения, поддерживать репутацию своей торговой марки, ибо без реализации своей продукции, без получения прибыли не может быть и речи не только об экспансии, но и об элементарном выживании. Жесткая конкуренция держит всех в напряжении. Однако гигантские размеры крупнейших корпораций способствовали созданию в рамках акционерных обществ особого климата и особой корпоративной атмосферы. В разнообразной характеристике современных корпораций выделим лишь две черты. Первая — распыленность

акций среди множества акционеров. Вторая — относительная обособленность управляющих от большинства акционеров, что является следствием первой особенности. В фундаментальном труде «Собственность предприятия» американский профессор Генри Хансман подчеркнул, что в деловых корпорациях США ни один индивидуальный акционер не обладает пакетом акций, позволяющим иметь сколь-нибудь значительную степень контроля. Он приводит пример, что даже пять крупнейших акционеров «Дженерал моторс», которые представляют институты, аккумулирующие в свою очередь акции множества индивидуальных акционеров, вместе владеют меньше чем 6% акций корпорации¹. Здесь же автор делает вывод о том, что управляющие многих крупных корпораций фактически сами себя назначают и проводят политику, свободную от прямого контроля собственников компаний². При чем «распыление» акций среди акционеров корпораций как общеизвестное явление имеет место в США уже более века.

Не случайно поэтому именно тогда появилась так называемая теория «революции управляющих», констатирующая сложившуюся тенденцию поведения управляющих корпораций в собственных интересах, часто не совпадающих с интересами акционеров. Управляющий — наемный работник. Но это наемный работник особого рода. В его обязанности входит управление капиталом и другими ресурсами, собственниками которых являются тысячи и сотни тысяч акционеров. В таких условиях высший слой менеджеров крупной корпорации делает прежде всего то, что обеспечивает его благополучие в данный момент. Дж. К. Гэлбрейт в своей уже упоминавшейся книге «Новое индустриальное общество» подробно анализирует мотивы управляющих, заботящихся о процветании «индустриальной системы» и ставящих интересы акционеров не на первое место в приоритетах своей деятельности. «Разрыв между собственностью и властью, — подчеркивают аналитики лондонского журнала «Экономист», — может быть громадным»³. Этот вывод они относят как к европейским, так и американским корпорациям. И какое бы конкретное лицо ни становилось менеджером крупной фирмы, оно неизбежно является участником коллизии между *капиталом-собственностью* и *капиталом-функцией*, а «раздвоение» капитала произошло еще до

¹ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. М.: 2001. С. 12.

¹ Hansman H. The Ownership of Enterprise. Cambridge. 1996. P. 57.

² Ibid. P. 59.

³ The Economist. 2000. April 19. (European Business Survey. P. 14).

появления акционерных обществ. Но в корпорациях на базе акционерного капитала собственники и управляющие занимают свои позиции, исходя из природы акционерных обществ. Иными словами, институциональная форма акционерного капитала отделяет акционеров от управляющих. И хотя порой некоторые управляющие также владеют акциями своей корпорации, по существу, это мало что изменяет во взаимоотношениях двух полюсов — акционеров и менеджеров. Однако это противоречие не тормозит развитие корпораций, которые стремятся во всех случаях оперативно реагировать на вызовы времени.

Общая рыночная атмосфера и дух демократизма в американском обществе не могут не сказываться на поведении управляющих, на тактике и стратегии корпораций. Известный американский ученый, русский по происхождению, Игорь Ансофф в своей книге «Новая корпоративная стратегия» в качестве эпиграфов приводит слова Авраама Линкольна и Альфреда Слоуна, руководившего «Дженерал моторс» более 40 лет. Для понимания сути корпораций, их поведения и роли в американском обществе высказывания видного политика и крупного менеджера весьма полезны. А. Линкольн отмечал: «Догмы спокойного прошлого не будут работать в бурном будущем. Раз мы взялись за новое дело, мы должны иначе думать и действовать»¹. Умудренный управленческим опытом, А. Слоун подчеркивал: «...Стратегическая цель любой компании — получение дохода на вложенный капитал. Если в каком-то конкретном случае в течение длительного периода времени этот доход недостаточно велик, необходимо либо изменить уровень рентабельности, либо отказаться от данного проекта и заняться другим, более перспективным»². Мир бизнеса, мир корпораций — это мир постоянных изменений. Особенно они ощутимы сегодня, когда информационно-коммуникационные технологии, а также другие научные открытия не только произвели информационную революцию, не только изменили роль факторов информации и времени в экономике и обществе, но и формируют новое лицо экономики в целом. В таких условиях лишь один параметр корпорации может оставаться постоянным — *это быть готовым ко всяким изменениям*. Правда, специалисты журнала «Форчун» при отборе корпораций в «клуб 500» считают, что и в

современное турбулентное время следует сохранить неизменным критерием величину делового оборота. «Пусть сохранится хоть немного постоянства» — такими словами предваряется список крупнейших американских корпораций 2000 г.¹

Все больше специалистов в США приходят к выводу о том, что наступило время для коренной реструктуризации корпораций. Конечно, это не изменяет ни природу корпораций, ни акционерного капитала, но это создает условия для их адаптации к требованиям XXI в. В фундаментальном коллективном монографическом исследовании «Реструктурируя корпоративную Америку» авторы предлагают несколько направлений такой деятельности:

- выявление и оптимизация соотношения прямых и косвенных инвестиций;
- определение внутренних и внешних источников финансирования дальнейшего развития;
- выбор организационных форм реструктуризации;
- финансовая структура реорганизуемых фирм;
- выработка переговорной стратегии с партнерами для различных ситуаций;
- формирование адекватного учетного и контрольного механизма происходящих изменений;
- учет налогового фактора реструктуризации;
- нахождение в рамках федерального и антитрестовского законодательства и законов о ценных бумагах;
- формирование кодекса поведения в ходе и особенно после реструктуризации;
- соблюдение существующих договоров и соглашений, включая трудовые договоры с персоналом;
- анализ кратко- и долгосрочных последствий реструктуризации для акционеров².

Хотя содержательно реструктуризация зависит от времени проведения, но ее смысл довольно прост. Авторы приводят слова из известного американского толкового словаря Вэбстера, где говорится, что реструктуризация определяется как «план для обеспечения новой структуры или организации». А мотивацию реструктуризации они видят в необходимости «выжить, т.е. оставаться конкурентоспособным»³.

¹ Цит. по: Ансофф И. Новая корпоративная стратегия / Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. С. 15.

² Там же. С. 25.

¹ Fortune. 2001. April 16. P. 227.

² Clark J., Gerlach J., Olson G. Restructuring Corporate America // Fort Worth. The Dryden Press, 1995.

³ Ibid. P. 4.

Ни одна компания, в том числе и крупнейшие корпорации, не может почивать на лаврах прежних достижений. Поэтому *борьба за конкурентоспособность была, есть и будет главной задачей управляющих корпораций*, ибо потеря позиций на рынке, в конечном счете, приводит к потере своей должности, какой бы пост ни занимал тот или иной менеджер. А выбор правильных в данный момент решений определяется многими факторами, среди которых не последнюю роль играют профессиональная подготовка и образование управленческого персонала. Не случайно поэтому в США почти одновременно со становлением и развитием корпораций началось открытие и быстрое распространение в университетах школ делового администрирования или школ бизнеса. Как раз в этих школах отслеживают ситуацию в экономике и оперативно адаптируют учебные дисциплины для того, чтобы выпускники были готовы к наступающим изменениям на разных уровнях экономики. Получается, что корпорации являются не просто ведущим звеном экономики, но они во многом определяют содержание экономического и делового образования в стране, формируя спрос на выпускников школ бизнеса и других вузов. Конечно, корпорациям нужны и математики, и физики, и химики, и инженеры разных специальностей, и юристы, и много других специалистов. Однако ключевые фигуры в наемном персонале корпораций — это управляющие, которых готовят в школах бизнеса. Как показывают данные табл. 26, выпускники по деловому администрированию и управлению среди всех выпускников вузов США занимают значительную долю — не менее 1/5. При этом среди бакалавров выпускники по бизнесу и управлению вышли на первое место, а среди магистров они уступают только специалистам для системы образования. Зато докторские степени в области бизнеса и управления получают лишь немногие. Как видно, в практической деятельности корпораций управляющие ограничиваются степенью магистра, а докторские степени необходимы в основном профессорам школ бизнеса. По докторским степеням абсолютное первенство принадлежит специалистам в естественных и технических областях.

Разными путями акционерный капитал охватывает фактически все американское общество. Первенство в экономике, первенство в образовании, первенство на рынках товаров, труда, информации — это не просто лидерство корпораций. Это выраженные степени воздействия акционерных структур на институты демократического общества. Но именно благодаря демократическим

устоям американского общества корпорации находятся в рамках общих «правил игры», будучи не в состоянии распространить свой внутрифирменный корпоративный мир на все общество. Корпоративный механизм ограничен рамками каждой отдельной корпорации, поэтому нет единого корпоративного мира, нет корпоративного тоталитаризма, но есть демократическое общество.

Таблица 26

Выпускники по бизнесу и управлению среди всех выпускников вузов США

Уровень образования		1980 г.	1990 г.	1997 г.
Бакалавры	количество	184867	248698	226663
	доля в %	19,3	23,7	19,3
Магистры	количество	54484	76676	97619
	доля в %	18,3	23,6	23,3
Доктора	количество	753	1093	1336
	доля в %	2,3	2,8	2,9

Источник: Составлено и подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 2000. P. 194, 195.

Имевший место в последнюю декаду XX в. бурный экономический рост в США способствовал популяризации среди населения акций корпораций. За этот период число семей, владеющих акциями, выросло на 40%¹. Некоторое представление о распространении акций в американском обществе можно получить по данным табл. 27.

Таблица 27

Персонализация американского акционерного капитала в 1999 г.

Число домашних хозяйств, владеющих акциями (млн.)	49,2
Доля домашних хозяйств, владеющих акциями, в общем числе домохозяйств, %	48,2
Количество граждан, имеющих акции, млн.	7,7
Средний возраст акционера, лет	47
Средний годовой доход домашнего хозяйства, владеющего акциями, долл.	60000
Средняя величина финансовых активов домохозяйства, владеющего акциями, долл.	85000

Источник: Составлено по: Statistical Abstract of the United States, 2000. P. 527.

¹ Economic Report of the President. Wash., 2001. P. 3.

Если проанализировать представленные данные, то нетрудно видеть, что наибольший интерес к акционерному капиталу проявляет так называемый «средний американец», который как раз составляет средний класс американского общества. И по величине годового дохода, и по размеру финансовых активов видно, что владеющие акциями домохозяйства — это устойчивая, активная часть населения. Если еще более конкретизировать статистику, то выясняется, что средняя стоимость акций в текущих ценах, принадлежащих одной семье, достигла 25 тыс. долл., а доля акций в финансовых активах семьи равнялась почти 54%¹. В той или иной мере большинство взрослого населения страны — это акционеры.

Особая роль фондового рынка

Развитие акционерного капитала и акционерных обществ существенным образом повлияло на «субординацию» рынков в структуре хозяйства. По мере того как корпорации занимали ведущие позиции в отраслях и экономике в целом, обращение акций и других ценных бумаг на фондовом рынке стало выступать своеобразным индикатором состояния экономики. Фондовые биржи не просто стали местом купли-продажи корпоративных ценных бумаг, они превратились в нервные узлы экономики. Если в XIX в. экономический кризис выражался в массовом перепроизводстве товаров, то уже в начале XX в. сигналом к началу небывалого экономического спада стал обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже осенью 1929 г. После этого последовало расстройство банковской системы, резкое падение спроса и цен, что спровоцировало и товарное перепроизводство. Кризис 1929—1933 гг. преподнес США и другим странам поучительный урок. Стало ясно, что неуправляемая и бесконтрольная стихия на фондовом рынке способна похоронить любые достижения в других отраслях и на других рынках. Поддерживая самые либеральные принципы экономики, государство в то же время было вынуждено в интересах общества и бизнеса взять под строгий контроль как регистрацию акционерных обществ, так и функционирование фондового рынка.

Сама природа акций и других ценных бумаг создает порой предпосылки для нечестной игры. Опираясь на фиктивный капитал, фондовые биржи способны «раздувать» экономику, провоцируя рост рыночной капитализации фирм. В конце XX в. ситуа-

ция в США складывалась таким образом, что рыночная капитализация американских корпораций почти в два раза превышала годовую ВВП страны. Значительную роль в этом процессе сыграли корпорации, работающие в сфере новых информационных и коммуникационных технологий, а также так называемые интернет-компании. Если по годовому деловому обороту корпорация «Майкрософт» в 2000 г. занимала 79-е место, то по рыночной стоимости своих акций — 3-е среди 500 крупнейших фирм США. «Америка Онлайн» в том же году занимала соответственно 271-е и 9-е места¹. Даже пример лишь двух компаний показывает, какой может быть разброс между ролью корпорации в реальном секторе и ее местом на фондовом рынке.

Между тем именно фондовый рынок является наиболее гибким инструментом перелива капитала между отраслями и даже между странами, вернее, между компаниями разных стран. По существу, национальные цвета фондового рынка постепенно приобретают интернациональную окраску. В 2000 г. иностранцы владели 35% рынка государственных ценных бумаг, 20% рынка корпоративных облигаций и 7% рынка акций. В свою очередь американским корпорациям принадлежало 40% мирового фондового рынка при доле США в мировом ВВП 30%². Поэтому в современных условиях степень открытости экономики во многом зависит от степени вовлеченности национального фондового рынка в соответствующие мирохозяйственные процессы. И хотя сам по себе фондовый рынок оказывает сильное воздействие на реальный сектор, однако в развитой экономике ведущим звеном все же выступает базовая экономика. Это наглядно проявилось в США во время мировых финансовых потрясений 1997—1999 гг. и во время резкого падения объема фондового рынка в 2000—2001 гг., когда традиционные корпорации сохранили свои позиции, а экономика США в целом после нижней точки спада в марте 2001 г. вновь начала постепенно расти. Это говорит о том, что не следует преувеличивать, но не следует и пренебрегать той ролью, которую играет фондовый рынок в современной развитой экономике.

Рассматривая фондовый рынок, необходимо обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что только корпорации, т.е. предприятия акционерной формы собственности, среди всех форм бизнеса имеют свой особый рынок —

¹ Statistical Abstract of the United States. 2000. P. 527.

¹ Fortune. 2001. April 16.

² США — Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 5. С. 17.

фондовый. Другими словами, если предприятия в индивидуальной частной собственности, партнерства и другие некорпоративные предприятия имеют свободный доступ ко всем видам рынка, кроме фондового, то для корпораций такого ограничения не существует. Здесь мы имеем ввиду фондовый рынок как рынок корпоративных ценных бумаг. Получается, что и в сфере обращения корпорации имеют преимущества по сравнению с другими некорпоративными производителями. Поскольку в XX в. корпоративный сектор стал преобладающим в экономике США, постольку фондовый рынок стал индикатором состояния всей экономики. При современном уровне информационной технологии и маркетинговых исследований легко избежать перепроизводства товаров, поэтому экономические спады сопровождаются не перепроизводством, а сокращением выпуска товаров и падением котировок акций соответствующих компаний. Так в 2000 г. деловой оборот 500 крупнейших корпораций вырос на 13,5%, а их валовая прибыль — только на 8,4%, но в 1999 г. прирост прибыли равнялся 28,7%¹. Хотя для объяснения приведенных данных следует проанализировать множество факторов, но одно можно сказать с полной уверенностью — здесь свою роль сыграл и фондовый рынок, когда на Нью-Йоркской фондовой бирже индекс Доу Джонса «выкидывал коленца» и смотрел чаще вниз, чем вверх.

Подводя итоги краткого рассмотрения роли акционерного капитала в экономике США, можно сделать и некоторые общие выводы, характеризующие место акционерного капитала в рыночном развитии вообще.

Во-первых, акционерный капитал через акционерные общества как экономически господствующие предприятия укрепил «живучесть» рыночного хозяйства, расширил и углубил его адаптивные возможности к новым условиям развития, к вызовам современности — информатизации, глобализации, высоким технологиям и т.д.

Во-вторых, акционерный капитал расширил рамки рыночных отношений, позволил компенсировать так называемые «провалы рынка» и способствовал становлению *смешанной экономики* благодаря развитию различных форм собственности, корпоративного управления и органичному сочетанию рыночных принципов с регулированием хозяйственных процессов со стороны государства.

В-третьих, что вытекает из предшествующего, акционерный капитал, опираясь на институт акционерной собственности и институт акционерных обществ, по существу стал «локомотивом» перспективного рыночного развития. *В акционерном капитале сочетается индивидуальный выбор с коллективным интересом, что дает возможность разрешать противоречия, стоящие и возникающие перед человеком, бизнесом и обществом.*

9. «НОВАЯ ЭКОНОМИКА» КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

XX в. вошел в историю многими событиями, перечисление которых заняло бы не один энциклопедический том. Но значительная часть нововведений прошедшего столетия сфокусировалась на содержании, формах и динамике экономических процессов, что привело к объемным количественным и качественным изменениям в хозяйственной жизни как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Будучи лидером мирового экономического развития, США сумели ответить на вызовы времени и сохранить себя на достигнутой траектории движения. В результате Америка вступила в XXI в. с *новой экономикой*.

Может показаться, что в *новом столетии* все по-новому, в том числе и экономика. На самом деле применительно к американской экономике определение *новая* лишь частично связано с временным фактором, хотя оно и появилось в начале 90-х гг. прошедшего века. Между тем благодаря информационным и коммуникационным технологиям не только изменилась роль самого фактора времени в экономике, но и начались необратимые процессы в рыночном механизме, структуре бизнеса и национального хозяйства, инфраструктуре мировой экономики. Все это, по существу, формирует особую стадию рыночного развития. Однако прежде чем рассмотреть признаки рыночного развития в наступившем XXI в., остановимся на тех его сторонах, которые предопределили возникновение *новой экономики*. По всеобщему признанию специалистов разных областей, благодатная почва для *новой экономики* оказалась, прежде всего, в США, откуда началось распространение по всему миру как современных электронных информационных технологий, так и информационной сети Интернет.

¹ Fortune. 2001. April 16. P. 227.

В первой половине 1990-х гг., когда выражение *новая экономика* только-только входило в научный и журналистский оборот, журнал «Форчун» опубликовал в разделе «Специальные доклады» статью «Пробуждение к новой экономике», в которой отмечалось, что страна находится на самой ранней стадии новой экономики. Но эта экономика существенным образом отличается и от автомобильной, и от сельскохозяйственной эры. Волна надвигающихся изменений и в жизни отдельного человека, и в бизнесе, и в обществе в чем-то похожа на цунами или тектонический сдвиг — настолько радикальны и не сопоставимы ни с чем прежде новые явления. «Сердцем новой экономики, — подчеркивается в статье, — является крошечный микропроцессор, собранный из транзисторов кремниевый чип, который включает программу и лазерную оптику, чтобы сделать возможным то, что мы многозначительно называем информационной эпохой»¹.

За годы, прошедшие после выхода статьи, и в США, и во всем мире совершен громадный скачок в развитии информационной сети, которая превратилась в ведущий фактор экономического и социального развития. Интернет и персональные компьютеры фактически разрушили устоявшиеся представления о бизнесе, об образе и качестве жизни человека.

В деловых и научных журналах США и других стран одна за другой стали открываться рубрики «*E-economy*» — электронная экономика, «*e-commerce*» — электронная торговля, «*E-company*» — электронная компания и другие. А в самой системе Интернет все больше появляется компаний, обеспечивающих деловые связи по типу «*B2B*» — *Business-to-Business*, «*B2C*» — *Business-to-Customer*, «*P2P*» — «*Profit-to-Profit*»². Прежде чем стать всемирной информационной сетью, Интернет образовал новую отрасль бизнеса, которую условно можно разделить по меньшей мере на две подотрасли — техническое, технологическое и программное обеспечение Интернета, а также предпринимательство непосредственно в системе Интернет, иначе говоря, Интернет-бизнес. Очевидно, что во всех случаях именно *электроника* в своих современных проявлениях обеспечила подобные изменения в жизни и экономике. Поскольку открытие микрочипов и лазерной оптики произошло в рамках квантовой, а не классической физики, постольку *новую*

¹ Fortune. 1994. June 27. P. 36.

² Fortune. 2000. June 26. P. 74.

экономику, как экономику прежде всего телекоммуникационную, принято связывать с открытиями квантовой физики. Вот почему, когда говорится об *электронной основе новой экономики*, то при этом имеется в виду не электроника и электричество периода индустриального развития, связанного с различными двигателями, сборочными линиями и проводной связью, а электронные технологии эпохи квантовой физики, создавшие предпосылки для технологической революции, на волне которой мир вступил в XXI в. Получается, что в начале XX в. на базе стандартной электроники произошла перестройка технической базы промышленности и совершенствовались технологии в течение всего прошедшего столетия. Затем физическая квантовая теория не только изменила представление об электронике, но и революционным образом повлияла на содержание, формы и скорость развития экономических и социальных процессов в конце XX в. и, возможно, предопределила дальнейший бурный рост нововведений во всех сферах жизни в наступившем столетии.

Доминирование США в становлении и развитии новой экономики через электронно-технологическую составляющую со всей очевидностью обнаруживается и при анализе состава крупнейших корпораций мира. Так, в 1999 г. среди 500 корпораций, список которых ежегодно составляет всемирно известный американский журнал деловых кругов «Форчун», оказалось всего две, которые производят программное обеспечение, и обе американские — «Майкрософт» и «Электроник Дэйта Систем», объем продаж которых превысил 39 млрд. долл., а прибыль достигла 8,2 млрд. долл. Для сравнения можно обратить внимание на тот факт, что в этом же глобальном списке 500 корпораций находятся представляющие шесть стран 10 металлургических компаний, оборот которых превысил 139 млрд. долл., но убытки равнялись 245 млн. долл., что оказалось наихудшим показателем среди всех отраслей, оказавшихся в списке¹. Налицо «пробуксовывание» индустриальной основы экономики и ускорение «интеллектуальной» составляющей информационного прогресса.

Очевидное преимущество имеют американские производители компьютеров и офисного оборудования. Из 9 корпораций этой отрасли, вошедших в состав 500 фирм, 6 имеют «прописку» в США, а 3 — из Японии. А в отрасли электронного и электрического оборудования, которая насчитывает 22 корпорации, амери-

¹ Fortune. 2000. July 24. P. 123. F-22.

канцам принадлежит всего 5 мест, а японцам — 8. Остальные места заняты корпорациями из ФРГ, Голландии, Южной Кореи, Швеции, Швейцарии, Финляндии и Канады¹. Такая картина распределения ведущих фирм в области электроники свидетельствует о том, что производство коммуникационной и компьютерной техники стало повсеместным явлением в развитых странах, где ни Япония, ни США уже не могут диктовать только свои приоритеты, а потому этот отраслевой рынок — арена жесткой конкурентной борьбы. Как метафорически заметил Д.Кейз, руководитель инвестиционного банка, входящего в холдинг «Чейз»: «Дарвин здесь за работой»². Вместе с тем, как видно, развивающаяся электронная база *новой экономики* уже воспроизводится по всему развитому миру и недолго ожидать того, что и сама *новая экономика* достигнет таких же масштабов. Однако американский бизнес пока сохраняет возможность держать под своим контролем как программное обеспечение, так и телекоммуникационные сети.

Всего три компании из отрасли сетевых коммуникаций — две американские и одна канадская — попали в состав 500 мировых крупнейших корпораций. Зато телекоммуникационную отрасль в этом списке представляет 21 фирма, среди которых 8 американских, а остальные расположены на всех континентах, кроме Африки³. Известно, что многие страны предпочитают полагаться на свои национальные компании в сфере коммуникаций. Поэтому не случайно телекоммуникационный мир состоит из великого многообразия «национальных мундиров», в которые облачены множество фирм самых разных размеров. Но, в конечном счете, мировая сеть выходит как раз на ту 21 корпорацию, которые по размерам своих оборотов и вошли в состав крупнейших на планете.

Единство современного мирового хозяйства основывается, прежде всего, на рыночных принципах его развития. Важнейшей составляющей национальной и мировой рыночной инфраструктуры всегда являлась информация, в зависимости от полноты и скорости получения которой находятся судьбы и людей, и бизнеса, и государства, и даже всего мирового сообщества. Совершившаяся в конце прошлого века революция в сфере информационных и коммуникационных технологий фактически способствовала формированию специфической информационной инфраструкту-

ры, которая стала играть самостоятельную роль в мировом развитии. Новая информационная инфраструктура напрямую не ускоряет полет самолетов или движение поездов, выплавку стали или выращивание зерновых, созревание человеческого плода или смену времен года, но она переводит в режим *реального* времени все экономические и социальные процессы, где бы они ни происходили на земном шаре. Исчезает временной лаг, ранее обусловленный медленной скоростью передачи информации. Как уже бывало в человеческой истории, научное открытие — на этот раз микрочипов и лазерной оптики — стало основой грандиозных изменений в обществе и экономике.

Хотя в развитых странах сейчас трудно представить любую фирму или даже образованного человека, не являющихся пользователями Интернета, непосредственно программным и техническим обеспечением всемирной сети занято относительно немного компаний. Так, в список 500 крупнейших корпораций мира попали компании 46 отраслей, но только 5 отраслей напрямую работают на Интернет. Эти отрасли представлены 57 корпорациями, доля которых в обороте всех 500 фирм равняется почти 14%¹. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что американских корпораций по всем отраслям в этом списке избранных набралось 179 и их доля в общем обороте составила 37%². Если учесть, что в целом в общемировом ВВП американская доля не превышает 22%, то легко заключить, насколько весомо и влиятельно представлены США среди 500 крупнейших корпораций мира. С определенной долей условности можно сказать, что степень *реального* влияния США на мировой бизнес как раз и выражается «американским весом» в глобальном списке 500. Но в современных условиях существенным рычагом влияния, безусловно, стала всемирная информационная инфраструктура, где до сих пор ведущая роль США вряд ли оспорима.

Американские компании пристально следят за тем, чтобы гигантские темпы роста электронных возможностей *новой экономики* не подорвали их влияние и не уменьшили их конкурентные преимущества. Напомним, что в 1946 г. был создан первый компьютер с памятью в 20 слов. В 1971 г. изобретен микропроцессор, а Гордон Мур, один из основателей корпорации «Интел», предсказывал, что мощность силиконовых чипов будет удваиваться каж-

¹ Fortune. 2000. July 24. P. F-16—F-17.

² Fortune. June 26. 2000. P. 68.

³ Fortune. July 24. 2000. P. F-19—F-21.

¹ Подсчитано по: Fortune. 2000. July 24. P. F-22.

² Подсчитано по: Ibid. P. F-22; F-42.

дые 18 месяцев. Однако уже к 2010 г. вполне можно рассчитывать на то, что типичный компьютер будет иметь процессор, мощность которого в 10 млн. раз больше, чем в компьютере 1975 г., при относительно низких ценах. Совершенствование компьютеров удешевляет, а не удорожает их. Об этом красноречиво свидетельствуют данные табл. 28.

Таблица 28

Динамика цен на компьютерные технологии, долл.

Цены	1970 г.	1999 г.
Цена 1 МГц мощности процессора	7601	0,17
Цена 1 мегабит памяти	5257	0,17
Цена пересылки 1 триллиона бит	150000	0,12

Источник: A Survey of the New Economy // The Economist. 2000. September 23. P. 6

По всему видно, что электронная основа *новой экономики* неуклонно развивается. И это имеет свои последствия не только непосредственно в электронном и информационном бизнесе, но и во всех сферах экономики и общества. Существенным образом меняются условия жизни людей и условия бизнеса.

Новые горизонты предпринимательства

Наиболее полное статистическое представление об экономике в целом и отдельных ее отраслях дают периодически проводимые переписи. Последняя промышленная перепись в США была в 1997 г. По ее данным, в стране, к примеру, в компьютерном бизнесе было занято 172 компании, из которых 44 выпускали персональные компьютеры. Всего в стране в этом году было произведено свыше 20 млн. компьютеров и других сопутствующих изделий, из которых 13,5 млн. персональных компьютеров, на общую сумму 50 млрд. долл. Если к этому добавить, что страна получила также в 1997 г. периферийного компьютерного оборудования на 28 млрд. долл., бытовой электроники — на 72 млрд. долл. и коммуникационного оборудования — на 74,5 млрд. долл.¹, то даже без учета внешней торговли нетрудно заключить, какая материальная база для широкого использования информационных и коммуникационных технологий развивается в США.

Важно обратить внимание на динамику данной сферы. Рыночная капитализация активов компаний, выпускающих оборудо-

вание для сектора информационных технологий, с 1989 по 1999 гг. росла довольно быстро, равняясь соответственно 6% и 14% от объема фондового рынка страны. За этот же период доля компаний, производящих программное обеспечение, подскочила с 2 до 9%, а непосредственно Интернет-компании имеют на фондовом рынке долю в 4%. К этим финансовым показателям следует добавить также то, что повсеместным явлением в США стало открытие и использование вторых телефонных линий, задействованных только для подключения к Интернету. С 1993 по 1997 гг. число таких линий увеличилось с 8,8 до 17,9 млн. абонентов. В 2000 г. более 120 млн. американцев имели доступ в Интернет. Этот процесс в последнее время постоянно подпитывался адекватной величиной инвестиций. Так, ежегодный темп прироста инвестиций в телекоммуникационное оборудование с 1993 по 1998 г. составил 13% и объем инвестиций достиг 86 млрд. долл. К этому же 1998 г. компании, обеспечивающие беспроводную связь, вложили в капитальное оборудование более чем 50 млрд. долл. Свыше 69 млн. американцев стали пользоваться мобильными телефонами¹.

Центр по исследованию электронной торговли университета штата Техас указывает в своем докладе, что в 2000 г. Интернет-экономика напрямую обеспечивала работой 2,5 млн. чел. Если исключить работников почтовой службы, то получается, что в органах федерального правительства сейчас занято меньше людей, чем в Интернет-экономике. Правда, в соответствии с методикой подсчета в докладе, к Интернет-экономике отнесены как компании, целиком занятые Интернет-бизнесом, так и компании, использующие Интернет в своей деятельности, что и позволяет им наращивать свои обороты. В докладе отмечается, что оборот Интернет-экономики в 1999 г. вырос на 62% (это в 15 раз больше темпа роста ВВП США) и достиг 524 млрд. долларов. Именно эти данные позволили Э.Ярдени, специалисту по стратегии глобальных инвестиций «Дойче Банка», заключить: «Это и есть новая экономика и она развивается очень быстро»². Правда, директор федерального бюро экономического анализа С.Ландефельд предостерег, что нечеткость методики может привести к двойному или даже многократному счету, ибо не всегда просто выделить роль фактора Интернет в деловой активности фирм. Практически

¹ Statistical Abstract of the United States 1999. P. 763, 764.

¹ Economic Report of the President. Washington, 2000. P. 104, 108, 110.

² Fortune. 2000. July 24. P. 203—204.

сейчас все компании в той или иной мере используют Интернет. Не случайно поэтому профессора школы бизнеса университета штата Техас А.Уинстон и А.Баруа предложили разделить Интернет-экономику на четыре слоя — инфраструктурный, программно-прикладной, промежуточно-связной и торговый. По их подсчетам, годовой темп роста оборота на одного занятого оказался в компаниях торгового слоя — 37%, а промежуточно-связного слоя — 30%. В 1999 г. Интернет-торговые компании продемонстрировали невероятный прирост оборота — 72%, который составил 171,5 млрд. долл. Однако компании инфраструктурного слоя показали все же большой результат — 198 млрд. долл. Профессор А.Уинстон образно заметил, что «1999 г. стал годом, когда сомнения развеялись и люди перестали спрашивать, почему построена автострада»¹. Чтобы снять проблему подсчета роли и значения Интернета в экономике, главный экономист Федерального Резервного банка (г. Даллас) М.Кокс предложил считать, что «Интернет — это не просто сектор. Это способ ведения бизнеса»². К этому заключению американского специалиста, возможно, следует добавить, что реализация этого «способа ведения бизнеса» довольно многообразна и зависит от множества факторов. Однако с полной уверенностью можно сказать, что Интернет раздвигает горизонты для любых форм и видов предпринимательства.

Известно, что воспроизводство любого бизнеса состоит из четырех фаз — производства, распределения, обмена и потребления. В зависимости от отрасли экономики значение той или иной фазы может быть больше или меньше или вообще элиминироваться. Но во всех случаях в воспроизводственном цикле можно выделить две составляющие — производство и обращение. Даже в сфере услуг, которая сейчас играет ключевую роль во всех развитых странах, фаза обращения нередко оказывает решающее влияние на рыночную цену услуги из-за множества факторов, влияющих на транзакционные издержки. Вместе с тем именно на обращение оказывает воздействие немало переменных обстоятельств, часто обусловленных полной и квалифицированной информированностью потребителей или случайным поиском нужного товара или услуги. Постепенно информация друг о друге для потребителя и производителя приобрела судьбоносное значение в современной рыночной экономике. Поэтому появление

Интернета прежде всего отразилось на сфере обращения, на сокращении как издержек, так и времени, падающих на их долю. Понятно, что в рыночном хозяйстве один и тот же человек, одна и та же фирма могут одновременно выступать и производителями, и потребителями, но в разных воспроизводственных процессах.

Возьмем, к примеру, услуги авиационного транспорта. Еще в 1994 г. в США насчитывалось 33 тыс. агентов путешествий, но уже к 1999 г. их число сократилось на 6 тыс. Вмешался Интернет. В ноябре 1999 г. пять ведущих авиакомпаний США создали объединенный сайт — Orbitz.com, — который с июня 2000 г. обеспечивает запросы любых клиентов на перелеты, бронирование гостиниц и другие сопутствующие услуги, связанные с путешествиями авиапассажиров. К этой системе присоединилось еще 30 аффилированных авиакомпаний. В результате пользователи этого сайта могут приобретать билеты 450 авиакомпаний мира. Только в США участники сайта контролируют 90% мест на внутренних авиалиниях. Благодаря Orbitz затраты компаний значительно упали, а эффективность рейсов возросла. Услуги сайта обходятся авиакомпаниям в 10 долларов за билет¹.

Широкое распространение получили электронные аукционы, организуемые различными Интернет-компаниями. В результате на одном и том же сайте появляются предложения однотипных товаров, которые прежде приобретались на разных рынках и по разным ценам. Теперь и продавцы, и покупатели независимо от места своего нахождения получили единый рынок с открытой конкуренцией цен. Особенно выиграли от подобных аукционов крупные компании, которые обычно имеют много поставщиков комплектующих изделий, частей, компонентов. Это на завершающей стадии приводит к снижению цен готовых товаров — автомобилей, самолетов, компьютеров и других изделий. Концерны «Дженерал моторс», «Форд», «Даймлер-Крайслер» и «Рено-Ниссан» намерены довести электронный оборот комплектующих товаров до 250 млрд. долл. от 60 тыс. поставщиков². Экономия затрат при торговле через Интернет по принципу «B2B» проанализирована специалистами инвестиционного банка «Голдман Сакс» и представлена в табл. 29.

Как видно из табл. 29, экономия затрат на транзакционные издержки во многом зависит не только от степени вовлеченности

¹ Fortune. 2000. July 24. P. 204.

² Ibid.

¹ Fortune. June. 2000. P. 115—116.

² A Survey of the New Economy // The Economist. 2000. September 23. P. 13.

компаний в Интернет-отношения «бизнес-бизнес», но и от особенностей применяемой в отрасли технологии и сложившейся ранее структуры отраслевого рынка. Там, где сфера обращения играет минимальную роль, такую же роль играет и Интернет.

Вообще же характер ведения бизнеса не может оставаться прежним в условиях Интернета, когда события не только в национальной, но и мировой экономике происходят в режиме реального времени и известны всем участникам соответствующего рынка независимо от часовых поясов. Причем новая тактика и стратегия требуется не только тем фирмам, которые заняты абсолютно новым Интернет-бизнесом, но и всем остальным компаниям, поскольку изменилась сама информационная атмосфера для всего предпринимательства. Происходит коррекция как целей бизнеса, так и методов их достижения¹.

Таблица 29

Экономия затрат при электронной торговле «бизнес-бизнес», %

Отрасль	Экономия затрат
Аэрокосмическая	11
Химическая	10
Угольная	2
Коммуникации и связь	5—15
Компьютерная	11—20
Электронных компонентов	29—39
Пищевая	3—5
Деревообрабатывающая	15—25
Грузовой транспорт	15—20
Здравоохранение	5
Металлообработка	22
Пресса и реклама	10—15
Нефтегазовая	5—15
Бумажная	10
Сталелитейная	11

Источник: Mann C., Eckert S., Knight S.. Global Electronic Commerce. A Policy Primer. Washington, 2000. P. 24.

Как известно, в американском обществе особенно ценятся такие черты характера человека как предприимчивость и целеустремленность. В условиях новой экономики границы проявления этих человеческих качеств значительно расширились. Более того,

¹ Об этом см., например: Kelly K. New Rules for the New Economy. Ten Radical Strategies for a Connected World. N.-Y., 1998.

наряду с новыми отраслями и рынками информационные и коммуникационные технологии в традиционных отраслях и на «старых» рынках позволяют изменить модель бизнеса, перестроить структуру компании, дать простор рисковому капиталу¹. Во всех случаях резко повышается роль человека, его знаний и навыков, его способности к нестандартным решениям. Доступность и прозрачность информации «очищает» конкурентный механизм, сокращает барьеры для нововведений, ограничивает консерватизм и в конечном счете способствует росту общей производительности в экономике. Как показывают расчеты специалистов Совета директоров Федеральной Резервной Системы США, представленные в табл. 30, тенденция роста влияния новой информационной системы на производительность труда явно прослеживается.

Таблица 30

Роль факторов роста производительности труда в неаграрном секторе экономики США, %

	1974—1990 гг.	1991—1995 гг.	1996—1999 гг.
Прирост производительности труда	1,43	1,61	2,66
<i>Роль факторов:</i>			
Обновление капитала	0,81	0,60	1,09
Инвестиции в информационные технологии, в том числе:	0,45	0,48	0,94
Оборудование	0,26	0,22	0,58
Программное обеспечение	0,10	0,21	0,26
Коммуникационное оборудование	0,09	0,05	0,10
Иной капитал	0,36	0,12	0,16
Качество труда	0,22	0,44	0,31
Результирующая производительность других факторов	0,40	0,57	1,25

Источник: Mann C., Eckert S., Knight S. Op. cit. P. 22.

Подробный разбор каждого фактора не является нашей задачей, однако нельзя не заметить, что влияние новых факторов имеет значение как само по себе, так и оказывает воздействие на рост веса других, традиционных факторов. Правда, следует сказать, что среди американских специалистов есть также немало

¹ Об этом см., например: Sahlman W. The New Economy is Stronger than you think // Harvard Business Review. 1999. November—December. P. 99—106.

скептиков, которые полагают, что информационные технологии способствуют росту производительности прежде всего в «своих» отраслях, т.е. там, где они создаются, — производстве компьютеров, программного обеспечения и т.п.¹

Надежды оптимистов и разочарования пессимистов

Бурный рост повсеместного применения информационных и коммуникационных технологий, а еще раньше — повышение значения профессионализма и специальных знаний во всех сферах экономики и общества дал основание для значительного числа исследователей сделать вывод о вступлении человечества в постиндустриальную эру. Не включаясь в дискуссию по этой проблеме, все же нетрудно заметить, что все процессы, так или иначе связанные с *новой экономикой*, вполне вписываются в характеристику постиндустриального развития². Даже не заглядывая в далекое будущее, а опираясь лишь на текущие тенденции растущих расходов развитых государств на образование, развитие науки, повышение квалификации и переподготовку трудоспособного населения и широкое внедрение в разные отрасли хозяйства наукоемких технологий, нельзя не видеть, что современники фактически имеют дело с экономикой, основанной на знаниях, движущим ресурсом которой является интеллектуальный капитал и основанные на знаниях фирмы. В такой экономике все более укрепляется прямая связь между уровнем и качеством образования, объемом познания и эффективностью работы. Получается, что сегодня развитая экономика — это экономика, ведомая знаниями, и ее главный потенциал — интеллектуальный³.

Само экономическое и социальное развитие требует повышенного внимания со стороны общества и государства к человеку, без которого самые высокие современные технологии оста-

нутся без движения и без которого не может быть ни созидания, ни потребления созданного¹. Какие бы теоретические или практические позиции ни занимал исследователь, будь-то представитель теории предельной полезности или теории трудовой стоимости, пропагандист неоклассического синтеза или вдохновитель институционального анализа, крупный финансист или профсоюзный активист, — никто в наступившем XXI в. не в состоянии отрицать, что не только в гражданском обществе права и свободы человека превыше всего, но и в современном бизнесе, насыщенном высокотехнологической техникой и обеспеченном всей необходимой информацией, дело будет буксовать, если свое слово не скажет человек, если человек своей энергией и знаниями не приведет в движение все факторы бизнеса — где бы он ни имел место — и в отраслях производства, и в отраслях услуг. Объективно, в развитых странах на одного занятого приходится все больше произведенного национального дохода и валового внутреннего продукта. Конечно, при этом цена одного рабочего места также неуклонно растет.

Растущая роль человека в сфере занятости находит свое отражение и в сфере потребления. С одной стороны, электронная торговля и Интернет в целом расширяют возможности для выбора со стороны потребителя, особенно индивидуального. Но, с другой стороны, высокая степень «прозрачности» электронной торговли сковывает человека, который традиционно заботится о приватности своей жизни, намерений и возможностей. По мнению специалистов Вандербильдского университета, одним из барьеров дальнейшего успешного коммерческого развития информационной паутины вообще остается озабоченность о неприкосновенности своей индивидуальности в электронном сетевом окружении². В то же время степень недоверия к информационной электронной системе и ее роли в обществе не одинаково распределяется среди населения, о чем свидетельствуют данные табл. 31. Проведенное по заказу концерна ИБМ обследование показало, что уже с младенческого возраста американцы привыкают к Интернету и не мыслят своей будущей жизни без этого электронного спутника. В 1998 г. 5,5 млн. детей (7% были в возрасте от 2 до 4 лет) уже знали не только персональный компьютер, но и с его помощью всю эксплуатацию преимуществ Интернета. Понятно, заклю-

¹ Подробный анализ данной проблемы см., например, в: Антипина О.Н. Загадка «новой экономики знаний» («парадокс Солоу») // Вестник Московского университета. 2000. Сер. 6. Экономика. №6. С. 3—17.

² Одним из крупнейших отечественных специалистов по данной теме является В.Л. Иноземцев. Им подготовлено не одно монографическое исследование в этой области. Значительная часть его выводов обобщена в авторском учебном пособии для студентов вузов: В.Л. Иноземцев. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. Об этом см. также: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

³ Компактный и глубокий анализ роли знаний в экономике представлен, например, в: The Knowledge — based Economy — «The OECD Observer». 1996. № 200. June—July. P. 4—19.

¹ О роли человека и других составляющих информационной эпохи см., например: М. Кастельс. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2000.

² The Information Society. 1999. April—June. P. 129.

чает Д.Свини, специалист ИБМ, что молодежь потенциально лучше будет подготовлена к будущей работе в эру цифровых технологий, чем родители¹. Вот почему будущее поколение — это уже Интернет-поколение. Так считают не только в США.

Таблица 31

Оптимистическое отношение к перспективам информационных технологий

Возрастные группы населения США, годы	Доля оптимистов, %
2—18	75
18—44	52,5
45—64	28
65 и старше	12

Источник: Long Range Planning. 1998. October. P. 677.

Однако дело здесь не только в возрасте. Известно, что исторически в индустриальную эпоху использование электрических и паровых машин нередко приводило к применению неквалифицированного труда. Но современные технологии требуют хорошо подготовленных работников и по мере расширения применения таких технологий спрос на высококвалифицированный труд неизбежно будет расти. Такой труд и оплачивается лучше. Так с 1979 г. средняя недельная зарплата выпускников колледжей выросла на 30% больше, чем их ровесников, оставшихся лишь со школьным образованием². Вместе с тем активное внедрение Интернета не проходит равномерно среди всех групп населения, имеющих различный уровень дохода. Другими словами, механизм распределения доходов сохраняет свою консервативную автономию и пока не подвержен цифровым технологиям. Получается даже наоборот — чем выше доходы, тем больше возможностей для использования Интернета. Проведенное в 1998 г. обследование Интернет-пользователей показало, что с годовым доходом в 75 и более тыс. долларов применяют Интернет 60% американцев, а с доходом от 5 до 10 тыс. долл. — всего 11%. Отсюда аналитики делают логичный вывод: «богатые и лучше образованные люди более предпочитают иметь компьютер и доступ в Интернет»³.

¹ Long Range Planning. 1998. October. P. 676.

² A Survey of the New Economy. P. 23.

³ Ibid. P. 26. Пессимистический настрой по поводу перспектив электронной торговли представлен в E.Comor Household Consumption on the Internet: Income, Time, and Institutional Contradictions // Journal of Economic Issues. 2000. March. P. 105—115.

Канадские ученые Д.Тапскот и Д.Агню считают, что информационные и коммуникационные технологии вынуждают правительства стран пересматривать свою роль в изменившемся обществе, поскольку формируется «цифровая атмосфера» для правительственной деятельности как внутри страны, так и в международном масштабе. Новая модель правительства должна быть гибкой, обеспечивающей изменение структуры самого правительства в соответствии с изменениями в экономике и обществе, а граждане в этих условиях получают возможность участвовать в выработке правительственных решений напрямую, а не по прежнему принципу «сверху вниз»¹. Вообще новые технологии дают правительствам возможность пополнять казну не с помощью повышения налогов, не путем приватизации госсобственности, а методом активного воздействия на новую экономику. Ч.Лидблестер, советник правительства Великобритании по инновациям и новой экономике, считает, что «всякое государство обладает огромными виртуальными богатствами, которые способны принести в бюджет вполне реальные средства, причем больше, чем заводы и шахты. Речь идет о лицензиях, электронных базах данных, библиотеках, торговых марках и т.п.». И далее он предлагает целую серию мер, с помощью которых государство оптимально вписывается в новую систему, защищая интересы как всего общества, так и частную жизнь каждого гражданина².

Во всяком экономическом и социальном процессе имеются как позитивные, так и негативные для людей стороны. Электронная паутина не является здесь исключением. Причем на «темные стороны» Интернета обращают внимание не только пессимисты и приверженцы традиционных классических рыночных отношений, но и обожатели «виртуального мира». С одной стороны, информационные технологии расширили возможности для нарушения традиционных правовых норм рыночного хозяйства и демократического общества³. С другой — появились обусловленные именно информационными технологиями и научными открытиями коллизии. Одна из подобных проблем — это реализация интеллекту-

¹ Finance & Development. 1999. December. P. 37.

² Ведомости. 2000. 13 апр. Взаимосвязанные проблемы рассматриваются также в: Regulation and Markets Beyond 2000. Ed. By L.Macgregor, T.Prosser, Ch.Villiers. Aldershot, 2000.

³ Об этом см.: The Web's Dark Side // U.S. News & World Report. 2000. August 28. P. 36—45.

альной собственности¹. Поскольку в рыночной экономике вопросы собственности определяют всю систему отношений и ее эффективность, постольку «самоопределение» интеллектуальной собственности имеет прямое воздействие на все дальнейшее развитие. Конечно, сама по себе интеллектуальная собственность — это не продукт *новой экономики*, она уже имеет долгую историю. Но подобно тому, как частная собственность XV в. экономически не похожа на частную собственность XX в., интеллектуальная собственность в разных своих формах — в том числе и в частной — не стоит на месте, находится в движении. И, образно говоря, в этом движении на базе цифровых технологий до сих пор работает в разноречивой системе «светофоров». Такое положение может сохраняться до тех пор, пока не удастся согласовать интересы всех участников движения — реальных и потенциальных владельцев интеллектуальной собственности: персон, компаний, организаций, государств. Опыт США в этом деле, безусловно, пригодится и всему миру.

Уже много лет как Интернет стал всемирной паутиной. Поэтому не случайно и явления *новой экономики* перешагнули границы государств, хотя США и исторически, и экономически, и технологически сохраняют здесь свое главенство. Эксперты ООН определили *новую экономику* как сочетание трех феноменов — «быстрый технологический прогресс в отраслях компьютеров и коммуникаций, интернационализация экономики США и изменения в финансовой сфере»². Даже в этом определении отчетливо видно, что, во-первых, *новая экономика* не замыкается в отраслях цифровых технологий, а пронизывает все хозяйство, во-вторых, в значительной мере становится *виртуальной* финансовой сферой, в-третьих, масштабы *новой экономики* в мире определяются не только и не столько степенью влияния США на мирохозяйственные процессы.

Однако в других развитых странах такие элементы *новой экономики*, как рост производительности труда, неощущаемая инфляция при низкой безработице и зависимость уровня инвестиций в экономику от инвестиций в отрасли информационных технологий, которые получили прописку в США, не обнаружили

себя столь очевидно. Экономисты МВФ провели сравнительное исследование экспансии *новой экономики*. И в Канаде, и в странах Европейского союза отрасли цифровых технологий, электронная торговля и прирост инвестиций в них не оказали заметного влияния на динамику основных экономических индикаторов. Более того, нередко эти отрасли работают сами на себя, т.е. производительность труда растет, прежде всего, в данных отраслях и мало сказывается на приросте общенациональной производительности. Поэтому авторы исследования высказывают осторожный оптимизм о том, что лишь в ближайшие 5 лет Европа почувствует значительное воздействие информационных технологий и производительность труда начнет расти¹.

Да и в самих США все чаще раздаются разочарованные оценки степени влияния *новой экономики* на весь механизм рыночного развития. Европейцы не упустили случая позлорадствовать по этому весьма болевому поводу. Лондонские специалисты пришли к выводу, что «злая ирония судьбы заключается в том, что тот самый 2001 г., который многие писатели и режиссеры связывали с приходом новой эры, начинается со старого, но отнюдь не доброго, циклического спада деловой активности. Это прискорбное событие приравнивает к ненаучной фантастике прежние прогнозы пророков *новой экономики*, говоривших о том, что эффект от введения свободной торговли и появления новых информационных технологий приведет к «исчезновению влияния этого цикла, по крайней мере на экономику США. Сегодня... американский фондовый рынок вновь почувствовал, что цена акций может двигаться не только вверх, но и вниз, о чем практически все успели позабыть в течение последних пяти лет»².

Получается, что и в эру *новой экономики* следует опираться на испытанную рыночную теорию, чтобы вырабатывать антициклическую политику. Но «верность» *новой экономики* экономическому циклу воспроизводства вовсе не означает, что все современные явления вписываются в рыночные рамки. В частности, известный американский финансист Дж. Сорос не удержал свой полемический настрой и написал специальное письмо редактору крупнейшей газеты деловых кругов США по поводу невозможности опираться на прежние теоретические постулаты при оценке динамики цен на фондовом рынке. «Эффективная рыночная теория, —

¹ K. Maskus. Intellectual Property Rights in the Global Economy. Washington, 2000.

² World Economic and Social Survey 2000. Trends and Policies in the World Economy. N.-Y.: United Nations, 2000. P. 22—23. Об этом см. также: Н.П. Недзвецкая. «Новая экономика» и проблемы глобализации финансовых рынков // Философия хозяйства. 2000. № 5. С. 215—224.

¹ IMF Survey. 2001. January 8. P. 17—20.

² Financial Times. 2001. 10 January. .

заклучает Дж. Сорос, — представляет абсолютно искаженную картину финансовых рынков»¹. Это связано не только с существенными изменениями механизма финансовых рынков, ставших интернациональными, но и с появлением новой мотивации участников этих рынков.

Как видно, диалектический процесс вписывания *новой экономики* и в американскую модель развития, и в рыночную систему координат вообще требует всесторонней комплексной оценки не только экономистов, но и специалистов разных областей. Одно ясно — Америка бросила вызов и сама намерена подчинить феномен *новой экономики* своим национальным интересам.

10. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАКТОР «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

Прошло всего несколько лет с тех пор, как в словаре политиков и в обыденных разговорах простых людей, в теоретических трактатах и научных дискуссиях стал использоваться термин «новая экономика». Как грибы после дождя начали появляться статьи и даже монографии, раскрывающие суть феномена «новой экономики». Однако по-прежнему еще не сложилось толкование этого явления. Наиболее распространенный подход — это рассмотрение «новой экономики» как непосредственной основы информационной эпохи. Другими словами, по этой версии «новая экономика» — это отрасли народного хозяйства, где производятся компьютерное и коммуникационное оборудование и их программное обеспечение, а также вся система формирования, хранения, распространения и получения информации, в значительной мере построенная на сети Интернет. При таком подходе к «новой экономике» отнесена также вся предпринимательская деятельность, в той или иной степени использующая современные электронные информационные и коммуникационные технологии.

Существует и другая концепция «новой экономики», представленная, в частности, советом экономических консультантов при президенте США. Согласно этой концепции, американская экономика последнего десятилетия XX в. целиком характеризуется как «новая экономика» из-за экстраординарного прироста ее показателей, «включая быстрый экономический рост, увеличение доходов, низкую безработицу и умеренную инфляцию, что стало результатом комбинированного эффекта от взаимодействия дос-

тижений в технологии, деловой практике и экономической политике»¹. Смена администрации в Белом доме в январе 2001 г. совпала с потерей экстраординарности в экономическом развитии США и вхождением страны в полосу спада темпов роста, повышения уровня безработицы, снижения потребительского спроса, что вполне вписывается в характеристику рутинного депрессионного состояния. Может показаться, что такой поворот событий ставит крест на «новой экономике» в США как общенациональном феномене. На самом деле не происходит снижения роли ни новых технологий, ни деловой предприимчивости, ни государственной экономической политики, а сохраняется циклический характер экономического развития, который не отменяется и «новой экономикой». При любом толковании «новой экономики» — секториальном (отраслевом) или интегральном (общенациональном) — все изменения происходят на рыночной основе и в рамках системы рыночных координат, что может воздействовать на характер и длительность экономического цикла, но не отменяет его периодичности. Поэтому формирование государственной политики по отношению к «новой экономике» так или иначе, в конечном счете, затрагивает все социально-экономические процессы в стране. Разумеется, отдельные элементы такой политики носят узконаправленный характер и касаются прежде всего высокотехнологичных и информационно-коммуникационных отраслей.

Стартовая роль государства

Прогресс американской экономики и формирование адекватных ей демократических институтов общества на всех исторических этапах проходил не без целенаправленного участия государства. *Во-первых*, именно государственные институты в правовой и других сферах создали и поддерживают атмосферу для свободы выбора и проявления предпринимательской инициативы любым гражданином страны. *Во-вторых*, государство готово взять на себя бремя стартового инвестирования новых отраслей и технологий, особенно если они повышают конкурентоспособность страны в мировом хозяйстве. Здесь уместно напомнить о поддержке железнодорожного строительства в XIX в. и автодорожного и аэродромного строительства в XX в., благодаря чему не только укрепилась единая рыночная инфраструктура страны, но и появились благоприятные возможности для развития ведущих отраслей ин-

¹ The Wall Street Journal. 2001. January 8. P. A33.

¹ Economic Report of the President. Washington, 2001. P. 23.

ляется одним из наиболее активных его пользователей. С одной стороны, Интернет из чисто американского феномена превратился во всемирную информационную и коммуникационную паутину, относительно легко доступную в любой точке земного шара как бизнесу, так и простым гражданам. С другой стороны, глобальность Интернета и его открытость предоставили широкую возможность для разного рода злоупотреблений — от элементарного взлома баз данных до промышленного, делового и иного шпионажа. В этих условиях для обеспечения бесперебойной и защищенной работы правительственных органов возникла необходимость создания автономной сети, не доступной для внешнего воздействия. Правительство США объявило 10 октября 2001 г. о своем решении построить такую сеть, которая получила название «Правительственная сеть» (Govnet). Одним из непосредственных толчков, ускоривших принятие решения о сети, стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г., которые сопровождались взломом ряда локальных сетей, связанных с обеспечением национальной безопасности. В связи с этим у президента США Дж. Буша появился еще один советник, отвечающий за координацию государственной политики по безопасности киберпространства.

Открытость Интернета и прозрачность деятельности федерального правительства и его институтов оказались несовместимыми, ибо подконтрольность государственных органов американскому обществу и американскому избирателю не означает и не предполагает любого вмешательства в реализацию функций государства, тем более что через Интернет такое вмешательство приобрело глобальный характер. В результате американское государство оказалось вынужденным искать защиту от всемирной паутины для реализации своей роли в обществе и экономике, хотя у истоков Интернета оно само находилось. Не прошло и десяти лет с тех пор, как Интернет приобрел глобальное значение, но он уже бросил вызов самому американскому государству. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, насколько сложным стал механизм общественного развития в XXI в., когда традиционные рыночные принципы и демократические свободы сами по себе не являются безусловной гарантией прогресса и благополучия, а нуждаются в поддержке сильных государственных институтов, постоянно настраивающих свою деятельность с учетом новых вызовов в самых разных сферах человеческой деятельности, в том числе в области информационно-коммуникационных технологий.

Эксперты МВФ пришли к выводу, что сейчас мир переживает информационно-технологическую революцию (ИТ-революцию),

которая во многом отличается от прошедшей технологической революции по масштабам распространения в странах мира и глубине воздействия на все сферы жизни, а не только на экономику. Правда, специалисты МВФ непосредственно к ИТ-революции относят лишь компьютеры, их программное обеспечение и телекоммуникационное оборудование¹. По подсчетам авторов очередного обзора состояния и перспектив мировой экономики, подготовленного исследовательским отделом МВФ, фактически во всех обследованных странах, включая США, доля расходов в ВВП на ИТ-революцию с 1992 по 1999 г. существенно выросла и в среднем составляет от 3 до 5%. А некоторые страны, можно сказать, фактически переориентировали свою экономику на производство компонентов ИТ-революции. Так, в ВВП Сингапура их доля превысила 30%, Малайзии — чуть менее 30%, а в Ирландии, Республике Корея, Филиппинах, Тайване, Таиланде эта доля колеблется между 7—14%. Около 5% ВВП падает на производство ИТ-изделий в Финляндии и Швеции². Конечно, по абсолютным показателям лидерство и в затратах на ИТ-революцию, и в производстве ее компонентов сохраняют США и Япония, чей ВВП намного превосходит ВВП других стран. Но главное в этом процессе состоит в том, что в мировом сообществе наступление XXI в. совпало с преодолением той точки траектории цивилизационного процесса, когда уже без ИТ-революции невозможно никакое движение вперед, невозможно решение проблем как отдельных стран, так и всего человечества. И как показал предшествующий анализ, государство не сторонится этого процесса, а выступает его активным и нередко ведущим участником.

Расширение функций государства

Отношения «новой экономики» накладывают в той или иной степени свой отпечаток на все черты рыночной экономики. Как известно, один из самых существенных ее признаков — это конкурентный механизм. С первых дней возникновения американского государства федеральное правительство стремилось поддерживать и защищать конкуренцию, заботясь о равных конкурентных возможностях для бизнеса на всей территории страны. Превращение информационно-коммуникационных технологий в активную составляющую деловой и общественной жизни форми-

¹ IMF Survey. 2001. October 22. P. 336.

² World Economic Outlook. IMF. Washington, 2001. October.

рует новую среду для конкуренции вообще и конкуренции в отраслях высоких технологий в частности. Фактически одновременное распространение информационно-технологической революции в США и в мировом хозяйстве создало уникальные условия, когда конкуренция внутри страны стала частью международной конкуренции и поэтому перед федеральным правительством возникла двудеиная задача — чтобы поддержать эффективный и справедливый уровень конкуренции среди отечественных фирм, необходимо также добиваться открытости и свободы конкуренции в этой сфере вне США, на мировом рынке. Именно поэтому в многочисленных двусторонних и многосторонних экономических договорах, подписанных США в последние годы, обязательной составной частью стали статьи как о свободе торговли компьютерным и телекоммуникационным оборудованием, так и о функционировании всемирной паутины и электронного бизнеса. Так, в рамках ВТО по инициативе США было заключено соглашение о моратории на тарифы на товары, реализуемые через электронную торговлю.

В целом же администрация США исходит из того, что чем меньше ограничений будет для международной торговли, тем больше будет свободы конкуренции во всех сферах мировой экономики, включая и «новую экономику». Разумеется, в этом процессе американское государство исходит прежде всего из интересов отечественного бизнеса. Однако, как уже отмечалось выше, немало стран в мире довольно активно включились в «новую экономику» не только как потребители ИТ-товаров и пользователи Интернета, но и как производители различного телекоммуникационного и компьютерного оборудования. Понятно, что и для таких стран неограниченная конкуренция на мировом рынке ИТ-продукции предоставляет шанс найти свою нишу.

Известно, что антitrustовское законодательство в США не находится в застывшем состоянии. Экономический и информационно-технологический прогресс конца XX в. постоянно ставил новые проблемы перед государственными институтами по поддержанию свободы выбора и конкуренции как в традиционных отраслях, так и в новых отраслях, которые нередко называют отраслями высоких технологий. Составной частью антitrustовских мер стал закон о телекоммуникациях 1996 г., принятый Конгрессом США по инициативе Белого дома. Согласно этому закону, снимались любые ограничения на доступ фирм на рынок беспроводной связи и фактически разрушалось монопольное положение

телефонных компаний, имевших до этого значительные преимущества как на региональных рынках США, так и в обеспечении международных коммуникаций. По мнению специалистов, этот закон способствовал привлечению в этот бизнес новых фирм, разработки которых, по существу, открывают третью волну в развитии беспроводной связи, расширяя горизонты роли и значения фактора бесперебойной и равнодоступной связи как в США, так и во всем мире¹.

Американская фемида не оставляет надежды добиться свободы доступа фирм в отрасль, где выпускаются программное обеспечение, операционные системы и другие продукты, обеспечивающие работу как отдельных компьютеров, так и Интернета. В частности, выдвинуты обвинения в использовании монопольного положения компанией «Майкрософт», которую возглавляет Б.Гейтс. Решение о разделе компании на две фирмы активно обсуждается, но до сих пор не принято. Более того, сторонники «Майкрософт» стараются убедить и американскую общественность, и федеральное правительство в том, что деятельность их фирмы отвечает национальным интересам США и способствует поддержанию конкурентоспособности страны в обостряющейся конкуренции в мировой экономике. Будущее покажет, насколько доводов конкурентов «Майкрософт» на внутреннем рынке. А пока подчиненные Б.Гейтса не только продолжают посылать в Белый дом и Конгресс новые оправдательные доклады, но и не сокращают агрессивную политику на рынке программных продуктов вообще и в системе Интернет в частности.

Тот факт, что в секторе информационных технологий американской экономики число компаний продолжает расти, можно рассматривать как одно из подтверждений здоровой конкурентной среды, снимающей заградительные барьеры на входе в перспективный бизнес. С 1990 по 1997 гг. число компаний в этом секторе более чем удвоилось, превысив 150 тыс.² И хотя 2000 г. ознаменовался началом спада в американской экономике и проявились первые признаки снижения деловой активности также и в отраслях информационных технологий, валовой доход компаний этого сектора превысил 814 млрд. долл. что оказалось на 9,2% больше этого показателя в 1999 г.³ При этом доля дохода

¹ Economic Report of the President. P. 47.

² Ibid. P. 36.

³ Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States. P. 565.

всех компаний данного сектора, относящаяся на фирмы, производящие программное обеспечение, и фирмы, выпускающие оборудование, примерно одинаковая — 33%. И по общей величине наемного персонала две основные группы фирм сектора информационных технологий мало отличаются — в среднем на них занято по 1,65 млн. человек¹.

Сектор информационных технологий — самый молодой в американской экономике. Несмотря на то, что для обеспечения полноты и точности статистического учета и наблюдения в США периодически производится адаптация статистического классификатора к существующим реалиям, даже последний из действующих стандартов отраслевой классификации (СОК), принятый в 1987 г., и постепенно внедряемая после подписания соглашения об образовании НАФТА Северо-Американская отраслевая классификационная система (САОКС) не смогли четко очертить границы отраслей сектора информационных технологий. В результате в этот сектор попали как компании, производящие оборудование и программное обеспечение, так и компании, обеспечивающие самые разнообразные услуги в информационно-коммуникационной сфере. Поэтому поиск адекватных статистических показателей и методов учета продолжается. В этом поиске выделяются два направления. Одно — как измерять «новую экономику». Другое — как определять влияние и воздействие «новой экономики» на социально-экономическое развитие страны. Очевидно, что от решения данных проблем во многом зависит, в частности, и государственная политика по отношению к «новой экономике». Не случайно поэтому Бюро экономического анализа (БЭА) Министерства торговли США уже не первый год исследует вопросы учета и динамики «новой экономики».

Ключевой вопрос анализа феномена «новой экономики» связан с раскрытием ценообразования в этой сфере, построением индексов цен для того, чтобы с их помощью можно было бы уловить все тонкости производства, тиражирования, распределения и потребления различных информационных продуктов, производства и быстрого обновления оборудования и программного обеспечения. Не вдаваясь в подробности проводимых исследований, которые требуют специального внимания, следует лишь отметить, что современные высокие технологии не вписываются в традиционную рыночную схему ценообразования и предполагают по-

строение как новых индексов, так и сочетание новых и уже имеющихся индексов для выявления реальных изменений сути и динамики «новой экономики»¹.

Ясная статистическая оценка «новой экономики» необходима не только для государства, но и для бизнеса, ибо без понимания перспектив экономического развития трудно ожидать рациональной государственной политики и стратегически выверенных шагов бизнеса. В большой статье «Измерение новой экономики» председатель БЭА С.Ландефельд и его коллега Б.Фраумени подчеркивают, что «новая экономика» — это не кратковременный феномен, а долговременный фактор национального и мирового развития, оценка которого оказывает существенное влияние на ключевые экономические индикаторы:

- Прогнозы налогообложения и расходов.
- Наполнение и распределение федеральных, штатных и местных программ.

• Технологическая политика; регулирование, законодательство и налоговые правила, влияющие на сбережения; инвестиции в физический и человеческий капитал, НИОКР, финансовые рынки и Интернет.

- Понимание долгосрочного роста и производительности².

Фактически, отмечают С.Ландефельд и Б.Фраумени, в связи с «новой экономикой» существенно изменяются и структура ВВП, и все параметры социально-экономического развития, включая качество и длительность жизни. При этом авторы предлагают комплекс статистических мер для повышения качества мониторинга и учета в условиях растущего влияния информационно-коммуникационных технологий, развития электронного бизнеса и сопутствующих процессов³.

Реализация подобных мер даже в области статистики не может обойтись без соответствующей научной разработки, исходящей из общенационального и общемирового характера происходящих изменений из-за ИТ-революции. Господствующая до сих пор неоклассическая парадигма построена на приоритетах «экономического человека», его частных интересов и индивидуального выбора. Информационная волна перемещает приоритеты на уровень общества и объективно поднимает роль государства и его

¹ Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States. P. 565.

¹ Подробно об этом см.: Survey of Current Business. 2000. December. P. 17—22.

² Survey of Current Business. 2001. March. P. 24—25.

³ См.: Ibid. P. 23—40.

политики в обеспечении развития и «экономического человека», и бизнеса, и национальной экономики в целом. Линейные зависимости и равновесные состояния, типичные для неоклассической экономической теории, не в состоянии отразить процессы в обществе и экономике, которые теперь уже не происходят столь прямолинейно, как это было до «новой экономики». По образному выражению математика Станислава Улама, линейная зависимость и равновесные состояния — это «наука о слоновой жизни», в то время как нелинейные взаимосвязи — «наука о неслоновой жизни»¹. Чтобы избежать «слоновой поступи» в теории, которая не выводит на практические рекомендации и которая не вскрывает взаимосвязи в экономике и ее динамику на базе ИТ-революции, ряд западных ученых призывают разрабатывать «политическую экономию информации», которая поможет найти ответы на такие острые вопросы, как:

Насколько верно предположение, что мир нелинейным образом модифицирует природу создаваемых институтов?

Как «виртуальность» организаций воздействует на их управляемость?

Как воздействует переход от традиционных «энергетических активов» к «активам знаний» на учетную практику?

Какое образование способно подготовить специалистов для управления в условиях цикла жизни информационного продукта?

Какой должна быть политика найма и работы с персоналом, чтобы обеспечить рост производительности и уменьшить деструктивность?

Как государство поддержит необходимый контроль за деятельностью в «новой экономике», не ущемляя прав индивида и бизнеса?²

Иными словами, ИТ-революция не отменяет свободу выбора «экономического человека» в условиях свободной конкуренции, а вынуждает координировать любой выбор с общенациональной ситуацией, с интересами выживания всего общества, от судьбы которого стала все больше зависеть и судьба каждого индивида. Вот почему, несмотря на чиновничье-бюрократический окрас государственных институтов, граждане обращаются именно к государству за поддержкой и защитой своих интересов, не абсолютизируя свои права и свободы.

¹ Boison M. Knowledge Assets. Securing Advantage in the Information Economy N.-Y., 2000. P. 269.

² Ibid. P. 270—271.

В этой связи весьма примечательным является объявление Гарвардского университета о наборе в докторскую программу по подготовке диссертаций в области политической экономии и государства. Характерно, что объявление предваряется выделенными жирным шрифтом словами «политическая экономия переживает ренессанс»¹. Организаторы программы также указывают, что на базе междисциплинарного подхода, сочетающего экономикс и политические науки, докторанты станут специалистами в области взаимодействия государства и рынка. Доктора с такой квалификацией сейчас нужны и вузам, и частному сектору, и государственной службе. Выражаясь стандартным неоклассическим языком, рынок образования и науки чутко отреагировал на рынок высококвалифицированных специалистов. При этом теоретические и идеологические постулаты оказались бессильны перед лавиной информационно-коммуникационных технологий, а государственный спрос вновь подтвердил свою надежность и перспективность в рыночной среде.

«Новая экономика» вынудила американское государство пересмотреть свою политику невмешательства в систему образования, особенно школьного. Нельзя не заметить, что в стране сложился консенсус по поводу необходимости существенного повышения качества школьной учебы. Государственная политика в отношении образования щедро финансируется и развивается одновременно по нескольким направлениям:

— повышение стандартов образования, их адаптация к требованиям ИТ-революции и учет мирового уровня;

— обеспечение школ необходимым оборудованием, включая их подключение к Интернету, развитие современных методов преподавания;

— целевая поддержка школ в графствах, имеющих сравнительно небольшие сборы местных налогов;

— подготовка учительского корпуса и его расширение;

— сокращение и оптимизация наполняемости классов учениками, особенно в младших классах;

— расширение возможностей для выпускников школ для продолжения обучения в штатных колледжах;

— расширение сети и повышение эффективности работы детских садов как важнейшего начального этапа образовательного процесса;

¹ The Economist. 2001. October 20. P. 102.

— поддержка использования школьных зданий в послеурочное время для дополнительных занятий и курсов, обогащающих знания и навыки учащихся.

Основную долю затрат на указанные цели берет на себя федеральное правительство. Для этого принято несколько специальных программ и законов, которые легализуют активную роль государства в образовательной сфере. Так, с 1998 г. начата реализация семилетней программы по доведению наполняемости в 1—3 классах до 18 учеников. По подсчетам специалистов, ежегодно на эту программу требуется в среднем по 5 млрд. долл. Почти завершен процесс подключения школ к Интернету. К началу 2000 г. 95% школ и 63% классных комнат уже имели свободный доступ к всемирной паутине. Одновременно формируются внутри- и межшкольные компьютерные сети со специальным выделением библиотек. Стала широко внедряться практика льготного налогообложения расходов на образование для того, чтобы сделать высшее образование доступным для максимального числа граждан. Наряду с этим в правительственных инициативах уделено внимание также переподготовке рабочих в специальных учебных заведениях, где обучают профессиям, возникающим в ходе ИТ-революции¹. Не снимая ответственности с семей и самих граждан за уровень образования и квалификации, американское государство определило свое место в системе координат «новой экономики» как своеобразного гаранта подготовки всего своего населения к новым вызовам XXI в. Инвестиции в людей, инвестиции в образование — это не просто поддержка государством общественных благ, которые по своей природе недоступны рынку, это стратегическое поведение общества, в конечном счете выгодное всем. И в бюджетном послании конгрессу 28 февраля 2001 г. президент Дж.Буш отметил в качестве первого приоритета бюджета 2002 г. поддержку школьного образования. Прирост средств по сравнению с предыдущим финансовым годом, выделенных министерству образования, оказался равным 11,5%. Это наибольший прирост среди всех министерств и ведомств федерального правительства. «Ни один ребенок не окажется забытым» — таков мотив образовательной бюджетной политики администрации Дж.Буша.

Расширение и насыщение функций государства в условиях повсеместно укрепляющегося господства информационно-коммуникационных технологий неизбежно требует поддержания в

обществе высокой фискальной дисциплины. Приходится корректировать традиционные методы фискальной политики, учитывать специфику расчетов и ведения бизнеса через киберпространство, своевременно реагировать на изменения в экономике, обусловленные функционированием финансовой системы в режиме реального времени. Электронная подпись на финансовых и подобных им документах стала юридически признанной. Движение капитала в стране резко ускорилось. Все это нацеливает на новую модель правительства, которое оптимизирует свою роль в современных условиях по разным параметрам.

Во-первых, новые сетевые технологии изменяют взаимосвязи внутри правительства и его органов, снимая различные барьеры и формируя структуру, нацеленную на нужды общества и граждан.

Во-вторых, новое состояние правительства, гражданского общества и рынков способствуют переоценке их общественной роли и выявлению их значимости в социально-экономическом развитии.

В-третьих, изменение функций правительства осуществляется законодательным путем, включая конституционные преобразования, чтобы добиться наиболее рациональной структуры государственных органов, отвечающих требованиям современного общества и его граждан.

В-четвертых, нацеленное на нужды граждан правительство создает новую атмосферу для своих граждан, вовлекая их в решение проблем общества и переходя от «декларируемой» демократии к ее более открытой модели.

В-пятых, граждане напрямую вовлекаются в процесс принятия решений и реализацию государственной политики, отказываясь от прежнего принципа «сверху вниз», который присущ пока деятельности правительства¹.

Конечно, авторы предложенной модели в известном смысле идеализируют степень влияния информационных технологий на роль государства и общественное устройство в целом, абсолютизируя значение прозрачности как в деятельности государственных структур, так и в жизни простого человека. Сами по себе информационная сеть и соответствующая ей прозрачность не гарантируют гармонию интересов государственных чиновников, бизнеса, граждан и общества в целом. Более того, столкнувшись с реальностью «просвечивания и просматривания», и государство, и гра-

¹ Economic Report of the President. P. 43—45, 209—222.

¹ Finance & Development. 1999. December. P. 37.

ждане стали искать способы, чтобы защитить себя от излишней открытости. Получается, что рыночная система и гражданское общество имеют внутренние пределы взаимной открытости, которые не позволяют «переступить» через фундаментальные основы их развития — неприкосновенность частной собственности и частной жизни, коммерческой и государственной тайны. Поэтому до сих пор политика американского государства как раз и направлена на защиту этих ценностей.

Демократия и «новая экономика»

Опорным институтом, выступающим гарантом развития рыночных принципов и демократического общества, является государство. В условиях США сложился механизм обратной связи общество — государство, благодаря которому граждане имеют возможность периодически оценивать деятельность федеральных и штатных властей. Бурный рост информационно-коммуникационных технологий вносит свои коррективы в сложившиеся отношения, вызывая в обществе и академических кругах порой совершенно полярные оценки характера и результатов происходящих процессов.

Сам факт того, что Интернет содержит массу возможностей для злоупотреблений и подвергает эрозии институт частной собственности, особенно интеллектуальной, дает повод для распространения «вэб-фобии». К примеру, профессор Чикагского университета К.Санстейн в своей последней книге «Republic. com.» пытается показать, что Интернет подрывает американскую демократию, разрушает общественный форум, ведет к фрагментации политической жизни¹. Вместе с тем, как известно, никогда прежде граждане США, среди которых в 2000 г. уже почти 113 млн. человек только взрослого населения имели доступ в Интернет², не могли получать столько информации о деловой, политической и культурной жизни страны, о деятельности отдельных политических лидеров и т.д. У каждого пользователя Интернета есть возможность избежать восприятия одностороннего толкования информации, подключаясь к различным сайтам, обращаясь к первоисточникам. Разрушая монополизм любой информации, Интернет расширяет свободу выбора и свободу принятия решений в обществе. Конечно, как большинство явлений в жизни, Интернет

имеет, по меньшей мере, две стороны — позитивную и неоднозначную. Говоря об этой второй стороне, лондонский журнал «Экономист» отмечает, что у населения порой вызывают тревогу «пять Пунктов», связанных с Интернетом, — политизация, порнография, вторжение в частную жизнь, угрозы безопасности и собственности¹. Чтобы нивелировать негативные последствия Интернета, важно выявить, являются ли они «порождением» сети, или они и ранее были в обществе, но с помощью сети получили максимальное распространение. В этих условиях общество и государство совместно выбирают тактику и стратегию поведения, разделяя и распределяя ответственность как за развитие демократии и общественных институтов, так и за оптимизацию использования Интернета и других информационных сетей. Профессор Калифорнийского университета в Бэркли К.Шапиро считает, что прежде чем требовать от государства формирования соответствующей архитектуры Интернета, компании и граждане могут использовать немало возможностей, чтобы защитить индивидуальные свободы².

Хотя американское государство уже немало сделало на пути защиты интеллектуальной собственности и в системе ВТО, и в национальном законодательстве, сама жизнь и расширение влияния Интернета не позволяют останавливаться на этом пути. Интеллектуальная собственность в условиях ИТ-революции становится важнейшим фактором конкурентоспособности страны, поэтому ее правовая защита и оформление экономической реализации остается ключевой составляющей государственной политики.

¹ Sanstein C. Republic. com. Princeton, 2001.

² Statistical Abstract of the United States. P. 568.

¹ The Economist, April 7, 2001, p. 105.

² Harvard Business Review, May — June 2000, p. 189.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растущая информационная доступность и открытость современного мира не уменьшают накал конкурентного противостояния на всех уровнях — индивида, бизнеса, государства. Глобальное распространение рыночных принципов не только объединяет все страны в единое мировое рыночное пространство, но и закладывает фундаментальные основы перманентного соревнования за ресурсы по обеспечению качества жизни для своих народов. Получается, что для каждой страны, в том числе и России, вектор экономического развития имеет и одинаковое направление, и одинаковую систему координат. Но отсюда не следует, что мировой вектор экономического развития выступает как результирующий вектор всех стран.

Дело в том, что рыночный механизм не нивелирует особенности национального развития отдельных стран и в силу различных обстоятельств каждая страна формирует свои критерии качества жизни. При наличии некоторых общепринятых параметров, в частности, определяющих индекс человеческого развития, содержательное наполнение качества жизни зависит от условий отдельной страны. Причем эти условия зависят как от внутренних факторов, так и от конкурентоспособности страны в мировой экономике. Теоретически, чем выше конкурентоспособность, тем выше потенциал для роста качества жизни своего населения.

Хотя рыночный механизм предполагает безмерный «плюрализм» форм собственности и бизнеса, громадное число предпринимательских единиц в национальном хозяйстве, все же на мировой арене страна может рассчитывать на конкурентный успех, если она выступает как целое, имеющее свои четко выраженные национальные интересы. Опыт передовых стран в этом деле наглядно проявился не только в прошлом, но уже и в наступившем XXI столетии.

В монографии неоднократно подчеркивалось, что демократическое устройство американского общества во многом предопределяет эффективность экономики США и ее лидерство в мировом хозяйстве. Однако оценка американских демократических институтов как в самих США, так и в остальном мире, во-первых, отличается немалым разнообразием и в остальном мире, во-вторых, вовсе не считается идеалом для повсеместного внедрения и подражания. В этой связи весьма примечательный вывод делает про-

фессор Оксфордского университета Л.Зидентон, сравнивая устройство общества в Америке и Европе. В своей фундаментальной работе «Демократия в Европе» он пишет: «Определяющая черта американского хозяйства и американского общества — преобладание среднего класса — не предполагает ни презрения к рынку, ни боязни его. Если в более стратифицированном европейском обществе отношение к рынку было весьма дифференцированным (высшие классы с презрением относились к нему, как к укрошенному зверю, тогда как низшие со страхом представляли рынок в виде всепожирающего чудовища), то для американского среднего класса и для американского народа в целом характерно отношение к рынку как к супругу или супруге — хотя и мешает спать, но в целом доставляет удовольствие».

Уверенность в том, что перед рынком все более или менее равны, управляет жизнью американцев и обуславливает их реакцию на проблемы, возникающие в обществе среднего класса или демократическом обществе. Способность представить себя на месте любого другого человека — своего рода социальная прозрачность — влияет не только на американские товары, но даже на американскую культуру и юмор американцев»¹.

Российский исследователь В.В. Согрин в глубоком анализе американской демократии на поставленный им вопрос, «как же определить нынешнюю американскую демократию и в какой степени она близка к той модели, которую принято считать демократическим образцом», предлагает свой ответ: «Такое определение, на мой взгляд, лучше всего выражается формулой «демократический элитизм»². Причем «модель демократического элитизма», продолжает В.В. Согрин, воплощена в Конституции США 1787г.³, которая, как известно, в своей основе действует и сейчас. При любом определении американской демократии вполне очевидно, что в американской модели экономического развития демократическая составляющая является основополагающим неэкономическим фактором. Однако подобно американской рыночной модели модель демократического общества в США выступает одним из вариантов демократического устройства и не может пре-

¹ Зидентон Л. Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001. С. 284—285.

² Согрин В.В. Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // США — Канада: экономика, политика, культура. 2002. №5. С. 28.

³ Там же. С. 29.

тендовать на глобальное расширение¹. Сегодня в мире есть немало различных национальных моделей демократии. Выстраивает свою модель и Россия².

Лидерство США в мировом хозяйстве является заслугой, безусловно, в первую очередь самих американцев. Однако нельзя не учитывать, какую цену платит и все мировое сообщество за американские достижения. Так, США, имея 4% в населении мира, выбрасывают 25% углекислого газа в мировую атмосферу. В результате на одного американца приходится 20 т выбросов углекислого газа в год, что в два раза превышает соответствующие показатели России, Японии и Европейского союза³. Этот факт еще раз заставляет задуматься, как дальше развиваться мировой экономике в целом и отдельным национальным хозяйствам в частности. Ясно одно, что в постиндустриальную, информационную эру качество жизни вряд ли возможно поддерживать на современном уровне, «отгородившись» от остального мира. Глобальность окружающей среды — это общемировой и национальный фактор вектора экономического развития.

Современное экономическое развитие — это повышающееся значение человеческого труда в растущем многообразии факторов производства и экономики в целом. Не случайно поэтому и в академических исследованиях, и в реальной экономической политике правительств в развитых странах уделяется столь большое внимание и выделяются громадные средства на «человеческий капитал», на «общественный капитал», на систему образования и науки, на поддержание высокого и эффективного уровня занятости населения. Сегодня о качестве жизни можно говорить лишь тогда, когда обеспечены эти ключевые условия. При таких обстоятельствах возникает немало трудностей в экономическом анализе, опирающемся на предельные величины. Научные парадигмы в сфере экономической теории испытывают напряжение и ищут ответы на вызовы времени. Можно сказать, что и в России, и в странах Запада и Востока созрело ожидание теоретического раскрытия системного, целостного развития национальных и мировой экономики в XXI в. Весь мир оказался в поисках адаптации рыночных принципов к невиданным ранее

¹ Один из вариантов анализа внутреннего механизма американской демократии представлен в книге: Э.Саттон. Кто управляет Америкой / Пер. с англ. М., 2002.

² Об этом см., например, Некипелов А.Д. От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству. В кн.: Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика, 2002. С. 109—119.

³ Globalization, Growth and Poverty. N.-Y., 2002. P. 17.

ции рыночных принципов к невиданным ранее условиям¹. Все активнее включаются в анализ неэкономические факторы общественного развития².

Все это говорит, в частности, о том, что экономическая теория не уходит от открытых проблем современности, а на базе богатого исторического теоретического и практического опыта развивает как методологию исследования, так и междисциплинарный подход к сложным явлениям современности. При этом все отчетливее проявляются различия в методах анализа живой природы и человеческого общества, его экономической среды. Есть немало ограничений в использовании естественно-научных методов, в том числе и математических, при исследовании экономических процессов, поведения человека и его выбора. Как известно, еще летом 1867 г. было отмечено, что «... при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³. Уже в 1957 г. к так называемому «методологическому дуализму» приходит Л.Мизес, который именно с этой проблемы начинает свою книгу «Теория и история». «Ключевое положение этого подхода, — пишет М.Ротбард в 1985 г., — состоит в том, что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул»⁴.

На первый взгляд, эти прописные истины не нуждаются в повторении. Между тем, как представляется, именно от метода изучения и исследования сегодня во многом зависит выбор научной экономической парадигмы, что в свою очередь в значительной степени влияет на оптимизацию подбора факторов и усло-

¹ В качестве примера можно привести статьи: Нуреев Р., Латов Ю. Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // Вопросы экономики. 2001. № 1; Баумоль У. Чего не зная Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию. 2001. № 2; Сорокин Д. Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции. 2001. № 2; Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. 2001. № 7; Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. От стандартной экономической теории к экономической синергетике. 2001. № 10; Маевский В. Эволюционная теория и технологический прогресс. 2001. № 11; Ольсевич Ю. Нертодоксальный взгляд У.Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи. 2001. № 12.; Корнаи Я. Системная парадигма. 2002. № 4.

² Об этом см., например: Певзнер Я.А. Введение в экономическую теорию социал-демократизма. Изд. 2-ое. М.: Эдитория УРСС, 2001; Афонцев С. Экономическая политика и модели экономического развития // МЭиМО. 2002. № 4.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

⁴ Людвиг фон Мизес. Теория и история. (Интерпретация социально-экономической эволюции) / Пер. с англ. М.: Юнити, 2001. С. 8.

вий, обеспечивающих в каждой стране рост качества жизни населения.

Минимизация затрат и максимизация результата — важнейший принцип рыночного хозяйствования. В наше время все более становится очевидным, насколько различаются ограничения при реализации этого принципа для отдельного человека, фирмы или государства. Хотя все граждане в большей или меньшей степени платят за качество своей жизни, но выбор вектора экономического развития среди многочисленных составляющих и альтернатив в решающей степени определяется ролью и значимостью государственных и общественных институтов. Качество жизни — это стратегический национальный приоритет и интерес.

Монография

Пороховский Анатолий Александрович

Вектор экономического развития

Корректор *Логунова Е.Н.*

Компьютерная верстка *Сметанина И.В.*

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 04386 от 26.03.2001. Подписано в печать 01.07.2002 г.

Формат 60x88 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 19,0. Тираж 3000 экз. Зак. № 6521

Издательство «ТЕИС»

115407, Москва, Судостроительная ул., 59

Тел. 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.